

ISSN 0132-1326

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНО ·
ВЕДЕНИЕ
· 1
2002

«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт славяноведения

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

2002

ЯНВАРЬ •

ФЕВРАЛЬ •

Содержание

СТАТЬИ

К юбилею Г. Кайперта	3
Сазонова Л.И. (Москва). Имя в риторике и поэзии XVII века у восточных славян	4
Толстая С.М. (Москва). Семантическая модель родства в славянском народном календаре	23
Запольская Н.Н. (Москва). Грамматика и теология: проблема библейского антропонимического пространства	27
Турилов А.А. (Москва). Кому "единоименен" Раннокисум? Глоссы как элемент первоначального замысла и оформления текста Жития деспота Стефана Константина Костенецкого	31
Вендина Т.И. (Москва). Число и счет в старославянском языке	36
Крысько В.Б. (Москва). Отъника и материци	42
Золтан А. (Будапешт). Славяно-венгерские этимологии	48

* * *

Блюмлова Д. (Ческе Будаевице). Личность и образ Т.Г. Масарика в творчестве Виктора Дька	53
Горяинов А.Н. (Москва). Трагическая страница биографии В.И. Пичеты в свете одной стенограммы 1928 года	62
Смирнов Л.Н. (Москва). К юбилею сектора славянского языкознания Института славяноведения РАН	72

СООБЩЕНИЯ

Горяинов А.Н., Досталь М.Ю. (Москва). С точки зрения историков науки... (О посмертном сборнике статей С.Б. Бернштейна)	79
Тошович Б. (Грац). Дисперсия глагола в имени	82

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Косик В.И.</i> (Москва). Идея славянского объединения и возрождение России. Шифр "Амур". 1919 год	93
<i>Дзевановский М.К.</i> (Милуоки). Профессор Михаил Карпович (1888–1959). Вступительное слово Л.Е. Горизонтова	101

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Тяпко Г.Г.</i> В.П. Гудков. Славистика. Сербистика: Сборник статей	105
<i>Клопова М.Э.</i> Н.М. Пашаева. Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв.	108
<i>Задорожнюк Э.Г.</i> Т.С. Гузенкова. Политические партии и лидеры в Верховной Раде Украины (1998–2000)	111

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Носов Б.В.</i> Международная научная конференция "Россия, Польша, Германия в европейской и мировой политике XVI–XX вв."	115
<i>Демина Е.И.</i> Седьмая Международная конференция по социолингвистике (22–24 IX 2000 г. София, Болгария)	118
<i>Венедиктов Г.К.</i> Научная конференция "Найден Геров в истории болгарской науки и культуры"	119
<i>Калнынь Л.Э., Клепикова Г.П.</i> Круглый стол "Восточнославянская диалектология, лингвогеография и славянский контекст"	120
Новые издания Института славяноведения РАН	125

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В.К. ВОЛКОВ (главный редактор), **М.А. ВАСИЛЬЕВ**, **Г.К. ВЕНЕДИКТОВ**,
Р.П. ГРИШИНА, **В.И. КОСИК**, **Г.Ф. МАТВЕЕВ**,
В.В. МОЧАЛОВА, **С.В. НИКОЛЬСКИЙ**, **В.Я. ПЕТРУХИН**,
М.А. РОБИНСОН (зам. главного редактора),
Л.А. СОФРОНОВА, **Б.Н. ФЛОРЯ**, **В.А. ХОРЕВ**, **Т.В. ЦИВЬЯН**

Ответственный секретарь
А.В. БОЛДОВ

Заведующие отделами: *Адельгейм И.Е.* (отдел литературоведения),
Белова О.В. (отдел культурологии), *Валенцова М.М.* (отдел лингвистики),
Васильев М.А. (отдел истории)

Зав. редакцией *И.И. Бизяева*

Сотрудники редакции: *Авакова Л.А.*, *Веслова И.Ю.*, *Кошкина Е.А.*

Адрес редакции: 117334, Москва, Ленинский пр-т, 32а. Телефон 938-01-20
E-mail: vasilyev@FL09.tower.ras.ru

К ЮБИЛЕЮ Г. КАЙПЕРТА

Публикуемые ниже статьи авторы посвящают шестидесятилетию известного немецкого слависта, профессора Боннского университета, соредатора журнала "Zeitschrift für Slavische Philologie" Гельмута Кайперта. Тематическое разнообразие представленных статей отражает многообразие интересов юбиляра, работы которого посвящены вопросам славистики, русистики и истории славянской филологии. Основной областью исследований Г. Кайперта является история славянских литературных языков, представленная как история смены норм и типов кодификации, история развития стилистической дифференциации и полифункциональности, определяющих состояние современных славянских литературных языков. При этом славянские литературные языки рассматриваются ученым в общеевропейском культурно-языковом контексте, позволяющем проследить отношения между культурно соположенными, а также культурно доминирующими и воспринимаемыми языками (греческий, латынь – церковнославянский, латынь, немецкий – русский). В свою очередь обращение Г. Кайперта к широкому культурно-языковому контексту определяет его исследования теории и практики перевода как средства реорганизации культурного пространства. Поскольку структурно-функциональные отношения между литературными языками всегда предстают как результат рефлексии и имеют концептуальный характер, история литературных языков должна включать историю языковой рефлексии. Свидетельством тому являются работы Г. Кайперта, содержащие анализ грамматик, созданных в рамках конфессиональной (трактат "Ось частей слова") и секулярной культур (грамматики И. Глюка, М. Гренинга, М. Шванвица). Интерес к языковой рефлексии позволил ученому создать ряд своеобразных "лингвистических портретов" кодификаторов славянских языков – М. Ломоносова, А. Востокова, А. Бернолака, В. Караджича. Движение научной мысли Г. Кайперта от исследования отдельного языкового элемента через исследование текста к исследованию языковой личности свидетельствует о смене научных парадигм. Авторы и редколлегия журнала желают профессору Г. Кайперту дальнейшей плодотворной научной деятельности и ждут его новых исследований.

© 2002 г. Л.И. САЗОНОВА

ИМЯ В РИТОРИКЕ И ПОЭЗИИ XVII ВЕКА
У ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Проблема, вынесенная в заглавие статьи, далека от обобщения. Она нуждается, прежде всего, в изучении обширного антропонимического пространства в текстах XVII в. как в плане эмпирическом, так и теоретическом. В данной работе представлены отдельные наблюдения над разными формами функционирования топоса имени (топоса ἀπό τοῦ ὀνόματος) в восточнославянской книжной культуре XVII в. вместе с сопутствующей им теоретической рефлексией. Эта рефлексия, как бы обтекающая со всех сторон поэтическое творчество, проникающая внутрь и зарождающаяся в нем, нашла отражение в трудах по риторике, лексикографии, ономастике. Тем самым открывается область исследований, представляющая взаимный интерес для историков культуры, литературоведов, лингвистов.

Апелляция к имени – исконнейшая стилевая черта поэтического высказывания. Еще Ф. де Соссюр предположил, что древнейшая индоевропейская поэзия возникает как анаграмматическая вариация имени бога или героя. Этим принципом, пользующимся для придания тексту сакральной силы перестановками и повторениями слогов, фонем и морфем, участвующих в зашифровывании/расшифровывании священного имени, организованы гимны ведийской поэзии. Столь чуткое отношение поэта к метаморфозам имени имело, кроме чисто поэтического, и религиозное основание, ибо представлялось, что "обращение к богу, молитва, гимн не достигают своей цели, если в их текст не включены слоги имени бога" [1. С. 642]. Преломление имени в слогах и фонамах окружающих слов Соссюр наблюдал также в сочинениях на греческом и латинском языках, отмечал в записях о Гомере и Вергилии. Так, строка "Одиссеи" "ὄρσας ἀργαλέων ἀνέμων ἀμέγαρον αὐτμήν" (XI, 400) варьирует имя Агамемнона (Ἀγαμέμνων) [1. С. 645, 647].

С наследием античности Э.-Р. Курциус связывает прием этимологической игры с именем персонажа. Отдельный экскурс, посвященный анализу данного поэтического приема в античной литературе и риторике, а также в латинском средневековье, автор озаглавил обобщающей формулой "Этимология как форма мышления" ("Etymologie als Denkform" [2. S. 486–490]), указав, что прием был воспринят эпохой Ренессанса и барокко.

Благодаря импульсу, данному классическим трудом Курциуса, проблема получила дальнейшее развитие в работе Г. Кайперта, основанной на материале иного региона Европы с отличающейся культурной традицией: "Nomen est Omen. Этимология как форма мышления у русских авторов XVII века" [3. S. 100–132]. Исследователь констатирует, что в сравнении с латинским Западом предпосылки для рецепции топоса ἀπό τοῦ ὀνόματος в средневековой Slavia Orthodoxa были менее благоприятные. Так,

Сазонова Лидия Ивановна – д-р филол. наук, заведующая сектором Института мировой литературы РАН.

иные, чем на латинском Западе, условия культурного развития православных славян проявились, в частности, в том, что в их монастырях долгое время отсутствовало регулярное и систематическое изучение грамматик и риторик, которые рекомендовали использование топоса ἀπό τοῦ ὀνόματος как возможность для отыскания аргументации. Значительные ограничения на его восприятие накладывала также перемена языка-реципиента, поскольку при переводе византийской гимнографии на церковнославянский язык сравнительно редко удавалось воспроизвести этимологизирование как "форму мышления" и передать нарицательное значение имени.

Раскрывая в своей работе предысторию именных значений в текстах русских авторов XVII в., Г. Кайперт указал на общую для всего христианского мира традицию, связанную с Библией. Для славянских книжников действенным стимулом к этимологизации могли послужить многочисленные объяснения имен в Ветхом Завете [3. S. 104]. Этимология как способ мышления – риторический прием, равно пригодный как для похвалы (энкомия), так и для инвективы, вошел в славянскую письменность уже с первыми переводами и стимулировал, то более, то менее удачно, подражательное использование. Решающую роль при восприятии топоса ἀπό τοῦ ὀνόματος в Slavia Orthodoxa из византийской письменности сыграли жанровые особенности гимнографии. Примеры этимологического обыгрывания имени можно найти в значительном числе кондакарных текстов.

Однако, как полагает ученый, фактически топос ἀπό τοῦ ὀνόματος для Древней Руси открыли в первой половине XVI в. Максим Грек с его словарем по ономастике "Толкование именам по алфавиту" (повлиявшим, кстати, на истолкование имен в "Степенной книге"), а в конце XVI в. азбуковник "Толкование неудобь познаваемым речем" [3. S. 107]. Возможно, эти словарно-справочные пособия предназначались для конкретных агнографическо-гимнографических целей богослужения в связи с новой волной канонизации святых после церковного собора 1547 г. и 1549 г. [3. S. 110]. Наконец, в 1627 г. к имевшимся словарям имен добавилось еще одно пособие, которым могли воспользоваться восточнославянские книжники XVII в., – ономастическая часть "Лексикона" киевского лексикографа Памвы Берынды (1627) [3. S. 111, 117, 119, 120]. Поэтому для текстов XVII в. необходимо в каждом отдельном случае проверять, на какой источник опирался автор, обосновывая свои этимологии.

С появлением этих справочников в русской литературе начинается новая фаза в истории топоса ἀπό τοῦ ὀνόματος, поскольку с их помощью восточнославянские авторы даже без знания греческого, еврейского или латинского языков могли использовать риторический потенциал христианских имен. Г. Кайперт проанализировал разные примеры этимологического мышления у книжников XVII в. и привел убедительные доказательства их обращения к обоим "Толкованиям". Так, Иван Тимофеев пытался в своем "Временнике" не только толковать имена, но нередко заставлял самих персонажей действовать в соответствии с заданными значениями их имен или, напротив, приводил случаи их полного расхождения [3. S. 113–116].

Почтенная древность приема этимологизации имени и широкая распространенность его в богослужебных гимнах послужили тому обстоятельству, что в литературе старообрядцев также практиковался данный вид риторической аргументации, освященный к тому же авторитетом высоко чтимого ими Максима Грека. Из старообрядцев XVII в. Аввакум, несмотря на свой решительный отказ от риторики и риторического, в наибольшей мере использовал принцип "Nomen est omen" [3. S. 117–121].

Работа Г. Кайперта внесла теоретический вклад, установив связь между конкретными реализациями топоса ἀπό τοῦ ὀνόματος в сочинениях русских авторов XVII в. и восточнославянской лексикографической традицией XVI–XVII вв., наметив тем самым новый путь к более глубокому пониманию одного из примечательных явлений поэтики русской литературы XVII в.

Продолжая разрабатывать теоретические подходы к анализу принципа "Nomen est omen", необходимо соотносить функционирование имени с основополагающими

эстетическими концепциями XVII в. и, прежде всего, с тем, как понималось тогда имя в трудах по риторике и поэтике, поскольку риторика – грамматика художественного языка.

Начнем с лексикографического определения, данного Памвой Берындой: "Имя – назвиско, або прозвиско. Также: слава, достоинство" [4. С. 48]. Кроме номинативной функции имени ("название или прозвище"), отмечено его метаязыковое значение ("слава, достоинство"), которое могло служить существенной предпосылкой для его риторической разработки. Наблюдаемый в XVII в. все более возрастающий интерес к именной экзегезе совпадает у восточных славян с периодом появления кодифицированной риторики, выступающей в виде учебника.

Мировоззренческо-стилевые основы книжной восточнославянской поэзии формировались под сенью латино-польской риторической традиции, а также новолатинской литературы. Об имени говорится в первой части общей риторики, содержащей учение об *inventio*, то есть о риторическом изобретении доказательств. Эти доказательства "извлекаются из общих риторических мест" – "внутренних и внешних". Значение имени относится к "внутренним местам" наряду с остальными 15-ю, описанными еще Цицероном (определение, перечисление частей, спряжение, род, форма, сходство, несходство, противное, противоречащее, придаточное, предыдущее, последующее, причина, следствие и сравнение). Эти места называются "внутренними", поскольку обращены к поиску смыслов, заключенных в самом предмете, обозначаемом подлежащим или сказуемым предложения. В киевских риториках XVII в. они описывались со ссылкой на авторитет иезуита Зоария, причем из "внутренних мест" имени придавалось особенное значение [5. С. 472], поскольку в поэтике барокко (как ранее и средневековья) актуализируется значение урвней *inventio* и *elocutio* (изобретение и украшение стиля). В трактате Феофана Прокоповича "Об искусстве риторики" (1706) рассуждения об имени занимают место во второй книге – "Об изобретении аргументов и амплификации" [6. С. 88–89].

Разрабатывая новый стиль, эффектный, изысканный, сентенциозный, теоретики XVII в. рекомендовали использовать среди широчайшего спектра художественных форм и стилистических фигур, многие из которых призваны обслуживать барочное остроумие (*acumen*), риторический потенциал топоса *ἀπο τοῦ διόμματος*.

М.К. Сарбевский, впервые сформулировавший в своем трактате "De acuto et arguto" (1627) барочную теорию искусства, ставшую ведущей литературной доктриной эпохи, указывает на имя как на источник нескольких способов изобретения остроумия, основанных на игре слов: кроме "этимологического", он называет также "арифметический", "географический", "номенклатурный" ("*nomenclator*"), "анаграмматический" [7. С. 16–20]. В трактате Б. Грасиана "Остроумие, или Искусство изощренного ума" (1648), также манифестирующем основные принципы эстетики барокко и связанном с традициями латинской иезуитской схоластической учености, имени посвящен специальный раздел "Рассуждение XXXI. Об остроумии в толковании имен" [8. С. 366–373], об имени говорится также в "Рассуждении X. О подлинно остроумных уподоблениях": "Имя собственное – источник многих остроумных мыслей" [8. 231].

Формы функционирования имени зависят от основополагающих эстетических концепций и вкусов каждой эпохи, и в жизни топоса *ἀπο τοῦ διόμματος* отражаются культурные процессы своего времени.

XVII век в России – "бунташный", отмеченный значительной конфликтностью культурного развития, расколом общества на враждующие между собой лагеря сторонников церковно-государственной реформы и ее противников, противостоянием внутри лагеря реформаторов – латинствующих и грекофилов. В данном контексте *имя используется как аргумент в полемике*. Глубокими идейными разногласиями характеризуются отношения латиниста, западника Симеона Полоцкого и лидера московских грекофилов Евфимия Чудовского. В 1678 г., имея, очевидно, в виду нападки Евфимия на еще не вышедшую в свет "Псалтирь рифмотворную", Симеон ответил ему стихотворением "К гаждателю" (т.е. к хулителю), которым завершается

издание книги (М., 1680): нарицательное имя Зоила, принявшегося "хулити труд сей, да бы хулою славу получитьи!" [9. С. 92–93], метило в Евфимия. Тогда и состоялось первое появление Зоила в русской поэзии. Симеон применил уже известную восточнославянской литературе топику. Стихотворением "Зоилу неблагодарному благодарность" завершается панегирик Софрония Почаского "Евхаристирион" (Киев, 1632), где "каменистый Олимп" основанной Петром Могилой Киево-Могилянской коллегии неприступен для злого завистника Зоила. Оскорбленный сравнением с Зоилом, Евфимий в долгу не остался, написал обличение "На силлогизмы латинския", критикуя сборник проповедей Симеона "Обед душевный" (М., 1681) как книгу, полную "хитросплетений и мудрований латинских" [10. С. 268], и сочинил против нее два варианта эпиграммы, используя фоническую близость контрастных по значению слов: "Новосоставленная книга сия *Обѣд* / подвлагает снѣдъ полну душетлительных *бѣд*". Второй вариант: "Новосложная книга, зовемая *Обѣд*, / не имат обрестися без всяких души *бѣд*" [11. С. 301–302, 323].

В обоих вариантах автор сохранил пародийную рифму: *Обѣд* – *бѣд*. Эпиграмматические обличения Симеона Полоцкого и Евфимия знаменуют начало возникновения собственно литературной полемики, которая сопутствовала в дальнейшем всей истории русской литературы и велась часто с использованием нарицательного имени Зоил [12. С. 83–93].

Драматично сложились также личные и творческие отношения Евфимия Чудовского с Сильвестром Медведевым, учеником Симеона. Соединявшее их поначалу дружеское расположение погребло во время богословского спора, разгоревшегося в середине 80-х годов XVII в. вокруг догматического вопроса о времени пресуществления святых даров в тайне евхаристии. Непримиримые противники, они пустили в ход такой апеллирующий к чувствам полемический прием, как *ad hominem*. Евфимий писал "о новоростриге Силвестре Медведеве": "...лжемонах сый и еретическому латинскому от благочестия отступству наслѣдова, именем Сильвестр, прозванием Медведев", на внешнем поле рукописи киноварью добавил: "Сильвестр имя латинска языка, иже толкуется лесный или дикий. Лѣпо убо сего Сильвестра нарицати от имени и прозвания сего, дикий, или лѣший медвѣдь" [13. Л. 33]. Евфимий охотно связал определение имени своего идейного противника с латинским словом *silva*.

Такая этимологизация обнаруживает следы филологической традиции, идущей от "Толкования именам по алфавиту" Максима Грека: "Силверст да Силуян да Селиван римска имена и всѣм един толк – лѣсник, силва бо у них лѣс, роца" [14. С. 346, 154, 167]. Между тем в ономастической части "Лексикона" Памвы Берынды имена "Сильвестр" и "Силуан (и Селиван)" толкуются по отдельности, и если второе приведено со значением "лѣсник, дикий, лѣсный, боровый", то первое раскрывается как "славен" – объяснение, исходящее явно не из языкового значения данного имени [4. С. 232]. Ссылки, которыми киевский лексикограф пытался удостоверить странную этимологию, не вполне вразумительны. Первая из них "ман" должна обозначать, судя по аналогии с другими статьями ономастикона, язык, из которого происходит слово, но какой, остается неясно. Следующая – "Іан: 2" (то есть "январь 2") более понятна, она обозначает день памяти преподобного отца Киево-Печерского Сильвестра, жившего в XII в. и достигшего послушанием высокой степени внутреннего совершенства (два других сокращения под титлами непонятны). Возможно, соотносительность фигуры святого с его духовными подвигами послужила основой для придания имени нарицательного значения: "Сильвестр – славен".

Отмеченная положительная семантика данного имени, зафиксированная южно-русской филологической традицией, была использована, но в еще более превосходной степени, одним из защитников и почитателей Медведева: игумен киевского Кирилловского монастыря Иннокентий Монастырский писал москвичам, что Сильвестр есть "соль вестер – солнце ваше" [15. С. 83].

Евфимий Чудовский иронически обыграл также заглавие направленной против него книги С. Медведева "Манна хлеба животного" (1687), используя семантическую

игру, основанную на звуковой форме слов и их омонимических смыслах: "Он, Силвестр Медведев, ...написа книгу полну всякаго злословия и лсти, и клеветы и назва ю *Манна*, юже послеще сам он преименовав, назвав ю *Обмана*, паче же отрава сущи душегубительная, наполненная яда смертоноснаго латинския лести, заводящи в дєбрь латинскаго зломудрия...". И еще раз повторил: "В той же книге, зовемой *Обмана*..." [13. Л. 35].

Ситуация идейной борьбы все больше втягивала С. Медведева в спор с учеными греками, братьями Лихудами, прибывшими в 1686 г. в Москву из Венеции. Они не только проявляли резкую враждебность к "латинству", но были поставлены по решению патриарха Иоакима во главе Славяно-греко-латинской академии, на руководство которой Медведев претендовал. Разгоревшаяся между латинствующими и грекофилами полемика вышла далеко за рамки спора по поводу частного богословского вопроса. Обмениваясь направленными друг против друга полемическими трактатами, спорящие стороны не стеснялись в выражениях. Стараясь уязвить братьев Лихудов, Сильвестр называл их в своей книге "Манна хлеба животнаго" (1685) "волченками", искусственно производя их фамилию от греческого слова *λύκος* – волк: в России неверие "начаша в народ вноситься и прежде до приезде в Москву греков *Лихудов-волченков* помалу и тайно" [16. С. 471].

Тот же прием этимологического обыгрывания значения имени адресата, но с противоположным знаком – своеобразная "похвальная этимология" заполняет антропонимическое пространство произведений панегирического жанра – прием, широко применявшийся в литературе барокко от Рима и Мадрида до Лондона и Амстердама, Праги и Варшавы, Киева и Москвы, известен поэтической традиции, как уже отмечалось, со времен античности. В средние века, как уже отмечено, прием обслуживал жанры церковной гимнографии. Идея о возможности использовать *имя как способ риторической разработки поэтической темы* сформулирована, в частности, в Новгородском азбуковнике XIII в.: "Человеческая же имена зде толкованы ради хотящих тропари и кондаки и каноны святым составлять, да кийждо творец коегождо имени толкованье разумея, возможет добре похвалу похваляемому от него святому составити" [17. С. 48].

Сфера применения приема со временем расширилась, охватив и светское пространство культуры, без похвальной этимологизации не обходится придворно-церемониальная поэзия XVII–XVIII вв. Риторическое развертывание темы осуществляется на популярной в эпоху барокко идее, суть которой выражает сентенция *Conveniunt rebus nomina saepe suis* – "Сутью согласны вещей часто вещей имена"¹ [8. С. 368, 648], или то же самое в формулировке Симеона Полоцкого – "Да дѣло со именем точно может быти", которую поэт включил в свой призыв к царевне Софье явить в России свет наук: "По имени твоему жизнь твою ведещи: / мудрая глаголещи, мудрая дѣбещи. / И прилично Софии выну мудро жити, / да дѣло со именем точно может быти" [18. Л. 395]. С. Медведев перенял от своего учителя риторический прием вместе с готовой формулой: "Слично Софии выну мудрой жити / да вещь с именем точна может быти" [19. С. 193].

Для С. Медведева и Кариона Истомина, придворных поэтов царевны, ее имя – готовый аргумент для обоснования идеи о необходимости заведения в Москве высшей школы – "академии". В "Привилии на Академию" (1685) С. Медведева проблема просвещения символизируется при помощи семантической игры с ее именем: "Мудрости бо ти имя подадєся, / Богом София мудрость наречєся", "Убо мудрость єсть росски толкованна, еллински от век Софиею званна", – так обосновывается совет Софье "мудрой ти мудро добро поступати", "Тебе бо слично науки начати, яко премудрой оны совершати", дабы "мудрой премудрость ти в век созерцати", "И имать вечно слава ти сняти, / мудрости ся ти имя прославляти, / Аще и тако имя ти славится, /

¹ Перевод Н. Брагинской.

во вселенной ти *мудрость* хвалится" [19. С. 191–197] и т.п. Слово "мудрость" и его производные становятся в панегириках Софье лексической доминантой текста. Нанизывание лексем разных грамматических классов с корнем "мудр", производящее впечатление словесной игры, призвано было служить риторическому убеждению адресата.

Умение найти связь между именем и самим предметом так, чтобы предмет был достоин имени, а имена – предметов, расценивается теоретиками барокко как "признак тонкости и гибкости ума", как проявление прекрасной разновидности остроумия, освященного авторитетом евангелиста Матфея (16, 18), изрекшего, по словам Грасиана, "такую святую остроту" [8. С. 368]: "Ты, Петр, и на сем камне я создам Церковь мою". Кстати, этимология имени Петра стала в панегирической поэзии рубежа XVII–XVIII вв. особенно богатым источником для метафорических переосмыслений. Карион Истомина, обращаясь к 11-летнему Петру во "Вразумлении умного зрения", использовал традиционную этимологию Петр – камень как отправную точку для поэтического обобщения: "*Петр от твердости* имя ти дадеся / Российск царь орел над всех вознесся. / В *твердости* люди всегда хотят быти, / Орлу Российску усердно служить" [20. Л. 38–39]. В "Книге любви знак" на свадьбу Петра с Евдокией Лопухиной привычная этимология окружается семантикой, ставшей излюбленной у поэтов в эпоху петровских триумфов: "*Имя Петр Крепость* оных устрашает, / Татаров, турков Бог да истребляет" [21. Л. 14 об.]. "Петр-камень" сокрушает в книжной поэзии "Льву шведскому" "зубы изошренны" [22. С. 200]. В стихотворении Димитрия Ростовского, посвященном русско-шведской войне, "Льва Никейска сила изменися, / О *камень твердый Петра* сокрушися" (цит. по [23. С. 36]).

Примерами этимологических толкований изобилует поэзия Симеона Полоцкого. Обращаясь к высоким адресатам, он не упускал случая, чтобы не поиграть значением их имен, и подчас намеренно обнаруживал семантическую игру, придавая ей зрительно-наглядную форму. В "Приветстве" царю Федору на бракосочетание с Агафьей Семеновной на поверхность текста выведены с помощью выделения киноварью участвующие в игре элементы – смысловые сцепления слов, связанных с этимологическим значением имени невесты царя – "Агафия – благаа" [4. С. 172], они становятся лексической доминантой текста: "Бог убо *благий благо* хотя сотворити, / Изволил ти всечестну супругу дарствити. / Ту же *благую*, яко имя извъщает, / Ибо *Агафия* что *благая* являет. / Ей *благо*, Божий даре, будет ти с *благою* / {...} *Благо* и *благий* с даром Божиим обитати" [18. Л. 299]. Такое умение – не только найти связь между именем и предметом, но также выразить ее – теоретики барокко относили к признакам острого и гибкого ума [8. С. 368].

Одной из характерных особенностей этимологизации имени в поэзии XVII в. является то, что она используется не только как один из поэтических элементов, но и как конструктивный принцип организации всего текста. Имя с его значением служит отправной точкой для риторической разработки панегирического образа. Принцип "Nomen est omen" как определяющий способ поэтического мышления автора открыто заявлен уже в тексте титульного листа приветствия Лазаря Барановича царям-соправителям: "*Иоанн* Алексѣевич *знаменующий Благодать* и *Петр* Алексѣевич *знаменующий Истинну*... яко *Благодать* и *Истинна* царствуют..." ("Благодать и истинна". Чернигов, 1683). "Приветство" Симеона Полоцкого царевичам Федору, Иоанну и Петру целиком построено на приеме раскрытия этимологического значения имен, которые включаются в систему дальнейших метафорических переосмыслений: "...Ты, Феодоре, *дар* еси от Бога, / Иже да даст ти жити лѣта много. / Да царство сие без *дара* не будет / при тебе, *даре*, Господь с нами будет. / Ты, *Иоанне*, *благодать* нам еси / Божия, иже живет на небеси. / Живи лѣт многа с его *благодати*. / Он ти даст свѣтло миру просияти. / Пресвѣтлый *Петре*, ты нам *камень* честни / *камень* предрагий, *камень* нам нелестный, / О нем же царство силно утвердится, / а сила врагов въкопец сокрушится..." [18. Л. 384 об. – 385]. Симеон приветствует сестер царя –

Ирину, Анну и Татьяну: "Мирная с миром Ирина входиши, / Христа с тобою истинно въводиши. / Ты, Анна, радость в домъ сем твориши, / Яко прилѣжно Господу служиши. Велителнице Татьяна честная, / Велѣнья вся суть небесная" [18. Л. 385 об.]. Далее в таком же стиле приветствие дочерям [21. Л. 386 об].

В поэме Симеона Полоцкого "Гусли доброгласная" (1676), написанной по случаю возведения на престол царя Федора Алексеевича, в первой строке приветствия от каждого из членов царской семьи раскрывается этимологическое значение имени поздравителя, из чего извлекаются приличествующие случаю пожелания царю в мудром правлении, заполняющие последующие строки: "Иоан имя благодать являет", "Петр имя камене толком знаменает", "Ирина мирное имать сказание", "Повелителнице толк есть Татианы", "Евдокия толк есть благоволение", "Марфа сказанием есть попечение", "Имя София мудрость знаменает", "Екатерина надежду являет", "Мария тожде есть, что владущая", "Феодосия имя си толкует – / Богоданная", "Имя Наталиа есть день рождения", "Анна во имени своем радость носит" [9. С. 115–118]. Кстати, имя Анна, которое читается одинаково справа налево и слева направо, – такое имя, как тогда считалось, "сама прелесть и красота: откуда ни посмотри, оно красиво и прелестно" [8. С. 367]. Те же этимологические значения оттенены иными коннотациями, сообразно контексту, в траурной поэме Симеона "Глас последний" (1696) на кончину царя Алексея Михайловича, где они становятся источником смыслов, выражающих настроение скорби.

Отсутствие в ономастиконе Памвы Берынды таких встречающихся у Симеона имен, как Евдокия, Наталия, Симеон, Феодор, Феодосия, а также этимология имени Петра в форме "камень", а не как у киевского лексикографа, "опока" ([4. С. 227], что, кстати, означает меловой известняк, мягкий камень), позволяют заключить, что круг источников поэта, удовлетворявших потребности его именной риторики, не ограничивался данным справочником. И если этимологиям имен Евдокия, Феодор, Феодосия можно найти соответствие в "Толковании..." Максима Грека, то имен Наталия и Симеон нет ни у Памвы Берынды, ни у Максима Грека. Возможно, в распоряжении поэта имелись и другие пособия по ономастике. Не исключено также, что он как знаток латинского языка самостоятельно произвел этимологию имени Наталия от одного из значений лат. natalis (день рождения). Откуда Симеон почерпнул этимологическую премудрость в отношении своего собственного имени, неизвестно. Но, несомненно, что поэта как носителя данного имени и представителя культуры, где принцип "Nomen est omen" был столь значим, имя Симеон должно было интересовать в первую очередь. Даже элементарных школьных навыков в греческом письме (а такие навыки у него, несомненно, имелись, см. [24. С. XXVII]), не говоря уже о славяно-греческой гимнографии, западноевропейской проповеди и европейской этимологии XVI–XVII вв., ему было достаточно, чтобы узнать, что древнееврейское имя Симеон вошло в христианскую традицию, в частности, в греческую со значением *слух, слышать, слушать* [25. С. 1457]²; в Азбуковнике конца XVI в. данное имя приведено со значением "*послушание*" [14. С. 304]. В "Благоприветствовании" царю Алексею Михайловичу на рождение царевича Симеона поэт-тезка обыграл их общее имя: "Се бо даде ти Господь от Сиона / новорожденна сына Симеона. / Услышание Симеон являет / Услыша Бог тя сей сын знаменает" [18. Л. 430].

Другую характерную особенность риторического использования топонима имени в поэзии XVII в. составляет то, что этимологическое значение служило нередко шифром для намеренно неназванного имени, так что от читателя требовалось некоторое остроумие и знание обычной этимологии, чтобы идентифицировать подразумеваемую персону [3. С. 116]. Примеры подобных дешифровок отмечены ранее А.М. Панченко в творчестве поэтов приказной школы [26. С. 38, 41, 69, 70].

Прием использовали и старообрядцы, воспринявшие барочную риторическую традицию. Семен Денисов в одной из стихотворных вставок в "Винограде Российском"

² Благодарю проф. Г. Кайперта за указание на данный словарь.

(1740) передает имя Федора Токмачева из Пошехонья, одного из соловецких страдальцев, с помощью семантического переименования: "Тако *Божиих даров тезоименита*, / страдалца в мучениих зело плодовица, / Огня пламень испекше, красно очищат, / жертву живу и добру в небо возношает" (цит. по [27. С. 39–40]).

Топос *ἀπό τοῦ διόματος* как неотъемлемый элемент художественного языка эпохи барокко оказался причастен не только сфере литературного творчества, но стал обиходным также в быту. Лазарь Баранович, приветствуя при встрече Димитрия Туптало (Ростовского), апеллировал к этимологии его имени: "Да благословит вас Господь Бог не только игуменством, но, по имени *Димитрия*, желаю вам *митры*. *Димитрий да получит митру!*" [28. С. 51]. Построенная на принципах барочного остроумия эта искусственная, окказиональная этимология, основанная на использовании звуковой формы имени, идет вразрез с традиционными толкованиями: Димитрий – "двоематерний" "землен", [14. С. 279, № 179; 316, № 49], "землен, плод земляныи, з збожа, аб(о) двоематерний" [4. С. 200]. Подобные этимологии были в ходу у киевских риториков, произвольно производивших имя *Моисей* от слов *мой и сей, Мария* – от *моря, Проскура* от *просфора* и т.п.

Феофан Прокопович в своем трактате "Об искусстве риторики", знаменующем начало перехода в развитии литературы от одной эстетической системы к другой, от барокко к классицистической нормативности, осуждал повальное увлечение своей эпохи фантастическими этимологиями, принимавшее гипертрофированные формы: "Не должно, – писал он, – слово одного языка объяснять по норме другого языка, хотя бы и было некоторое подобие. Посему худо некоторые толкуют, будто имя пресв. Марии означает моря (от *mare* – море), Игнатий – огонь (от *ignis*): так можно делать разве только через фигуру аллюзию" ([6. С. 88–89]; цит. по [5. С. 472–473]).

Выступая в теоретических трудах против необоснованных толкований, Феофан Прокопович продолжал следовать в литературной практике традициям барочной поэтики. Форму риторического раскрытия поэтической этимологии имени Станислав имеет его стихотворение "О Станиславе Лещинском, дважды от Короны Польской отверженном *по толку имени его*", исполненное язвительной иронии [29. С. 221, 487]: слава покинула носителя имени, не оправдавшего его значения своими поступками.

Прием, отработанный до автоматизма в панегирической поэзии XVII в., перешел в оду XVIII в. Тредиаковский играет значением имени *Анна – благодать* ("Песнь сочинена в Гамбурге к торжественному празднованию коронации ... Анны Иоанновны", 1730), Ломоносов – именем *Елизавета*: "Как в имени твоём Предвечный / Поставил нам *покой сень*" (Ода 1759 г.) – этимология, известная восточнославянской филологической традиции, идущей от Памвы Беринды: "...*Божии покой*" [4. С. 204].

Этимологическое истолкование как источник похвалы или поношения окружало имя семантической аурой, которая еще более расширялась при сочетании с уподоблением реальных лиц преимущественно христианским святым и библейским персонажам. Поэтика двоящегося образа, берущая начало в принципе отражения, который ценился в эпоху барокко чрезвычайно высоко [30. С. 78–101], использовала *имя как аллгорию*. Имя царя Алексея Михайловича – также имя Алексея Человека Божия. Зеркальное отражение имен святого и царя-тезки образует лестный для царя аллюзийный образ, и святой выступает уже не только как самостоятельный персонаж, но как аллегория. На основе метафорической ассоциации в XVII–XVIII в. возникла своего рода "восточнославянская Алексиада" – большая группа литературных произведений в прозе, стихах и драматургии, призванных служить средством восхваления "земного Бога". В явном или скрытом виде в них присутствует композиционная схема параллели между царем и святым, основанная на принципе отражения и символической аллегоризации [31. С. 77–83]. Царя Федора Алексеевича Симеон Полоцкий сближал с его небесным патроном – Федором Стратилатом, почитавшимся как змеборец и идолоборец: *Феодор имя дар Божий* являет, / дар Божий с небес вас да присъщает, / *Храбр бѣ Феодор*, храбрость убо тебе / и твоим воем да умножит в небѣ. / Воеже бы ти враги побѣждати, / мир утвердити, царство расширати" [18. Л. 114 об.].

В русской аллегорике закрепились также семантическая параллель: Петр Великий – апостол Петр: низвергший дерзкого волхва, что использовано в деревянном барельефе над воротами Петропавловской крепости, выполненного в 1707 г. Конрадом Оснером [22. С. 200]. Если имя царя Петра толкуется через его ангела (апостола Петра) как истинна, то имя его сооправителя Ивана Алексеевича, сопоставляемого с Иоанном Предтечей, – как благодать. Вместе они – "Благодать и Истинна", таково заглавие панегирика Лазаря Барановича (Чернигов, 1683).

Прозвище же самого Лазаря Барановича в польско-латинском приветствии ему "Lucubratiuncula" ("Ночное размышление", Чернигов, 1684) от Ивана Величковского, по меткому определению В.Н. Перетца, "стихоедя (назвать иначе не берусь) мазепинского времени" [32. Л. 162 об.], вовлекается в причудливую игру поэтической фантазии через соотнесение с польским словом *baranek* – агнец. Методом аллегорической экзегезы создан барочный концепт, благодаря которому Лазарь Баранович, пишущий и издающий книги, уподоблен апокалиптическому Агнцу – Христу, снимающему печати с книги судов Божиих (Откр 5): "Baranek ony, który księgi w Niebie / Otwarza, ten że postanowił ciebie, / Baranowicza, byś się bawił temi / dary na ziemi. / Otwarzasz księgi, gdy wydaiesz one; / A gdy wykładasz słowa zatrudnione, / Niby pieczęci rozwiązuiesz prawie, / w tey teście sławie"³ (цит. по [33. С. 45]). С наследием школьно-киевской традиции аллегорического истолкования имен, восходящей к иезуитской схоластике, связана русская окказиональная поэзия начала XVIII в. на латинском языке [34. С. 178–181].

Искусство барокко, питая чрезвычайно пристрастие к выражению идеи в зримой форме, постигаемой созерцанием, культивирует образ слова как графического знака. Мастера барокко ценили возможность переключения темы, идеи в план наглядной конкретности. *Имя – вербальный знак переводится в расшифровываемый визуальный знак.* Текст панегирика Лазарю Барановичу предваряется небольшой заставкой, в центре которой – фигура с надписью "Агнец Божий", эмблематически выражающая суть концепта. Графические композиции словно стремятся все невидимое выявить зрительно, как бы дублируя заключенные в слова смысловые указания. Имя "ИСУС ХРИСТОС" представлено в виде символических графем, где текст и изображение, слитые воедино, являются визуальной репрезентацией идеи страдания: буквы выводят в зрительность орудия страстей Христовых: столп, гвозди, копьё с губкой, смоченной в уксусе, чаша, веревка, распятие, терновый венец, бич и розга, молот и даже тридцать серебрянников [35; 36]. Имени-тексту придана одновременно и живописно-зрелищная сторона. Также и имя Богородицы "МАРИА" передано как графическая метафора: оно изображено цветами, травами, ветвями и венками ("крин и масличная ветвь", "розы", "клас зрелый", "жезл цветущий", "ветвь финика" и "венец лавровый"), их символическое значение раскрывается в стихах под именем-картиной [36]. Цветок на языке эмблематики "всегда некую благодетель имеет" [37. С. 29].

Известно, что номинация очень важна в культуре барокко, имеющей пристрастие к пространным заглавиям и к номенклатурному исчислению предметов, свойств, качеств, когда что-то получает свое наименование, но напрямую не называется, а описывается через цепочку опосредований, подобное или неподобное. Сарбевский называл такой способ создания остроумия, основанный на игре слов, "номенклатурным" (*nomenklator*) [7. С. 16–20]. Печать средневеково-барочного вкуса лежит на стихах Симеона Полоцкого, где имя Христа замещается описанием с применением антономасии – номинации, выдержанной в антитетическом стиле словесной комбинаторики: "Превѣчный бысть временен, создан – несозданный, / Необъемлемый – объят, видим – невиданный, / Неприкосновенный же косновен явися, / Безстрастный – страстен, а смерть безсмертным вкусися" ["Христос. 3"; 24. С. 300–301].

Панегирическая поэзия широко оперирует антономасией иного вида, когда имя собственное употребляется вместо нарицательного, например, *Самсон* вместо

³ Перевод: "Агнец тот, открывающий книги на Небе, завещал тебе, Баранович, чтобы ты наслаждался этими дарами на земле. Ты открываешь книги, когда издаешь их; а когда истолковываешь трудные тексты, то словно снимаешь с них печати. Такая у тебя слава".

сильный, или *Соломон* вместо *мудрый*. В "Привилии на Академию" (1685) С. Медведев называет царевну Софью Семирамидой, Новой Деборой, сопоставляет с византийской царевной Пульхерией и английской королевой Елизаветой. В "Слове" Феофана Прокоповича "на погребение Петра Великого" (1725) – каскад уподоблений: "Се оный твой, Россие, Сампсон..., Сей твой первый, о Россие, Иафет... Се Моисей твой, о Россие! Се твой, Россие, Соломон... Се же твой ... и Давид, и Константин..." [38. С. 279]. Те же уподобления, ставшие уже обязательными при изображении монарха, Ломоносов адресует новому императору Петру III с призывом отстоять интересы России в войне с Пруссией: "Сампсон, Давид и Соломон / В Петре тобою обладают / И Голияфов презирают". Библейские имена уживаются с античными, и тот же Петр III действует как "Российский храбрый Геркулес" и одновременно как "Наввин иль Сампсон". По отношению к Петру III такие параллели выглядят чрезмерными, однако их требовала риторическая условность художественного языка эпохи.

Антипод панегирика – анафема использовала поэтику имени в не меньшей мере. Неизвестный ранее памфлет-проклятие Мазепе Стефана Яворского ("Позорное эхо всепагубнаго анафемы", 1709), впервые опубликованный Дж. Броджи Беркофф [39. S. 167–188], обличает грехи гетмана перед церковью и царем, приписывая тому качества персонажа-архетипа. Стефан Яворский присоединил к имени "Ивашки Мазепы" архетипические именованья-прозвища, воспользовавшись риторическим приемом аргументации, художественный потенциал которого ему как автору учебного пособия по риторике [40. С. 13] был хорошо известен: Мазепа – "Антихрист", Мазепа – "Сатана", Мазепа – "Дьявол", Мазепа – "изменник", Мазепа – "вор", Мазепа – "проклятый", Мазепа – "адский наместник", Мазепа – "посмешище всем, дурак", Мазепа – "пес". Обоснованию каждого из сравнений посвящен отдельный пассаж, вместе развернутые параллелизации образуют медальонную композицию текста. Стихотворение, завершающее анафематствование, не называя Мазепу по имени, поносит его, основывая номинацию (антономасию) на принципе антитезы: "Иже бяше честен – Се нынѣ безчестен / Мудр же и сановен – Дьяволу подобен (...)" [39. S. 188].

Сходство по признаку имени, описываемое как двойничество, зеркальное удвоение прототипа, дало жизнь столь популярному и типичному для традиций барокко жанру *тезоименного приветствия*, где прославление святого переходит в славословие прямому адресату стиха. Такую форму имеют стихи Симеона Полоцкого царю Алексею Михайловичу "в день тезоименнаго защитника его святаго Алексея Человека Божия" [18. Л. 365–371], царю Федору Алексиевичу "в день святаго великомученика Феодора Стратилата" [18. Л. 357], "К государю царю на именины" [18. Л. 371 об.–372], "К государю царю. Князю Феодору Юрьевичу Ромодановскому с хлебом ко государю царю приходящу в день ангела его" [18. Л. 380], "На именины государя царевича" [18. Л. 420 об.], "Песнь о святом Феодоре Стратилате" [24. С. 49–50], "Велик воегонитель Стратилат Феодор" Евфимия Чудовского [11. С. 316], "Федор славный воевода" новоиерусалимского поэта Германа [41. С. 366–367] и многие другие тексты, в которых мотив тезоименитства прямо не заявлен, как, например, уже упомянутый панегирик Ивана Величковского "Lucubratiuncula", в основе которого лежит параллель между Лазарем Барановичем и его небесным патроном – евангельским Лазарем, или книга стихов Варлаама Ясинского "Три венца молитвенные" (Киев, 1688), где два юных царя и соправительница, увенчанные сообразно значению их имен венцами: благодати и милости – Иоанн, истинны и правды – Петр, премудрости – Софья, предстают каждый в паре со своим небесным покровителем: Иоанн – с Иоанном Предтечей, Петр – с апостолом Петром, Софья – со святой Софией.

Система двойников выстраивается в эпиграмматическом цикле Симеона Полоцкого "Еленхос, или Оглавление слов в книзѣ сей содержимых", озаглавленном термином, идущим из греческой риторической традиции (греч. ἔλεγχος – довод,

доказательство, рассмотрение, разбор). Эпиграммы-четверостишия, предназначенные служить оглавлением в сборнике панегирических проповедей на дни памяти святых, тезоименных членам царской семьи, – особенность многосоставной барочной конструкции книги "Словеса похвальная, купно же и нравоучительная на двадесять и один праздник угодников Божиих во оглавлении изъяснительных народотщательная ползы ради христиан православных". Поднесенная Симеоном в 1675 г. царю [42. С. 134], книга не сохранилась, дошли лишь ее фрагменты: оглавление в виде стихотворного цикла "Еленхос" пространное предисловие с посвящением Алексею Михайловичу и стихотворное предисловие "К читателем благочестивым" [43. Л. 231–239 об.].

Цикл "Еленхос", публикуемый в приложении к настоящей статье, включает 21 эпиграмму – по числу похвальных слов, 15 из них, следующие в последовательности придворной иерархии, направлены на адресатов, как зеркало, в котором смотрящийся видит своего двойника, свое подобие: царь Алексей Михайлович – Алексей Человек Божий, царица Наталья Кирилловна – святая Наталия; царицы Федора – святой Федор Стратилат, Иоанн – Иоанн Предтеча, Петр – апостол Петр; сестры царя: Ирина – мученица Ирина, Анна – святая Анна ("ею же мати Божая родися"), Татьяна – мученица Татьяна; дочери царя: Евдокия – страстотерпица Евдокия, Марфа – мать столпника Марфа, Софья – святая Софья, Екатерина – святая мученица Екатерина, Мария – Дева Мария, Феодосия – мученица Феодосия, Феодора – преподобная Феодора. Остальные шесть эпиграмм посвящены московским святителям.

Тот же принцип действует в цикле двестишести подписей Симеона к иконам с изображениями патронов царской семьи ("Подписания икон"): первая – подпись к иконе Алексея человека Божия (патрон царя и царевича), далее подписи к иконам святых-покровителей царевичей Федора и Ивана, затем трех сестер царя и шести его дочерей. Значения их имен, почерпнутые Симеоном, по предположению Г. Кайперта из ономастикона Памвы Берынды [3. S. 117; 44. S. 204], вынесены в заглавия ("Алексий – помощник", "Ирина – мирная", "Екатерина – надежда, истинна" и т.д.). В подписи же, представляющей собой разновидность курьезной эпиграммы, дана оценка носителя имени, а само имя складывается из букв, выделенных в первой строке киноварью и прописным написанием:

Алексий – помощник

АггеЛ нЕсти Крест СИИ мИ пособляет,
 помощь во скорб'Ѣх от Бога являет.

Или:

Ирина – мирная
мИр о РужИЯ браНИ зАтворяет,
 тучна ея избилство дает.

(опубликовано: [19. С. 166–167, 376–377; 24. С. 519–521, 626]).

В круг панегирических жанров поэзии барокко входят также *анаграмматические эпиграммы*, условно называемые в риторике "*Программа-Анаграмма-Эпиграмма*", где имя собственное служит источником для порождения множества смыслов. Программа представляет собой текст, из которого путем перестановки букв образуется новый текст – "анаграмма", выделяемая для большей наглядности цветом или написанием. Игрой в анаграммы, которая пронизывает поверхность букв и творит только среди букв алфавита с тем, чтобы создать таким способом из какого-либо исходного слова, словосочетания или предложения новое высказывание, со страстью занимались в XVI–XVII вв. [7. S. 16–20]. Правила составления анаграмм обсуждались в риториках и поэтиках с примерами на латинском языке. Первое требование к анаграмме – в ней не должно быть больше букв, чем в исходном тексте; к примеру, из имени

Maria Magdalena, выступающего в качестве "программы", составлена анаграмма *Mea grandia mala* ("Велики мои страдания"). Второе правило – анаграмму следует включать в состав эпиграммы; третье – содержание эпиграммы должно соответствовать содержанию анаграммы [45. С. 145–146]. В одной из рукописных риторик XVII в. помещено несколько латинских анаграмматических эпиграмм, которые используют в качестве "программ" наряду с именем Богородицы, имена известных общественно-политических деятелей: Петр Могила, киевский митрополит; Адам Кисель, киевский каштелян; Мойсей Могила, правитель молдавской земли; Станислав Заремба, епископ черниговский; Рудольф II, австрийский император; Владислав IV, король польский [46. Л. 23–26 об.]. В поэму Симеона Полоцкого "Орел Российский" составной частью входит панегирический цикл, озаглавленный "Программа: Царь Алексей Михайлович"; прихотливой игрой в перестановки букв из нее продуцируется пять анаграмм ("Анаграмма 1. Царь Алексей чай ловимых"; "Анаграмма 2. Царь Алексей, ловим их, чай"; "Анаграмма 3. Царь Алексей, лов их, ми, чай" и т.д.) [47. С. 72–75], порождающих смысл соответствующих им эпиграмм.

Иван Величковский, мастер и теоретик поэзии 'сагмина curiosа', виртуозно владел анаграмматическим способом создания барочного остроумия. Среди "штучек поэтических" в честь Божией Матери в книге "Млеко", представляющей собой своеобразную поэтику курьезных разновидностей эпиграмматического стихотворства, цикл "Программа. Анаграмма. Епиграмма" состоит из 26 анаграмм с эпиграммами, программой для которых служит имя "Мария"; к примеру, 20-я из них, где содержанием эпиграммы является прославление имени Богородицы:

МАРИЯ

А ІМЯ Ъ

Марія д'Бв'Ъй імя, А ІМЯ прекрасно,

Не Ъ раз, леч без числа паче солнца ясно⁴ [33. С. 81].

Такой поэзии надо было учиться, она вся построена на искусстве изобретения, знании технических приемов и остроумии и требует от поэта виртуозного владения словом и стихом. Тонкая игра слов – наслаждение для ума.

На анаграммах строились также акростихи во всех их разновидностях. У того же Величковского "Акростихис Мариа" образован с участием названий букв кирилловской азбуки "Мыслете", "Аз", "Рци", "Їже", "Аз" – такой стих, отметил попутно Величковский, тонко чувствующий, как мы видели ранее, выразительные возможности используемых им языков, "не может зложитися римским языком, бо у них литеры не выражают слов" [33. С. 76]. Акростихи на имя – жанр чрезвычайно популярный в XVII в., бывший в ходу у поэтов приказной школы [26. С. 49], в придворно-церемониальной поэзии и в ученой поэзии монашествующих книжников (см. [48. С. 62–63; 41. С. 364–370]).

На имени можно было построить также эпиграмму на герб, девиз или эмблему. "Гербомания" (выражение В.Н. Перетца), охватившая вслед за Польшей Украину, перекинулась во второй половине XVII в. в Россию. Имя и характеристика достоинств его носителя – неперемный атрибут герботолкования в геральдической поэзии и книжных посвящениях. Герб патриарха Никона в сборнике "Рай мысленный" (1658–59), напечатанном в типографии основанного им Иверского Валдайского монастыря, сопровождается криптограммой его имени и титула "Н[икон] М[илостию] Б[ожиею] В[еликий] Г[осподин] С[ветлейший] А[рхипастырь] М[осковский] В[сея] В[еликия] М[алья] Б[елья] Р[оссии] П[атриарх]", а также стихами, представляющими собой номенклатурный перечень реалий, соотносенных с символами архипастырской власти, изображенными на гербе: "Десница Св'Ѡтилник Ключ Евангелие / Образ

⁴ Перевод: "Мария – Девы имя, а имя прекрасно, / Не в сто раз, но безмерно более, чем солнце, ясно".

Спасов Крест Жезл ВЪнец Началие". Стихи "до лица" царя Петра I, содержащие истолкование государственного герба России, включают в себя акrostих, возможно, самый большой в русской литературе: 117 двустийший (из 142) образуют акrostишную фразу из 117 букв: "На честнии крест на государев герб до лица его царскаго пресветлага величества царя и самодержца Петр Алексиевича всея Росии" [49. Л. 1–5]. Традиция герботолкования оставалась жива еще и в конце XVIII в. Г.Р. Державин, обыгрывая родовое и личное имя и фамильную геральдику – изображение в гербе руки, держащей звезду, выпросил у герольдии к своему гербу надпись: "Силою Вышнею держусь" [50. С. 300]⁵.

Имя имеет не только зримое воплощение, но и *числовое содержание*. Среди способов создания остроумия, основанных на игре слов, Сарбевский называл "арифметический, когда из счета слогов и букв выводится нечто остроумное и неожиданное о предмете, название которого обыгрывается" [7. С. 16–20]. В "Благоприветствовании" царю Алексею Михайловичу (1665) есть такие строки: "*Дар Божий сие имя предложися, / От седми писмен в себЪ составися, / Дар Божий нам есть царевич реченный, / Седмию да будет дарми исполненный*" [18. Л. 433 об.]. Имя царевича Федора передано иносказательно через его этимологическое описание, дополненное подсказкой: в имени – семь "писмен" (Феодоръ). С. Медведев усвоил прием, и в "Приветстве брачном" (1682) царю Федору Алексеевичу по случаю женитьбы "зашифровал" свадебные пожелания от лица царевны Феодоры через описание количественного состава букв ее имени: "Что Феодора сестра ти желает / Царю пресветло имя изъявляет / Седмочислием писмен заключенных / Седми ти хочет даров Божественных" [51. Л. 56].

Сам Симеон скрыл свое имя в криптограмме "Оксибок" (от греч. ὀξύς – острый), однако дал в руки читателя ключ для разгадки: она содержится в приложенной к тексту кирилловской азбуке, из которой путем замысловатой комбинации букв, основанной на арифметических подсчетах, предлагается выделить литеры, составляющие имя поэта: "Симеон": "Метротворитель тайно ся являет, / кто в Алфавите за вся си считает, / третЪе на пред, чин букв соблюдая, / таит порекло, миру мертв ся зная" [47. С. 78].

Наследуя еще средневековую традицию, киевские книжники, равно как и старообрядцы, охотно занимались вычислениями, относящимися к именам Христа и Антихриста. Такова, к примеру, хронографическая эпиграмма: "в Христовом имени ІС находится греческим компутом число 3 разы осмь (888), а в антихристовом – три разы шесть (666): "Ему же три крати осмь (888), молю, – ты спаси мя, / А ему же три крати шесть (666), ты не паси мя" [52. С. 108].

Значение, которое имел топоним ἀπὸ τοῦ διόματος в контексте культурной теории и практики XVII в., свидетельствует о том, что эта была эпоха, культивировавшая принцип *Nomen est omen* как форму поэтического мышления. Писатели барокко, может быть, больше, чем писатели иных эпох, ощущали огромные креативные возможности использования имени. Барокко со свойственным ему префигурально-аллегорическим воззрением на мир видело в имени неисчерпаемый источник для символических толкований. Для мастеров барокко было очевидно, что имя не просто называет, но содержит в себе конструкцию из нескольких смысловых уровней. Актуализируя все возможные смыслы и стремясь установить соответствия между именем, таящим некий смысл, и предметом, или его атрибутами, причинами, следствиями, свойствами и т.д., они виртуозно умели заставить имя ветвиться рядами метафорических значений, используя его внутреннюю форму и звуковой облик, семанти-

⁵ Неверно, однако, что Ломоносов «ввел в приемы риторики "знаменования имени", одним из которых предполагалась как раз реализация внутренней формы имени» [48. С. 300]. Это давний риторический прием известен русской литературе задолго до Ломоносова. Неверно и другое замечание: "Обслуживание власти Державин первым из русских поэтов превратил в служение, центр своей жизненно-творческой активности" [48. С. 303]. Первым придворным поэтом, как известно, стал Симеон Полоцкий.

ческую ауру, этимологии как естественные или наиболее вероятные, так и искусственные, фантастические, курьезные, парадоксальные, странные до загадочности. В формах барочного этимологизирования писатели воплощали концептуальные идеи и конфликты своего времени. Опираясь на филологическую риторическую традицию, идущую от Максима Грека и Памвы Беринды, они не ограничились ею и собственным творчеством довели технику выявления смысла имени до блеска, развитого до чрезвычайного разнообразия. Имя выступает как аргумент в споре, как способ риторической разработки поэтической темы, как аллегория, оно используется не только в составе поэтического приема номинации в разных ее видах, но и как конструктивный жанрообразующий элемент – тезоименное приветствие, анаграмматическая эпиграмма, акrostих на имя, эпиграмма на герб; имя может иметь зримое воплощение и числовое содержание. Поэтому серьезный анализ художественного языка эпохи не может не учитывать такого существенного его компонента, как принцип "Nomen est omen".

В приложении публикуется эпиграмматический цикл Симеона Полоцкого "Еленхос..." по рукописному сборнику конца XVII в., содержащему его сочинения [43. Л. 231–233 об.]. Текст передается по правилам, принятым в "Трудах Отдела древнерусской литературы".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Cossior Ф. de.* Труды по языкознанию. М., 1977.
2. *Curtius E.R.* Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter. 10. Aufl. Bern; München, 1984.
3. *Keipert H.* Nomen est Omen. Etymologie als Denkform bei russischen Autoren des 17. Jahrhunderts // Sprache, Literatur und Geschichte der Altgläubigen. Heidelberg, 1988.
4. Лексикон словенороський Памви Беринды / Підг. текста і вступ. ст. В.В. Німчука. Київ, 1961.
5. *Петров Н.* О словесных науках и литературных занятиях в Киевской академии от начала ея до преобразования в 1819 году // Труды Киевской духовной академии. 1868. № 3.
6. *Feofan Prokopovič.* De arte rhetorica libri X. Kijoviae 1706 / Hrsg. R. Lachmann. Köln; Wien, 1982.
7. *Sarbiewski M.K.* Wykłady poetyki: (Praecepta poetica) / Przeł. i oprac. S. Skimina. Wrocław; Kraków, 1958.
8. Испанская эстетика. Ренессанс. Барокко. Просвещение. М., 1977.
9. *Симеон Полоцкий.* Избранные сочинения / Подг. текста, статья и коммент. И.П. Еремина. М.; Л., 1955.
10. *Брашловский С.* Отношения чудовского инока Евфимия к Сильвестру Медведеву (страничка из истории просвещения в XVII столетии) // Русский филологический вестник. Варшава. 1889. Т. 22.
11. *Сазонова Л.И.* Евфимий Чудовский – новое имя в русской поэзии XVII в. // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1990. Т. 44.
12. *Николаев С.И.* Литературная культура Петровской эпохи. СПб., 1990.
13. ГИМ. Синодальное собрание, № 369.
14. *Ковтун Л.С.* Лексикография в Московской Руси XVI – начала XVII в. Л., 1975.
15. *Медведев С.* Известие истинное православным и показание светлое о новоправлении книжном и о прочем / С предисл. и примеч. С.А. Белокурова // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1885. Кн. 4. Отд. II.
16. *Прозоровский А.* Сильвестр Медведев: Его жизнь и деятельность. М., 1896.
17. *Филарет (Гумилевский).* Обзор русской духовной литературы. СПб., 1884. Кн. 1–2 (862–1720).
18. ГИМ. Синодальное собрание, № 287 (Симеон Полоцкий. Рифмологион).
19. Русская силлабическая поэзия XVII–XVIII вв. / Вступ. ст., подг. текста и примеч. А.М. Панченко. Л., 1970.

20. ГИМ. Собрание рукописей Чудова монастыря, № 302.
21. Книга Любви знак в честен брак / Ст., коммент. Л.И. Сазоновой. М., 1989.
22. *Морозов А.А.* Эмблематика барокко в литературе и искусстве Петровского времени // XVIII век. Сборник 9. Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века. Л., 1974.
23. *Розанов И.Н.* Великая Северная война в русской поэзии первой половины XVIII в. // Уч. зап. Моск. гор. пед. ин-та. 1946. Т. 7.
24. *Simeon Polockij.* Vertograd mnogocvetnyj. Vol. 3. 'Prav nikto zhe' – 'Epitafion' Simeonu. Ed. by Anthony Hippisley and L.I. Sazonova / Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulurgeschichte. Neue Folge. Hrsg. von K. Gutschmidt, R. Marti, P. Thiergen, L. Udolph. Reihe B: Editionen. Band 10/III. Köln, Weimar, Wien: Böhlau, 2000.
25. *W. Pape, G. Benseker.* Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Nachdruck der dritten Auflage [Braunschweig 1911]. Zweiter Band. Graz, 1959.
26. *Панченко А.М.* Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973.
27. *Sullivan J., Drage C.L.* Poems in an unpublished manuscript of the Vinograd Rosiiskii // Oxford Slavonic Papers. New ser. 1968. Vol. 1.
28. *Сумцов Н.Ф.* Лазарь Баранович. Харьков, 1885.
29. *Феофан Прокопович.* Сочинения / Под ред. И.П. Еремина. М.; Л., 1961.
30. *Софронова Л.А.* Принцип отражения в поэтике барокко // Барокко в славянских культурах. М., 1982.
31. *Сазонова Л.И.* Символическая аллегоризация образа Алексея Человека Божьего в драматургии восточнославянского барокко // Страницы: Богословие. Культура. Образование. М., 2000. № 5/1.
32. С-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 172. Оп. 1. Д. 226.
33. *Иван Величковский.* Твори. Київ, 1972.
34. *Либуркин Д.Л.* Русская новолатинская поэзия: материалы к истории. XVII – первая половина XVIII века. М., 2000.
35. *Галатовский И.* Души людей умерлых. Чернигов, 1687.
36. *Ясинский В.* Венец молитв седмичных. Киев, 1694.
37. Символы и эмблемата. Амстердам, 1705.
38. Панегирическая литература Петровского времени // Изд. подгот. В.П. Гребенюк. М., 1979.
39. *Brogi Bercoff G.* Mazerà, lo zar e il diavolo. Un inedito di Stefan Javorskij // Russica Romana. 2000. Vol. 7.
40. *Яворский Стефан.* Риторическая рука / Перевод с латинского Ф. Поликарпова. СПб., 1878.
41. *Позднеев А.В.* Песни-акростихи Германа // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1958. Т. 14.
42. *Татарский И.* Симеон Полоцкий: Его жизнь и деятельность. Опыт исследования по истории просвещения и внутренней церковной жизни во вторую половину XVII века. М., 1886.
43. ГИМ. Синодальное собрание рукописей, № 130.
44. *Keipert H.* Simeon Polockij: Vertograd mnogocvetnyj, Vol. 1. Ed. by Anthony Hippisley and Lydia I. Sazonova // Zeitschrift für Slavische Philologie. 1998, 1 (57).
45. *Крекотень В.І.* Київська поетика 1637 року // Літературна спадщина Київської Русі і українська література XVI–XVIII ст. Київ, 1981.
46. РГАДА. Собрание рукописей московской Синодальной типографии. Ф. 381. № 1767.
47. *Симеон Полоцкий.* Орел Российский / Сообщил Н.А. Смирнов // Общество любителей древней письменности. СПб., 1915. Т. 133.
48. *Сазонова Л.И.* Поэзия русского барокко. М., 1991.
49. *Магницкий Л.* Арифметика. М., 1703.
50. *Мироши В.В.* Эмблематика имени Г.Р. Державина // Традиция и литературный процесс. Новосибирск, 1999.
51. ГИМ. Музейное собрание рукописей, № 1705.
52. *Петров Н.* О словесных науках и литературных занятиях в Киевской академии от начала ее до преобразования в 1819 году // Труды Киевской духовной академии. 1867. № 1.

Словеса похвалная купно же и нравоучительная на двадесять и един праздник угодников Божиих во оглавлении изъяснительных народовъ щателная, ползы ради всѣхъ христианъ правовѣрныхъ. Благовѣрнѣйшему христоролюбивнѣйшему самодержавнѣйшему тишайшему великому государю царю и великому князю Александру Михайловичю всея Великия и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу всемирно врученная от сложившаго ю трудолюбнѣ мно[го]гнѣшнаго иеромонаха Симеона Полоцкаго в царствующемъ градѣ Москвѣ, во обители Всемилостиваго Спаса нерукотвореннаго образа его же за Иконнымъ рядомъ в лѣто от создания мира 7183, от Рождества же по плоти Господа нашего Иисуса Христа 1675.

Еленхос, или Оглавление словъ в книзѣ сей содержимыхъ.

1

Первымъ слово тому написася,
иже человекъ Божій съвыше звася.
Сей есть АЛЕКСИЙ, то есть пособитель
царя нашего присный защититель. //

Л. 231 об.

2

Второе слово потщася писати
тебѣ, святая НАТАЛІИА мати,
Яко царица свѣтлая то носит
имя святое и тя в помощь просит.

3

Третье слово – ФЕОДОРУ святу
по сихъ в похвалу силу Стратилату,
Яко сынъ царскій первѣйшій имя твое
в правду БОЖІЙ ДАР получи святое.

4

Четвертое слово тебѣ, ИОАННЕ,
о предитече Христу предосланне.
Яко сынъ царскій вторый имя твое
любезнѣ носит и славит святое.

5

Пятое слово первопрестолному
писася в похвалу ПЕТРОВИ святому.
Яко сынъ царскій третій ПЕТР прозвася
святаго ПЕТРА защитѣ отдася.

Шестое слово преславнѣй дѣвицѣ
 ИРИНѣ святѣй дивнѣй мученицѣ,
 Ей же свѣтлая ИРИНА царевна
 Богоизволиѣ есть тезоимѣнна. //

Л. 232

Седмoe слово АННѣ положися,
 ею же мати Божая родися,
 И ей же АННА пресвѣтла царевна
 от юности есть в защиту вреченна.

Слово осмое тебѣ, ТАТИАНО,
 от усердия в почесть написано
 О мученице Богом возлюбленна,
 ей же ЦАРЕВНА есть тезоимѣнна.

Слово девятое, ЕВДОКИЕ, тебѣ,
 стратотерпице, живущая в небѣ
 Есть в похвалу, яко имя носит
 твое ЦАРЕВНА и молитв ти просит.

Слово десятое тебѣ, МАРФО, мати
 столпника рождшей, тѣхся написати,
 Юже ЦАРЕВНА МАРФА величает
 и в прошениях ползу познавает.

Первое выше десяти есть слово
 тебѣ, СОФИЕ святая, готово,
 И дочерем твоим, а СОФИА тебе
 ЦАРЕВНА славит въдаючи ти себе. //

Л. 232 об.

Слово второе выше десятицы
 ЕКАТЕРИНЫ славу мученицы
 Поет, ея же молбыми ЦАРЕВНА
 ЕКАТЕРИНА да будет спасенна.

Тринадесято слово тебѢ, МАТИ
 МАРИЕ, изволь любезно прияти
 И дщерь царскую МАРИЮ хранити,
 да бы здѢ долго, в небѢ – вѢчно жити.

Четверто слово выше десятицы,
 ФЕОДОСИИ в славу мученицы,
 Юже дщерь царска свѣтло величает
 ФЕОДОСИЯ и спастися чае.

ЗдѢ НАТАЛИИ писати бы слово,
 но в числѢ втором то зрится готово,
 Едино имя имат дщерь и мати
 слово едино может довлѢ стати.

Преподобная ФЕОДОРО мати,
 пятнадцатъ слово изволь взяти
 И ФЕОДОРУ, царску дщерь, хранити,
 да бы ей лѢта здраво многа жити. //

Л. 233

Шестнадцатъ слово составися
 ПЕТРУ, иже первый престолник явися
 Во градѢ Московстем, его же молвами
 буди, Христос Боже, сам со всѢми нами.

Седмнадцатъ слово чудотворцу
 АЛЕКСИЮ, иже угодил ест Творцу,
 Пасый стадо его Российския страны,
 Его же нам мощи в ползу Богом даны.

Осмонадцатъ ИОНѢ святому
 пастырю слово в честь ны помощ скорому,
 Его же молбами милосерд нам буди,
 Боже един в ТроицѢ, спаси твоя люди.

Девятнадцать ФИЛИППУ святому,
митрополиту слово есть всероссийскому,
Его же ходатайством даждь нам мирно жити,
Христе Боже, и тебѣ прилежно служити.

Двадцатое слово СЕРГИЮ святому
преподобно пожившу отцу пречюдному,
Наставнику иноков, его же молбами
и ходатайством теплым буди, Христе, с нами.

Двадцать первое Звенигородскому САВВѢ
слово написая руска ради славѣ
Пожившу аггелско в плоти, чисто, свято,
днесь же со аггелы ликующа за то.

© 2002 г. С.М. ТОЛСТАЯ

СЕМАНТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ РОДСТВА В СЛАВЯНСКОМ НАРОДНОМ КАЛЕНДАРЕ

Исследователями славянской традиционной культуры (этнографами, фольклористами, диалектологами) накоплен богатый материал по народному календарю разных этнических традиций и регионов Славии. В последние годы появились и сводные публикации в виде словарей или энциклопедий, так что на эмпирическом уровне народный календарь оказался одним из самых разработанных разделов славянского "народоведения" (см. литературу в [1. С. 445–446]), и это в полной мере соответствует тому центральному месту, какое занимает календарь в структуре традиционной обрядовой и бытовой практики и в значительной мере также и в системе верований. Вместе с тем этот богатый материал остается почти не изученным ни с этнографической, ни с лингвистической стороны (речь идет не о календарных обрядах, а о самом календаре как системе). Исследований, посвященных структуре, семантике, прагматике, происхождению и истории славянского народного календаря, его терминологии, очень мало (можно указать лишь несколько болгарских работ в серийном издании "Етнографски проблеми на народната духовна култура" и находящуюся в печати книгу [2]). Особенно заметно отсутствие внимания к этому материалу со стороны лингвистов: календарная лексика практически не представлена ни в диалектных словарях, ни в лексикологических исследованиях, что отчасти может быть объяснено ее пограничным положением между апеллятивной лексикой и ономастикой. Между тем теоретическое (и лексикографическое) освоение этого обширного пласта лексики (не только собственно хрононимов, но и других единиц и форм "календарного дискурса") может быть весьма интересным и для ономастики, и для апеллятивной лексикологии, ибо календарь представляет собой арену их живого взаимодействия, демонстрируя как апеллятивизацию антропонимов (агионимов) в названиях праздников, так и онимизацию апеллятивов (хрононимов неантропонимического происхождения), поддерживаемую глубинным механизмом антропоморфизации и персонификации структурных единиц самого календаря – праздников и почитаемых или опасных дней и периодов (подробнее см.: [3]).

Пожалуй, наиболее "темной", непроясненной остается семантическая структура народного календаря, запечатленные в нем смыслы, начиная от мифологических представлений о времени вообще и его аксиологии [4] и кончая характерными для календаря конкретными семантическими моделями и оппозициями (дни мужские – женские; большие – малые; сухие – мокрые; холодные – теплые; святые, "чистые" –

грешные, опасные, "кривые" и т.п.). Настоящая заметка посвящена одной из таких семантических моделей, а именно – модели родства, в рамках которой праздники и дни календаря оказываются по отношению друг к другу "родственниками": отцом или матерью, братом, племянницей и т.п. Впервые эта модель обратила на себя внимание при полевом сборе материала по полесскому народному календарю, в котором встретились серия хрононимов с компонентом "батько" (*Васильев батько*, *Грумничный батько*, *Миколин батько* и т.п.), но затем подобные представления о родственных отношениях между праздниками были обнаружены и в других календарных традициях, в частности южнославянских. Пока наблюдений этого рода немного, но уже имеющиеся примеры позволяют говорить не об изолированных случайных совпадениях, а о некоей регулярной семантической модели календарной номинации.

Семейно-родовая модель проявляет себя уже в характерном для восточнославянских диалектов, в частности полесских, именовании умерших предков терминами родства: *деды*, *родители* (ср. обратное явление в современном молодежном жаргоне: *предки* 'родители'), которые одновременно используются как хрононимы, обозначающие общие поминальные дни в календаре [5]. Дальнейшая актуализация семейно-родовой модели в некоторых локальных полесских традициях приводит к появлению номинации *бабы* 'поминальный день, обычно следующий за дедами (реже – предшествующий им) и посвященный памяти умерших предков женского пола'. В данном случае модель родства разворачивается по горизонтальной линии, в результате чего вместо недифференцированного в отношении пола обозначения *деды*, подразумевавшего как мужских, так и женских предков, появляются два хрононима (*деды* и *бабы*), коррелятивных по признаку пола. В этой оппозиции соблюдаются, как правило, семантические соответствия "мужского" коррелята положительному вектору христианских ценностей, а "женского" – отрицательному (например, *деды* отмечаются в пятницу, постный день, а *бабы* – в субботу, скоромный день).

Более продуктивной оказывается модель, основанная на вертикальной линии родства, т.е. трактовка праздников как детей и родителей. Эту модель можно считать разновидностью более общего принципа иерархизации единиц календаря (более значимые и менее значимые, "большие" и "малые" праздники, дни). Во многих случаях, однако, наблюдается стремление привнести такого рода родственные отношения в систему праздников независимо от принципа их иерархии и значимости. Так, полесские хрононимы с компонентом "батько" используются для обозначения не более важных или крупных праздников, чем исходный, а хронологически смежного с ним – предшествующего или последующего. Например, *Васильев батько* отмечается 2 января, т.е. на следующий день после Васильева дня (Нового года); *Грумничный* (или *Громничный*) *батько* – в одних селах канун Сретения (*Громниц*, *Грумниц*, 2/15 февр.), в других – следующий за Сретением день; так же и *Миколин батько* может отмечаться перед Николиным днем (8/21 мая) и после него "Назавтра Микола гуляють, шоб градничого не побил, цэ Миколин батько" (с. Плехов Чернигов. р-на Чернигов. обл.), после Петра (29 июня/12 июля) идет *Петров батько* и т.д. Любопытно, что этот же тип иерархических отношений может иногда основываться не на отцовской, а на материнской линии. Так, наряду с трактовкой 2 января как "отца" Васильева дня (или – в христианизированной форме – как день памяти отца св. Василия), в отдельных селах этот день посвящают матери св. Василия [б. С. 62].

Отношениями отцовства могут связываться в полесском календаре и праздники, имеющие свои особые наименования и собственного покровителя. Так, день св. Саввы (5/18 дек.) почитается как "батько" предыдущего Варварина дня: "Савка – Варварин батько. Не празнуйте мене, а празнуйте батька моего" (с. Заспа Речицк. р-на Гомельск. обл.). При этом в календаре смоленских крестьян этот же день назывался *Бацька-Савка* и считался "отцом" следующего по календарю праздника – Николы

зимнего (6/19 дек.): "Сегодня (6 декабря) св. Микола (Николая Чудотворца), а учора был праздник его Бацьки Савки" [7. С. 24]. *Покровным батькой* мог называться как день Иоанна Богослова (26 сент./9 окт.), именуемый также *Покровный Иван* (Пинчина), так и следующий после праздника Покров (1/14 окт.) день св. Киприана (2/15 окт.) (Ровенщина) [8. С. 617]. У праздника Благовещение (25 марта / 7 апр.) тоже есть свой "батько" – это *Благовестник*, день, следующий за Благовещением и посвященный Архангелу Гавриилу: "Не так бойся Благовещенья, як батька его Благовестника". Соседние праздники Михайлов день (6/19 сент.) и Рождество Богородицы (8/21 сент.) иногда трактуются соответственно как мать и отец: "Не бойся матери Прэчыстой, а бойся отца Чуда" (с. Великая Весь Репкин. р-на Черниг. обл.); "Перед Другой Пречистой ходить Чудо. Одна женщина стала хату белить [в этот день] и ослепла. Пречиста так сказала: не празднуйте мене, празднуйте мого Чуду" (с. Хоробичи Городнян. р-на Черниг. обл.).

Таким образом, в терминах семейно-родовой модели в календарном языке трактуются такие единицы календаря, которые оказываются хронологически смежными, и их семантическое объединение становится одним из способов структурирования годового времени. Конкретизация родственных отношений в рамках этой модели: будет ли один праздник по отношению к другому отцом, матерью или сыном, – уже не имеет существенного значения; важна лишь сама коррелятивная связь. День, предшествующий Николе вешнему (9/22 мая), может трактоваться и как *Миколин батько* и как "сын" Микола и называться *Микульник*: "Малэньке свято вперод: Ушосник – Ушэстье, Микульник – Микола. У каждого Микола свой Микульник, свой син" (с. Дяковичи Житкович. р-на Гом. обл.).

Возможность подобной семейно-родовой трактовки годовых праздников обусловлена характерным для народной традиции синкретизмом восприятия святого и посвященного ему дня. В белорусских волочечных (пасхальных) песнях, рассказывающих о порядке следования праздников и распределении хозяйственных ролей между ними, фигурируют персонафицированные праздники под именами своих патронов, которым приписываются "человеческие" действия и функции: "Ой, святы Юрай статак запасае, / Святая Микола яр засявае, / А святы Пятрок пчолки насаджае, / А святы Ілля жыта зажынае, / А святы Іспас жыта засявае" [9. С. 186]. То, что в подобных контекстах имеются в виду не сами святые, а персонафицированные праздники, подтверждается присутствием в них, наряду со святыми-праздниками, таких "персонажей", как Рождество, Благовещение, Сороки (День Сорока мучеников), Вшестник (от *Вшестье* 'Вознесение'), названия которых мотивированы не именем святого, а священным "событием". В текстах белорусских заговоров полной семейно-родовой моделью охвачены, например, три дня праздника Троицы, которые называются соответственно "святой дух, і святая Тройца, і святэй Трайчонок" [10. № 942].

Этот же синкретизм лежит в основе несоответствия грамматического рода имени праздника полу святого: "Святая Васілля дзяжу мясіла. / Дзяжу мясіла, пірагі пякла" [9. С. 116]; "Святая Аўдакей сохі забіраіць" [9. С. 157] и т.п. Такое несоответствие может повлечь за собой и переосмысление пола святого. В болгарской традиции св. Савву иногда считают сестрой св. Варвары и св. Николая [11. С. 34]; как женский персонаж может восприниматься и св. Константин с соответствующей трансформацией имени: на юге Болгарии день Константина и Елены (21 мая / 3 июня) называется *Костадинка и Еленка*, а сами святые воспринимаются как сестры; в других локальных традициях их считают то сыном и матерью, то братом и сестрой, то супругами [11. С. 14].

Установление родственных связей для праздников, которые не ассоциируются непосредственно с образами святых, как бы повышает их статус, приближает их к уровню синкретичных святых-праздников и нередко порождает "ложных" святых. Например, в сербском календаре почитается святая *Ображда* или *Тодорица*, которую кое-где считают женой св. Тодора; народное название дня Сорока мучеников

(9/22 марта) *Младенци* в некоторых селах переосмысливается таким образом, что появляется новый святой – *Младен*, к которому, как и к настоящим святым, обращаются с молитвами и просьбами: "Свети Младен да омлади – да Бог да" [12. С. 159]. По сообщению М. Филиповича, "в районе Пчини празднуют два дня, пятницу и субботу, причем пятницу называют Тодор и считают праздником лошадей, а субботу называют Тодорица, почитают как жену Тодора и празднуют ради волов" [13. С. 8].

В южнославянских календарных приговорах и формулах крупные праздники нередко получают постоянные "эпитеты" из круга терминов родства, например, *дядо Божик*, *дядо Великден* (ср. родопское благопожелание: "Да сте червени и здрави като дядо Великден" [14. С. 105]) т.п. "Горизонтальные" родственные отношения часто приписываются персонафицированным месяцам, которые воспринимаются как братья, как побратимы или как супруги [15. С. 43]. Семейно-родовая модель может распространяться и на персонафицированные дни недели: по сербским поверьям, "Св. Петка – Недельина је мајка"; в Полесье полагают, что у среды есть дочери, для которых она крадет пряжу, и т.п.

Вторичные функции, приобретаемые категориями родства в календарном дискурсе, свидетельствуют одновременно и о глубинном мифологическом осмыслении календарного времени в народной традиции, и об универсальном характере семантической модели родства, применимой к разнообразному этноязыковому материалу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Толстая С.М. Календарь народный // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н.И. Толстого. М., 1999. Т. 2. С. 442–446.
2. Агапкина Т.А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. М., 2002. В печати.
3. Толстая С.М. Антропонимы в народной календарной терминологии // Известия Уральского гос. ун-та. Гуманитарные науки. Т. 20. Вып. 4. Екатеринбург, 2001. С. 54–59.
4. Толстая С.М. Мифология и аксиология времени в славянской народной культуре // Культура и история. Славянский мир. М., 1997. С. 62–79.
5. Толстая С.М. Полесский народный календарь. Материалы к этнодиалектному словарю // Славянское и балканское языкознание. Язык в этнокультурном аспекте. М., 1984. С. 178–200 (Предисловие, буквы А–Г); Славянское и балканское языкознание. Проблемы диалектологии. М., 1986. С. 98–131 (буквы Д–И); Славянский и балканский фольклор. Духовная культура Полесья на общеславянском фоне. М., 1986. С. 178–242. (буквы К–П); Славянский и балканский фольклор. Этнолингвистическое изучение Полесья. М., 1995. С. 252–317 (буквы Р–Я, Приложение).
6. Доманицький Василь. Народний календар у Ровенським повіті, Волинської губернії // Матеріали до української етнології. Т. XV. Львів, 1912. С. 62–89.
7. Добровольский В.Н. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.
8. Зеленин Д.К. Описание рукописей Ученого архива Императорского Русского географического общества. Пг., 1915. Вып. 2.
9. Валачобныя песні. Мінск, 1980.
10. Замовы. Мінск, 1992.
11. Попов Р. Светци близнаци в българския народен календар. София, 1991.
12. Неделькович М. Годишњи обичаји у Срба. Београд, 1991.
13. Филиповић М. Трaчки коњаник у обичајима и веровањима савремених балканских народа. Нови Сад, 1950.
14. Родопи. Традициона народна духовна и социалнонормативна култура. София, 1994.
15. Вълчинова Г. Свечко и Марта – формирането на един митологичен комплекс в българската народна култура // Етнографски проблеми на народната духовна култура. София, 1994. Т. 2. С. 33–77.

© 2002 г. Н.Н. ЗАПОЛЬСКАЯ

ГРАММАТИКА И ТЕОЛОГИЯ: ПРОБЛЕМА БИБЛЕЙСКОГО АНТРОПОНИМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

1. *Тип культуры: тип текстов и тип языка.* Тип культуры задает тип императивных текстов и тип литературного языка. Христианская культура была основана на Библии, т.е. на императивных текстах, возникших как результат человеческого опыта Бога, как результат общения Бога с людьми, способными свидетельствовать об истинности Слова Бога. Основным способом освоения императивных текстов был мнемонический способ, направленный на запоминание санкционированного культурным опытом книжно-языкового материала. Принципиальная мнемоничность определялась тем, что решение главной для верующих задачи созидания жизни по Слову Бога требовало прежде всего запоминания Слова Бога и тем самым приближения к его пониманию: “Первое правило в сем святом деле (изучении Писания. – *Н.З.*)... предварительно узнать сии книги (Ветхого и Нового Заветов. – *Н.З.*), если еще не разумением, по крайней мере, памятью – затвердив их через чтение...” [1. С. 76]. Дополнительным способом освоения императивных текстов, требующим эрудиции, являлся операциональный способ, основанный на рефлексии и предполагавший использование разных методов интерпретации – исторического, логического, аллегорического и филологического. Метод филологической интерпретации выявлял суть “христианизации” языка, приведшей к наложению на буквальные смыслы смыслов сакральных, что позволяло сопоставлять изреченное Слово Бога и сочиненное слово человека, пытавшегося рассмотреть свою повседневную жизнь в сакральном библейском контексте: “Потом надобно со всем тщанием и ревностью углубляться в познание того, о чем ясно говорят они (книги Ветхого и Нового Заветов. – *Н.З.*), правила ли то жизни, или правила веры... Наконец, ознакомившись сколько-нибудь теснее с самим языком Божественного Писания, должно приступить к открытию и рассмотрению того, что в нем темно, объясняя невразумительные выражения вразумительными, неизвестные мысли – известными” [1. С. 76]. Филологическая интерпретация, направленная на раскрытие, сохранение и трансляцию сакральных смыслов в неизменном виде, была зафиксирована в экзегетических грамматиках и словарях.

Сложным и важным материалом для филологического анализа являлись собственные личные имена, скрывавшие в себе “исходное” отношение Бога к людям, Божественный промысел, ибо “поименование” значило наделение судьбой, а “переименование” – изменение судьбы, особую духовную миссию (семантическая схема

Запольская Наталья Николаевна – канд. филол. наук, ст. преподаватель кафедры русского языка филологического факультета МГУ.

“имя – благодатное имя”). Глубинность рефлексии над библейскими именами достигалась посредством реализации в словарях и грамматиках разных принципов структурирования антропонимического пространства и разных подходов к раскрытию сакральных смыслов. Словари давали перечни собственных имен, каждое из которых “толковалось”, т.е. характеризовалось с точки зрения происхождения и значения, что позволяло понять место носителя имени в библейской картине мира. Грамматики представляли именники как системы, мотивированные формально-семантическим потенциалом самих имен и функциями носителей имен в библейской картине мира. Смена конфессиональной культуры секулярной привела к потере библейскими именами исходной имманентности и к изменению характера “именной” рефлексии.

Будучи ценностным культурным ориентиром, собственные личные имена должны рассматриваться и в пространстве культуры (посредством анализа разных типов метатекстов, принадлежащих одному хронологическому срезу), и во времени культуры (посредством анализа одного типа метатекстов, движущегося во времени).

2. *Имя в пространстве культуры.* Примером филологической интерпретации имени в пространстве конфессиональной культуры может быть развернутая интерпретация имени **Іаковъ**, представленная в церковнославянских лингвистических сочинениях XVI в.

Так, азбуковник (*Книга глѣмѧ алфавѣтъ содержѧща в себѣ тоꙗковѧнне неꙋдоꙋ разꙋмѣвѧемы^х речен, иже обрѣтаются во сѣбѣ^х кнѣга^х словѣнскаго ꙗзыка, иностранными глѣми положены*), представлял имя **Іаковъ** в перечне имен дважды – как самостоятельное имя и как компонент семантической схемы **Іаковъ – израиль**:

– “**Іако^в тоꙗкꙋѣтса лєсть или ѿрокъ ѡжн, или послѣанин**”

(*приведенные значения были мотивированы как “научной”, так и “народной” этимологией, представленной в Ветхом Завете: “И по сѣмъ ѡзыде братъ ѡго рѣка же ѡго придержася патѣ ѡсаовѣ, ѡ нарече ѡма ѡмѣ ѡіаковъ” Быт. 25:26, “по правдѣ прозва ѡма ѡмѣ ѡіаковъ, прельсти бо ма се вторицею” Быт. 27:26 [2]);

– “израиль, **Іаковъ**, сѣтъ ѡсааковъ, внꙋкъ авраамль. воꙋвращаѣса ѿ лавана, тєстѧ своего, и, прише^а на вродѣ канѧѡвѣ, преведе все свое, и вораше с ним до ѡтра, и рече ѡмѣ: пѣсти ма, рече же ѡмѣ **іаковъ**: не пѣщѣ, аще не блѣвиши ма, и рече ѡмѣ аггль: что ти єтъ **іма**? о^н же рече: **іаковъ**, рече^ж ѡмѣ: ѿселе не прозоветса **іма** твое **іаковъ**, но бꙋдетъ **іма** твое **израиль**. И ѿтоле **іко^в нача^т нарицати^{сѧ} израиль**, того ради вси, рожѣ^ашенсѧ ѿ колѣна его, израилѧне наричꙋтса, тоꙗкꙋѣт же сѧ **израиль** зранѣга ѡмѣ или видѣнне бжне, еврейски во израѣ, а по рѣски видѧи, по еврейски нль, о по словенски вѣ^т” [3. С. 201, 195–196].

Представленное толкование имени **Іаковъ** и введение имени в семантическую схему **Іаковъ – Израиль** позволяло связывать это имя только с одним из его носителей – патриархом, праотцом израильян, демонстрируя тем самым его “базовую” позицию в библейской картине мира (ср.: **Іаковъ – патриарх** // **Іаковъ – сын Иосифа и Марии**, брат Иисуса, **Іаковъ – сын Заведея** и брат евангелиста **Иоанна**, **Іаковъ – сын Алфея**, **Іаковъ – отец апостола Иуды**).

Библейское антропонимическое пространство грамматики (“*Грамматика словенска*” Л. Зизания, 1596 г.), организованное как формально-семантическая и функциональная системы, также представляло обладавшее высоким ценностным статусом имя **Іаковъ**. Формально-семантическая система, включавшая имена **Авраамъ**, **Ісаакъ**, **Іаковъ**, **Іванъ** демонстрировала морфологическую модель имен существительных с основой на *i*, обладающих стандартным набором флексии: “**Сѧ ѡимѧ приносѣтисѧ дѡлжнн сѣтъ въ пѣрвое склонѣнїе. Авраамъ, Ісаакъ, Іаковъ...Іванъ**” [4. Л. Кз об.].

Функциональная система, явленная для презентации собственных имен как особого именного разряда, включала четыре имени **Іаковъ. Іліа. Анна. Маріа**; **Чтѡ ѣсть ѿмѧ собственное, бже 'единой токъмв вещи слѹчаётса. Іако, Іаковъ. Іліа. Анна. Маріа.**" [4, К].

Данные имена, рассматриваемые как система, могли представлять разработанные в средневековье типологические схемы, актуализировавшие связь Ветхого и Нового Заветов, т.е. идею "прообразования", идеально-смыслового предвосхищения более поздних событий в более ранних:

Іаковъ – Іліа (* возможно единение по функции "вознесение", разработанной в "Зеркале спасения": вознесение Христа – сон Иакова о небесной лестнице – Христос, как добрый пастырь, несет заблудшую овцу на небо – вознесение (восхищение) Илии; данное "соположение" имен в грамматике являлось инструментом напоминания-интерпретации "духовно соположенных" библейских текстов: "**Іаковъ**) **вндѣ сонъ. ѿ се лѣствнца оутвѣрждена на землѣ, 'ел* конѣ досазаше до небѣ, ѿ агглан бжѣн въсхождахъ, н' нисхождахъ, по нѣн, гб же оутвѣрждашеса на нѣй...**" Быт. 28:12–13, "**Іліа**) **ѿ се колесница дгненаа ѿ конѣ дгненѣн... ѿ взѧтъ бысть ѿліа вѣхромъ іако на небо...**" 4 Цар. 2:11, "**Христосъ**) **ѿ бысть 'егда блваше ѿхъ, ѡстѣпнѣ ѡ ннхъ, ѿ възношашеса на небо...**" Лк. 24:51 [2]).

Анна – Маріа (* возможно единение по функции "величания": "псалом хваления" Анны, матери пророка и судьи Самуила, возблагодарившей Бога за рождение сына, явился прообразом "гимна величания" Марии, матери Иисуса; данное "соположение" имен в грамматике также могло являться инструментом напоминания-интерпретации "духовно соположенных" библейских текстов: **Анна – "Оутвердѣса срѣце моѣ ѡ гбѣ...**" 1 Цар. 2: 1–10, **Маріа – "Велѣчитъ дша моа гѧ..."** Лк. 1: 46–55 [2]).

Таким образом, явленная в словаре и грамматике филологическая интерпретация имени **Іаковъ** позволяла понять происхождение имени, буквальное и сакральное значение имени, грамматический потенциал имени, а также место и функции основного носителя данного имени в библейской картине мира.

3. *Имя во времени культуры.* Примером семантически значимого "движения" имени во времени культуры может быть "движение" имени **Петр**, включенного в антропонимическое пространство как церковнославянских, так и русских грамматик, фиксировавших ценностные установки конфессиональной и секулярной культуры.

Рефлексия над именем **Петръ** в грамматиках, порожденных в конфессиональной культуре, была направлена на раскрытие имени посредством раскрытия функции носителя имени в библейской картине мира. Так, библейское антропонимическое пространство грамматического трактата "**Ѡ ѡсмѣхъ чѧстѣхъ слова**", языковой материал которого был во многом мотивирован богословскими сочинениями Иоанна Дамаскина [5. S. 19–42], формировали три имени, представленные в маркированном "предикатном окружении" – "**Петръ оучаше, Павелъ посылаше, Матѣен блѣвѣствоваше**" [6]. Данные имена, рассматриваемые как система, могли актуализировать идею функционального различия апостольских миссий:

Петръ оучаше (* благодатная сила нового имени Симон > Петр (Кифа) определила наивысшую миссию Петра: "собрание" Церкви и передача истинного правила веры, т.е. обретение права юрисдикции и вынесения учительных решений – Мф. 16: 18–19);

Павелъ посылаше (* данный Богом "завет", побудивший Савла принять имя Павел, определил его особую миссию: будучи призван в апокалиптическом видении Воскресшего Христа, Павел обладал особым разумением тайны Христа, которую он был призван передавать язычникам посредством посланий – Гал. 1:16; Кор. 9:1, 15:1);

Матѣен блѣвѣствоваше (* особое призвание Матфея, "переименованного" из Левия, определялось тем, что, сопутствуя Иисусу, он делал записи изречений Иисуса, что

позволило ему стать автором первого из четырех канонических евангелий, написанного в Палестине на арамейском языке, а затем переведенного на греческий язык).

Обширное библейское антропонимическое пространство грамматики М. Смотрицкого 1619 г. (“Грамматіки Славенскія правилное Сѣнтагма”) было маркировано двумя именами – **Петръ** и **Анна**, явленными для презентации собственных имен как особого именного разряда: “Собственное имя есть/ еже собственным и известным вещь знаменуетъ, аки, Петръ/Анна...” [7. Л. К об.].

Посредством функционального “соположения” этих имен могла актуализироваться идея прославления Христа в духовном и реальном времени:

Петръ – Анна (*апостол Петр объявил мессианское прославление Воскресшего Христа и возвестил дар Духа Святого – Деян. 2: 14–36, пророчица Анна славилась в Иерусалимском храме Христа-младенца и говорила о Нем всем, ожидавшим избавления – Лк. 2:38).

Смена конфессиональной культуры секулярной мотивировала изменение типа императивных текстов и типа литературного языка, а также характера рефлексии над текстом и языком. “Секуляризация” операционального способа освоения книжно-языкового материала привела к смене экзегетических грамматик нормативными. В нормативных грамматических руководствах библейское антропонимическое пространство переосмыслилось в историческое антропонимическое пространство, т.е. имена библейских персонажей стали задаваться как имена исторических лиц. Так, антропонимическое пространство “Российской грамматики” А. Барсова 1786 г., представлявшей собой наиболее полное описание русского литературного языка XVIII в., определяли имена Анна и Петр, поставленные рядом с именами Иван и Карл, посредством чего актуализировалась идея государственной власти:

“Собственные имена суть те кои означаютъ одно лице, или одну вещь, для различения оной отъ всѣхъ тогожь рода вещей на пр. Иванъ, Анна, Петръ, Карлъ...” [8. С. 94].

Дальнейшая демократизация общества и упрощение культурно-ценностных ориентиров мотивировали снижение аксиологии имен, что проявилось в замене исторического антропонимического пространства бытовым. Так, антропонимическое пространство академической “Русской грамматики” 1980 г. включает имя Петр уже в бытовом оформлении: “Петя, Ваня, Гриша, Коля... – имена собственные, присваиваемые мужчинам, мальчикам” [9. С. 460]).

Таким образом, зафиксированные грамматиками изменения ценностного статуса собственных личных имен свидетельствуют об изменении типа и характера культуры, об изменении “культула разумения слова” [10. С. 380].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Августин*. Христианская наука, или Основания святой герменевтики и церковного красноречия. Киев, 1835.
2. Острожская Библия. 1581. Переиздано: М.-Л., 1988.
3. *Ковтун Л.С.* Азбуковники XVI–XVII вв., Л., 1989.
4. [Зизаний Л.] *Грамматіка Словенска*. Вино, 1596. Переиздано: Киев, 1980.
5. *Keipert H.* Grammatik und Theologie // *Zeitschrift für slavische philologie*. 1999. Bd. 58. N. 1.
6. *Ягич И.В.* Рассуждения южнославянской и русской старины о церковно-славянском языке. // Исследования по русскому языку. СПб., 1885–1895.
7. *Мелетин Смотрицкій*. *Грамматіки Славенскія правилное Сѣнтагма*. Свю, 1619. Переиздано: Киев, 1979.
8. *Барсов А.А.* Российская грамматика. М., 1981.
9. Русская грамматика. М., 1980.
10. *Шнем Г.Г.* Эстетические фрагменты. // Сочинения. М., 1989.

© 2002 г. А.А. ТУРИЛОВ

КОМУ "ЕДИНОИМЕНЕН" РАННОКИСУМ? ГЛОССЫ КАК ЭЛЕМЕНТ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЗАМЫСЛА И ОФОРМЛЕНИЯ ТЕКСТА ЖИТИЯ ДЕСПОТА СТЕФАНА КОНСТАНТИНА КОСТЕНЕЦКОГО

Известно, что практически все списки Жития деспота Стефана Лазаревича, как пространные так и сокращенные¹, содержат ряд глосс, располагающихся с главы 19 по главу 93 основной части памятника². В изданиях XIX в. эти глоссы включались в текст в скобках или давались в подстрочных примечаниях (см.: [2. С. 92–130; 3. С. 366–428; 4. С. 223–338]). В новейшем же болгарском издании сведения о них помещены среди вариантов и разночтений после текста [1. С. 426–429], что нельзя признать удачным, поскольку в этом случае весьма ослабевает их информационная связь с соответствующими главами (если заранее не знать о существовании этих глосс, на них просто можно не обратить внимания). Как единое целое, насколько мне известно, глоссы никогда не рассматривались, и вопрос о времени их появления в списках памятника не решен.

Глоссы весьма однородны по характеру. За исключением одного (последнего из приводимых) примера, все они представляют имена собственные, относящиеся к лицам, упомянутым, но не поименованным в основном тексте. Соответственно это **Милош** (Обилич или Кобилич [Кобылич] – герой Косовской битвы, убивший турецкого султана Мурада) – гл. 19 ("некто благороден зело, своему господину его оболгаху завидещеи" [1. С. 375]); **Радослав** (вероятно, один из послов деспота Стефана к Тимуру после Ангорской битвы) – гл. 40 [1. С. 387, 427]; **Авраниез** (Эвренез бег – видный турецкий полководец, участник Марицкой битвы, сопровождавший Вука Лазаревича в походе против брата) – гл. 53 ("иже испрѣва крѣвем христианским пролиател, иже

Турилов Анатолий Аркадьевич – старший научный сотрудник Института славяноведения РАН, кандидат исторических наук.

¹ О редакциях и списках текста см.: [1. С. 319–327]. Неясно лишь, имелись ли эти глоссы в древнейшем списке памятника, датируемом 1433 г. и представляющем особую (возможно, авторскую) редакцию. Два сохранившихся фрагмента текста (местонахождение основной части, изъятая из зографского кодекса В.И. Григоровичем, в настоящее время неизвестно) – Зограф, № 105 (151 по каталогу Г.А. Ильинского). Л. 175–182 об. и РГБ, ф. 178 (Музейное собр.), № 3070 – относятся, соответственно, к самому началу и к самому концу текста, где глосс нет и в других списках.

² Житие имеет две отдельные нумерации глав: десять вводных (так называемое "десятисловие" – при этом последняя глава разбита позднейшими переписчиками из-за больших размеров на четыре части с продолжением нумерации) и 94 основных, сопровождаемых помимо нумерации текстовым акростихом.

и Исмаилитом в бранех тъзоименитый, иже и в велицей брани на реце, глаголемей Марица, кръвем излитиа виновник" [1. С. 397, 428]; **Каралюкь** (бывший полководец Стефана Лазаревича, на свой страх и риск воевавший с турками) – гл. 55 [1. С. 398, 399, 428]; **Асалхан** (турок, пытавшийся организовать побег из османского плена Вука Лазаревича и его племянника Лазаря Бранковича и давший им перед казнью яблоко, которым они причастились – "ни бо бе кто причещаеи тогда сиих, ...того ради и яблѣко, в место кръвы и тела Господня нарекша, въкусиста") – гл. 62 [1. С. 402, 403, 431]; загадочный **Раннокисум** (полководец султана Мусы, преградивший войсками путь из Солуни Гюргу Бранковичу) – гл. 70 [1. С. 407, 449]; **Владис(л)ав** (юноша, любимый слуга деспота, убитый взбунтовавшимися рудокопами в городе Сребреница) – гл. 84 [1. С. 418, 429]; **Иеремия** (воевода Стефана Лазаревича, наместник города Голубец, сдавший его туркам) – гл. 92 [1. С. 421, 436]. Наконец, последняя глосса (гл. 93) – название города (**Београд**) – не нуждается в комментариях.

На фоне остальных (вполне прозрачных) глоссированных славянских, турецких и библейских имен **Раннокисум** выглядит особенно непонятно. Слово не объясняется не только из славянских или греческого языков (что вполне понятно), но равным образом из турецкого, арабского и персидского³, не вызывает оно ассоциаций и с кавказскими языками. Обращение к тексту главы лишь усиливает недоумение. О персонаже там сказано: "Тъ же (Гюрг Бранкович. – А.Т.) слышит послана некоего единоименна царю Мусии, поущенна от него, и поуте съдръжешаа и блю(д)щаа, и страны, съ всакым оутвръждением" [1. С. 407]. Из пассажа явствует, что полководца звали Муса, как и его султана. Что же в таком случае означает "Раннокисум"?

Если от издания текста обратиться непосредственно к рукописям, то в отношении написания глосс можно проследить следующую закономерность. В старшем полном списке пространной редакции памятника, датированном началом XVI в.⁴ – РГБ, ф. 113 (собр. Иосифо-Волоколамского монастыря), № 655, л. 123–221 – глоссы написаны на полях вертикально, при этом на лицевой стороне листа сверху вниз (**Радославъ** – л. 162⁵; **Каралюкь** – л. 180; **Београд**⁶ – л. 214), а на оборотной – снизу вверх (**Милошъ** – л. 143 об.; **Иеремия** – л. 213 об.); единственная опущенная здесь глосса это **Владис(л)авъ**. Исключение из этого составляют имена **Авраниез** (л. 178 об.) и **Асалханъ** (л. 185 об.), написанные сверху вниз; примеры написания имен снизу вверх на лицевой стороне листа отсутствуют. **Раннокисум** написано на л. 191 об. и дополнительным аргументом в пользу чтения слова снизу вверх является то, что буква М в нем явно выделена размером, препятствием же этому служило, вероятно, отсутствие знака конечного редуцированного. Однако и прочтенное в направлении, определяемом его местоположением, слово не становится, на первый взгляд, более вразумительным – **Мусиконнар**. Слова **Жития**, что воевода был тезкой султана, заставляют предположить здесь два слова – это антропоним, **Муси коннар**. Если в отношении первого все относительно ясно, то второе (по всей видимости, имя нарицательное),

³ Пользуюсь случаем поблагодарить Д.А. Морозова за консультацию по данному вопросу.

⁴ Рукопись (включающая помимо Жития деспота Стефана Лазаревича также "Паралипомен" хроники Иоанна Зонары, выписки из "сербской" Александрии, послание Иоанна, митрополита Китрошского к драчскому епископу Кавасилле, и Жития Стефана Дечанского и Илариона, епископа Мегеленского) написана на бумаге с водяными знаками: 1) "Р готическое" – типа Брикe № 8534 (1502 г.), 8764–8766 (1493–1503 гг.); Лихачев № 4041 (1504 г.), 1452–1459 (1514 г.); 2) "кувшинчик одноручный" – типа Брикe № 1262, 1263 (1495–1503); Лихачев № 2632 (нач. XVI в.); 3) то же (основная филигрань) – типа Брикe № 12497, 12499 (1488, 1492 гг.); Лихачев № 3057 (1482 г.); 4) "единорог" – типа Брикe № 10026 (1477 г.), Лихачев № 1442 (1514 г.); 5) "рука с розеткой" – типа Брикe № 11423 (1496 г.) и 11424 (1502–1508 гг.); последние два знака представлены единичными примерами.

⁵ В Волоколамском списке слово написано вертикально, но не по буквам, а по слогам: **Ра-до-сла-въ**.

⁶ В Волоколамском списке передано как **Белорад**, с некоторым нарушением последовательности букв: Д написано над А (как выносное), Л – над Б (вероятно, писец считал, что оно пропущено в оригинале).

в сущности, не более понятно, чем **Раннокисум**, и так же не находит объяснения ни в славянских, ни в греческом, ни в восточных языках, что заставляет предполагать испорченное чтение. Самым простым объяснением является смешение **Н** и **И**, очень близких по начертаниям в южнославянских (как болгарских, так и сербских) полууставных и скорописных почерках XIV–XV вв. – они отличаются лишь горизонтальной (**И**) или наклонной (**Н**) перекладной, причем угол ее наклона обычно весьма невелик⁷. Классический пример такого смешения присутствует в русских списках родословия сербских правителей в составе Хронографа редакции 1512 г. Здесь Вукан, старший сын Стефана Немани, носит несколько загадочный титул "князь великий Восон Зяти"⁸. **И** если в "Зяте" без особого труда с учетом исторических реалий опознается Зета, то предшествующее слово становится ясным лишь при обращении к сербским спискам родословов, где речь идет о князе "всей Зеты" ("всьи Зети" или "всои Зети")⁹. В нашем случае, однако, чтение испорчено как в русских, так и в ресавских списках. Итак, предполагаемая реконструкция – **Муси кониар** – где второе слово означает должность (придворный чин) тезки султана: 'коняр' (совр. сербск. "коньяр" – человек, причастный к уходу за лошадьми или их разведению)¹⁰; 'конюх' (разумеется, в значении "конюший").

Сравнение системы глосс в разных списках пространной редакции памятника (сокращенная восходит непосредственно к Волоколамскому сборнику, и самостоятельного интереса в этом смысле не представляет [14. С. 47]) позволяет с уверенностью говорить, что они восходят к общему архетипу. Волоколамский список, вероятно, уже в силу старшинства, сохранил их наибольшее количество (утрачено лишь имя Владислава). Имя Милоша опущено в южнославянских и в русском Кирилло-Белозерском списках (последний, несомненно, восходит непосредственно к архетипу Волоколамского, и за немногими исключениями (в частности, глоссами) является наиболее полным и исправным списком памятника, хотя орфография здесь сильно русифицирована), имена Радослава и Авранеза отсутствуют в сербском списке Кухарского [1. С. 428]. Вместо **Каралюк** в том же списке стоит имя **Новак** [1. С. 428], в Кирилло-Белозерской рукописи эта глосса опущена¹¹. Имя Асалхана отсутствует на поле в списках Богишича и Кирилло-Белозерском, а в последнем – также и Раннокисум [1. С. 449]. При всех вариантах набора глосс в разных списках они бесспорно имеют общее происхождение, а не внесены в них индивидуально. Следовательно, они появились в Житии никак не позднее рубежа XV–XVI вв.

Рассматриваемые в совокупности глоссы с очевидностью выдают в их авторе современника событий. Конечно, в принципе имя Асалхана могло попасть на поле списка из его упоминания в тексте, а подвиги Каралюка сохраняться какое-то время

⁷ Образцы таких начертаний в изобилии представлены в палеографических альбомах. См., например [5, 6, 7, 8].

⁸ См.: [9, С. 338]. Показательно, что при возвращении текста на Балканы в составе Русского хронографа искаженное чтение не было опознано и реконструировано сербскими книжниками. Непонятное слово было исключено и заменено предлогом: "...кнеза въ Зеты" [10. С. 52].

⁹ О сербских летописных источниках Русского хронографа см.: [11. С. 50]. Именно наличие географического детерминатива при титуле Вукана заставляет предполагать в данном случае дополнительный сербский источник Хронографа, поскольку в родослове, входящем в состав Жития деспота Стефана, и в родственных ему текстах это уточнение отсутствует. См.: [1. С. 354, 372; 12. С. 173, 176, 178; 12. С. 42, 47].

¹⁰ Пользуюсь случаем поблагодарить Р.В. Булатову за консультацию по данному вопросу. Известным препятствием для такой реконструкции выглядит лишь написание слова через **И** восьмеричное (а не десятиричное) перед гласной, как ожидалось бы в южнославянском памятнике XV в., да еще и написанном таким пуристом и нормализатором, как Константин.

¹¹ Причина замены имени в данном случае не вполне понятна. Во всяком случае едва ли обосновано предположение, что имя Новак появилось здесь под влиянием гл. 29, где фигурирует Новак Белоцерквич ("Белоцркъвикъ") – один из вельмож Стефана, пытавшийся с турецкой помощью стать независимым от него правителем [15. С. 83]. Обзор других мнений см.: [1. С. 439].

в героических песнях. Даже о султанском "коняре" Мусе память могла сохраняться долго, поскольку избежавший столкновения с ним Гюрг Бранкович, ставший наследником владений и титула своего дяди Стефана, дожил до 1456 г. Но едва ли десятилетия спустя кто-то (кроме, разумеется, его родственников) мог вспомнить имя убитого рудокопами любимца Стефана Лазаревича, и еще труднее представить человека, отыскивающего это имя в помяннике деспотовой "задужбины", чтобы написать на поле Жития¹². Кроме того, само размещение глосс на страницах Жития и их графическое оформление менее всего напоминают припоминание имен случайным переписчиком. Наиболее естественно предположить, что вся система глосс относится, наряду с акростихами и двойной нумерацией глав, к авторскому замыслу Константина Костенецкого, дополнительно усложнившего текст внешними книгописными приемами. С большой степенью вероятности можно полагать, что Волоколамский список, в котором за двумя исключениями (см. выше) выдержана последовательная особенность написания глосс на лицевой и оборотной сторонах листов, вполне соответствует протографу пространной редакции Жития деспота Стефана как форматом, так и плотностью текста на странице¹³.

Вывод о исконности глосс в Житии немаловажен для вопроса о достоверности героя Косовской битвы, попытавшегося убийством султана Мурада изменить ход сражения. Известно, что имя Милош впервые фиксируется (при отсутствии его в самом тексте) именно глоссой Жития Стефана. Пока глоссы не рассматривались с учетом всей их рукописной традиции, это свидетельство можно было игнорировать, что неоднократно порождало сомнения в персонификации "косовского юнака" [16. С. 191; 17. С.69–75]. Теперь же можно с уверенностью говорить о письменной фиксации имени младшим современником событий. И если нельзя с уверенностью датировать пространную редакцию (вместе с глоссами) 1431–1433 гг.¹⁴, то в ее создании не позднее середины 1430-х годов, кажется, нет оснований сомневаться¹⁵. Таким образом, глоссу с именем Милоша отделяет от времени Косовской битвы (1389 г.) не более 45 лет, т.е. даже в момент ее непосредственного написания были еще живы младшие из непосредственных участников события. Это обстоятельство если и не делает персонификацию подвига абсолютно достоверной (хотя, на мой взгляд, нет особых оснований в ней сомневаться), то, по крайней мере, фиксирует связь предания с именем Милоша уже при жизни его современников.

¹² Пожалуй, самое неудачное истолкование глоссы с этим именем принадлежит С.П. Розанову, который вопреки контексту повествования, не вызывающего сомнений, к кому относится имя Владислав, предполагал, что речь может идти о известном южнославянском книжнике Владиславе Грамматике, с деятельностью которого исследователь предположительно связывал позднейшее редактирование текста Жития [15. С. 95].

¹³ В этом смысле показательны даже "сбои" в написании глосс "Асалхан" и "Авранез" (см. выше). Обе они находятся в верхней части оборотной стороны листа. В оригинале они, по всей видимости, располагались на лицевой стороне и передвинулись (с сохранением написания сверху вниз) из-за небольшого смещения текста при переписке.

¹⁴ Житие деспота Стефана дошло в двух пространных, по всей видимости авторских, редакциях (одна из которых сохранилась фрагментарно), взаимоотношение которых изучено пока недостаточно. В послесловии обеих говорится о создании памятника "в четвертое лето к Господу отшествия" [1. С. 424; ГРБ. Ф. 178. № 3070. Л. 1] деспота Стефана (умер в июле 1427 г.). Единственный фрагментарный список особой редакции (подробнее о нем см.: [18]) датируется не позднее 17 июня 1433 г. (запись о затмении солнца, сделанная на поле писцом в самом конце текста Жития). Соответственно, основная пространная редакция могла быть создана либо ранее (между 1431 и 1433 гг.), либо после 1433 г.

¹⁵ В любом случае, основная редакция не могла возникнуть позднее конца 1430-х годов, поскольку ничего не сообщает о завоевании Сербии османами в 1439 г. Серединой 1430-х годов ее ограничивает упоминание в заголовке в качестве заказчика (имеющейся, правда, и в особой редакции) патриарха Никона, умершего в 1435 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кувев К., Петков Г.* Събрани съчинения на Константин Костенечки: Изследване и текст. София, 1986.
2. *Попов А.Н.* Изборник славянских и русских статей и сочинений, внесенных в Хронографы русской редакции. М., 1869. С. 92–130.
3. *Шафарик Ј.* Живот деспота Стефана Лазаревића, великог кнеза српског // Гласник Српског ученог друштва. 1870. Кн. 11(28).
4. *Јазић В.* Константин Философ и његов Живот Стефана Лазаревића деспота српског по двијема српско-словенским рукописима // Гласник Српског ученог друштва, 1875. Кн. 42.
5. *Лавров П.А.* Альбом снимков с юго-славянских рукописей болгарского и сербского письма (Энциклопедия славянской филологии. Пг., 1916. Вып. 4, 1. Приложение).
6. *Мошин В.* Палеографски албум на јужнословенското кирилско писмо. Скопје, 1966.
7. *Богдановић Д.* Каталог хирилских рукописа манастира Хиландара: Палеографски албум. Београд, 1978.
8. *Джурова А.* 1000 години българска ръкописна книга. Орнамент и миниатюра. София, 1981.
9. Полное собрание русских летописей. СПб., 1911. Т. 22. Ч. 1 (Хронограф редакции 1512 г.).
10. *Novaković S.* Slanci hronografa-troadica o Srbima i Bugarima // Starine. Zagreb, 1878. Кпј. X.
11. *Наумов Е.П.* Свидетельства сербских летописей в составе Русского хронографа (К истории русско-сербских культурных связей XV в.) // Советское славяноведение, 1976, № 1.
12. *Stojanović Lj.* Nekoliko srpskich ljetopisa // Starine. Zagreb, 1881. Кпј. XIII.
13. *Новаковић Р.* Бранковићев летопис. Београд, 1960.
14. *Турилов А.А.* Оригинальные южнославянские сочинения в русской книжности XV–XVI вв. // Теория и практика источниковедения и археографии отечественной истории. М., 1978.
15. *Розанов С.П.* Житие сербского деспота Стефана Лазаревича и Русский Хронограф // Известия Отделения русского языка и словесности, 1906. Т. 11. Кн. 2.
16. *Павловић Ј.* Култови лица код Срба и Македонаца (Историјско-етнографска расправа). Смедерево. 1965.
17. Српски народ у другој половини XIV и у првој половини XV в.: Зборник радова, посвећених шестогодишници Косовске битке. Београд, 1989.
18. *Birnbaum D.* Textual and accentual problem of Muz. 3070 and Zogr. 151. Cambridge, 1988.

© 2002 г. Т.И. ВЕНДИНА

ЧИСЛО И СЧЕТ В СТАРОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Средневековая культура, как и современная, жила и развивалась в "языковой оболочке", определяя тот мир смыслов, мир ценностей и идеалов человека, который отразился в языке.

Обращение к старославянскому языку позволяет нам "погрузиться" в эпоху Средневековья, прикоснуться к языку его культуры и изнутри увидеть и понять мир идеальных сущностей средневековой культуры.

В осмыслении языка этой культуры и реконструкции языкового сознания средневекового человека чрезвычайно продуктивной является идея внутренней формы слова. Обращение к внутренней форме слова дает исследователю уникальную возможность – проследить движение мысли в акте номинации, услышать голос человеческой личности, познающей и осваивающей мир. Аппелляция к внутренней форме слова позволяет понять те субъективные мотивы, которые послужили толчком для языкового словотворчества и вместе с тем выявить общие закономерности средневекового мышления, поскольку субъективные мотивы, как правило, репрезентируют общие, объективные закономерности [1. С. 25]. Во внутренней форме производных имен отчетливо проявляются "следы культурной практики", корни того "коллективного бессознательного", которое лежит в основе архетипа языка любой культуры. Это "бессознательное" говорит в старославянском слове, и чем более оно значимо для человека, тем лучше "проработано" в языке.

В словообразовательно маркированных именах старославянского языка отразилась, с одной стороны, память социального коллектива, человеческой активности, а с другой – интеллектуальная рефлексия Кирилла и Мефодия, которые, не имея часто соответствующих греческих аналогов, вынуждены были прибегнуть к словотворчеству, в котором ярко проявилась их интерпретирующая деятельность. Это созидательное духовно-творческое начало первоучителей и создавало во многом специфику старославянского языка.

Вместе с тем не следует забывать, что в каждом языке существует невидимый культурный фильтр, который влияет на то, как мы воспринимаем и оцениваем предметы и явления внешнего мира. Этот культурный фильтр оказывает влияние не только на восприятие вещей, но и на их интерпретацию и осмысление, что особенно хорошо видно при анализе внутренней формы слова, ведь в основе ее лежит интерпретация субъектом действительности, а любая интерпретация есть результат культурного выбора.

"Глубина залегания" этой культурной семантики разная.

Иногда она "лежит на поверхности", поскольку легко обнаруживается в самой внутренней форме слова (ср. **БОГОЛЮБЬЦЬ** 'человек, любящий бога' СС, 96¹; **ВОГОЧТЬЦЬ** 'набожный, благочестивый человек' СС, 97; **БЛАЖЕННИКЪ** 'блаженный (наименование святых)' СС, 91; **ПРАВЪДНИКЪ** 'праведник' СС, 497), иногда же она находится в глубине и обнаруживается при изучении денотативной соотнесенности имени, при погружении в этнокультурный контекст Средневековья (ср. **СТАЛЪПНИКЪ** 'столпник, подвижник, живущий на столпе' СС, 625; **ТРОУДНИКЪ** 'подвижник' СС, 703; **БЕСЛОВЪНЪ** 'неразумный' СС 81; **БЪЛГОРИЗЬЦЬ** 'мирянин' СС, 106; **БЛАГЫНИ** 'имущество' СС 91), который позволяет вскрыть символику имени (ср. **ВОГАТЪ** 'щедрый, богатый' СС, 95; **ОУБОЖЬСТВО** 'нищета, крайняя бедность' СС, 722; **МАЛЫИ** прил. в знач. сущ. 'незнатный, простой человек, бедняк СС, 321; **СЛОВО** 'о Христе' СС, 661), но чаще всего она прочитывается лишь при условии знаний регулятивных принципов семантической организации всего лексикона старославянского языка, когда во внимание принимается не одно слово, а весь массив слов, в котором и проявляется языкотворческая позиция средневекового человека, его ориентация в мире сущностей, т.е. для обнаружения этой культурной семантики требуется концептуальная интерпретация имени, позволяющая ответить на вопрос ПОЧЕМУ оно возникло в языке (ср. такие слова, как **СЪВЪДЪ** 'совесть' СС, 643; **БЕЗОЧЬСТВО** 'бесстыдство' СС, 80; **СЪВЪСТЬ** 'сознание, мысль' СС, 644; **НЕСЪВЪДА** 'несчетное множество' СС, 375 и др.).

И здесь мы должны признать, что практически вся культурная семантика старославянского языка, основной принцип организации его лексикона были предопределены таким ценностным императивом Средневековья, как Бог. Этот божественный принцип средневековой культуры пронизывает всю лексическую систему старославянского языка, придает смысл и значение каждому языкотворческому акту.

Слово для средневекового человека было исполнено особого – магического значения, поскольку оно не просто называло то или иное явление, но составляло его сущность. Вспомним знаменитые слова Исихора Севильского: "назвать вещь – значит ее объяснить" – которые помогают понять расцвет средневековой этимологии как фундаментальной науки. "Переименовать что-то, не изменяя, не задевая его сущности, средневековому человеку казалось невозможным, ибо имя также принадлежит явлению, составляет его часть и закрепляет его в том состоянии, каковое было названо. Отсюда ощущение авторитетности слова, его ответственности" [2. С. 141].

Не случайно слово в языковом сознании средневекового человека было понятием персонифицированным, соотносившимся с идеей Бога (ср. **СЛОВО** 'о Христе' СС, 611: **ИСКОНИ БЪШАШЕ СЛОВО І СЛОВО БЪШАШЕ ОТЪ БОГА І БОГЪ БЪШАШЕ СЛОВО**). На соотнесенность слова с божественной идеей указывает и тот факт, что **СЛОВО** в старославянском языке – это и Священное писание, и божественные заповеди, и проповедь, и поучение (ср. **СЛОВО** 1) 'проповедь' // 'Священное писание'; 2) 'поучение' СС, 611; **СЛОВЕСЪНЪ** 'относящийся к проповедям' (СС, 611). Окармливая словом, этим истинным хлебом, Бог укреплял в человеке разум и веру, потому **СЛОВО** это еще и 'разум' (СС, 611), а **СЛОВЕСЪНЪ** 'обладающий разумом' (СС, 611), соответственно **БЕСЛОВЕСЪНЪ** перен. 'неразумный' СС, 81; **БЕСЛОВЪНЪ** 'неразумный' СС, 81; **НЕСЛОВЕСЪНЪ** 'неразумный' (СС, 375). Поэтому к слову у средневекового человека было особое отношение, ибо человек обитал не только в реальном, предметном мире, но и мире идеальном, который сам же и создавал в процессе своей языкотворческой деятельности.

К этому следует добавить, что старославянский язык создавался Кириллом и Мефодием в период расцвета христианства, когда Священные тексты получали не только богословское, но и философское осмысление. Существовавшая в Средне-

¹ СС – Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.) / Под редакцией Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки. Э. Благовой. М., 1984.

вековые традиции толкования Священного писания не могла не отразиться на лексиконе старославянского языка, многие ключевые понятия которого оказались многозначными (ср., например, толкование слов *доухъ* '1) 'дух'; // 'демон' // 'Святой Дух'; 2) 'дыхание' // 'дуновение' СС, 200; *разоумѣти* 1) 'понять, постигать' // 'стать мудрым'; 2) 'узнать, познать' // 'почувствовать, осознать'; // 'обратить внимание на кого-либо, заботиться' СС, 573; *родъ* 1) 'рождение'; 2) 'род, происхождение'; 3) 'родня'; 4) 'ряд поколений, род'; 5) 'народ, племя'; 6) 'пол'; 7) 'вид, сорт'; 8) 'суть, сущность' СС, 583; *языкъ* 1) 'язык (орган)'; 2) 'язык (речь)'; 3) 'язык (народ, племя)'; 4) мн. 'иноземцы, язычники' СС, 807 и др.), что говорит о том, что средневековый человек уделял особое внимание слову, и средневековый книжник должен был обладать способностью "многомысленного" толкования. Обращаясь к чувству верующих, религиозные проповедники убеждали их не логикой, а вдохновением. "Многозначная образность заставляла слушателей не понимать смысл, а догадываться о нем, и эти догадки воспринимались как озарение свыше..., как проникновение в тайны, связывающие верующих между собой" [3. С. 318–219].

Попробуем проиллюстрировать эту мысль на примере понятия числа и счета в старославянском языке².

Понятие счета (ср. *ницнсти* 'сосчитать, счесть' СС, 276); *ництати* 'считать' СС, 276; *рацинсти* 'высчитать, рассчитать, вычислить, сосчитать' СС, 580) и числа (ср. *число* 'число' СС, 779; *чисма* 'число' СС, 779) в старославянском языке являлось производным от глаголов со значением 'читать', 'почитать' (ср. этимологию слова *число*, которое является суффиксальным образованием от глагола *чисти* *čislo < čitslo, а корень *čit- < *čisti < *čitti, родственен глаголам *читать* (почитать) и, а также *цесть*; или этимологию глагола *считать*, который восходит к праславянской форме *čit-/*čьti- 'считать, ценить', *čьsti < *čьti- ti и *čьto* 'почитать' Фасмер IV: 367). Эта древняя семантика числа прекрасно сохранилась в старославянском языке у глаголов *чисти* и *чьстити* (ср. *чисти* 1) 'читать'; 2) 'читать, почитать' // 'соблюдать' СС, 779; *чьстити* 'почитать, чтить, уважать' СС, 786). Таким образом, понятие счета и числа в языковом сознании средневекового человека оказывалось связанным с почитанием? Но кого?

Конечно, Бога, – отвечает нам Дионисий Ареопагит, – ибо Бог, "будучи Творцом, является и изобретателем числа" [4. С. 335].

На это указывает и сам старославянский язык, в частности, значение числового ряда, и прежде всего числительного 1.

Единица (ср. *ѣдинъ* 'один' СС, 799) в старославянском языке – это не просто число, открывающее нумерологический ряд, а символ Бога, именно поэтому единица не имела формы мн. ч. Объясняя божественную сущность единицы, Дионисий Ареопагит говорит: «Единым же Он зовется потому, что единственно Он есть – по превосходству единственного единства – все и является, не выходя за пределы Единого, Причиной всего... Ведь как всякое число причастно единице – и говорится "одна двойца", "один десяток" или "одна половина", "одна треть", "одна десятая", – так и все, и часть всего причастует единице, и существование единицы означает существование всего» [4. С. 327]. Развивая эту мысль Дионисия, Максим Исповедник добавляет: "Нет

² Предметом нашего анализа будет лексика с общим значением числа, извлеченная из "Старославянского словаря" под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. Лексика, представленная в Словаре (Словарь дает исчерпывающее описание 18 древнейших памятников славянской письменности, среди которых евангелия-апракосы – Марииинское четвероевангелие, Зографское четвероевангелие, Ассеманиево евангелие, Саввина книга, Боянское евангелие, Киевские листки, Хиландарские листки, Рыльские листки, Зографские листки, Супрасльская рукопись, Енинский апостол, Синайская псалтырь и др. и в этом отношении его можно рассматривать как своеобразный "текст", в котором зашифрована социальная и культурологическая информация), является продуктом смыслополагания, следствием действующего в каждом языке (как живом, так и мертвом) законов смыслообразования, в связи с чем она позволяет выявить общие тенденции и характеристики культуры раннего Средневековья.

ничего сущего, что не причастно Единому, т.е. Богу, подобно тому, как всякое число причастно единице... Единым он называется потому, что мыслим как своего рода Основание того, что будет. Что же касается ...четного или нечетного, равного или неравного, наблюдаемого в мире чисел, то неразумно применять это к Началу, делая таковые вещи началом, ибо, изменчивые и преходящие, они существуют по необходимости. Предел деления в мире чисел по большей части возводится к единице" [4. С. 327].

Именно поэтому единица осмыслялась средневековым человеком как символ единого целого (ср. **ѣдино** прил. в знач. сущ. 'одно единое целое' **азъ ѿ отьць ѣдино есвъѣ** СС, 800), единосущности (ср. **ѣдиносжцик** 'единосушие, единосущность (о Троице)' СС, 799; **ѣдиносжцинь** 'единосушный' СС, 799; **ѣдинокъствънь** 'единосушный' СС, 799; **ѣдносжцинь** 'единосушный' СС, 801; **ѣднокъствънь** 'единосушный' СС, 801).

Один – это не только целый (целостный), но и общий, тот же (ср. **ѣдинъ** 'один, общий, тот же': **ѣдинъ доушъ имжште въ раздѣлена тѣлеса** СС, 800). Именно этот компонент значения находится в центре семантики многочисленных производных с этим корнем (ср. **ѣдинник** 'единство, единение' СС, 800; **ѣдинство** 'единство' СС, 800; **ѣдиногласик** 'единодушие, согласие' СС, 801; **ѣдинооумнь** 'единодушный' СС, 799; **ѣдинодоушнь** 'единодушный, согласный' СС, 801; **ѣдинооумнь** 'единодушный' СС, 801). Характерна и синтагматика этого числительного, которое во всех приведенных сложных названиях выполняет функцию определения опорного слова, т.е. тех абстрактных понятий (*сущность, естество, душа, ум* и др.), которые являются атрибутами Бога (ср. также и дериват **съдыханик** 'единодушие' СС, 648, в котором эта же идея передается корнем **дых-/доух-**).

Эта идея общности, единения с единицей реализуется при счете, когда исчисляемое присоединяется, причисляется к единице (ср. **въчинити** 'причислить, включить' СС, 159; **въчиняти** 'причислять' СС, 159; **въчисти** 'причислить' СС, 159; **причетати** 'присоединять, причислять' СС, 514; **причинити** 'присоединить, причислить' СС, 514; **съчетати** 1) 'связать, соединить, сочетать'; 2) 'присоединять, причислять' СС, 675), ставится с ней в один ряд (ср. **върадити** 'включить, причислить' СС, 150): вспомним, что натуральный ряд чисел представляет собой последовательность множеств 1, 1+1, 1+1+1, 1+1+1+1..., для передачи которых используются цифры 2, 3, 4 и т.д.

Не здесь ли, не в этом ли причислении (кого-то или чего-то) к единице (а это значит к Богу) кроется причина запрета исчисления, получившего распространение в славянской традиционной народной культуре, ибо только Бог знает истинное (полное) число исчисляемых предметов (ср. **испльнник** 'полное число' СС, 267).

Божественное начало единицы как самой простой, а следовательно, ясной (и гсп. с в е т л о й) имплицитно содержится в противопоставлении ее другому числительному – десяти тысячам, множеству, которое осмыслялось средневековым человеком как нечто темное, неясное (ср. **тъма** 1) 'несметное множество'; 2) 'десять тысяч' СС, 714), недоступное пониманию человеческого разума (поскольку носителем истинного знания, в представлениях средневекового человека, был Бог), а потому непостижимое, что передается в старославянском языке отрицанием корня **въд-** (ср. **несъвъда** 'несчетное множество' СС, 375; **несъвъднь** 'неисчислимый, бесчисленный' СС, 375).

Идея божественности единицы имплицитно присутствует и в дериватах с корнем **ин-**, передающих идею "одного" (ср. **инокъ** 'тот, кто живет один, одинокий' СС, 261; **иночьскъ** 'одинокий, монашеский' СС, 261; **иночство** 'монашество' СС, 261), ибо одиночество осмыслялось как некая положительная ценность, так как только в одиночестве человек способен "освободиться" от мирской суеты и обрести то душевное состояние, которое позволяло достичь ему мистического познания Бога (ср. также **инномысльнь** 'единомыслящий' СС, 261; **инномышакник** 'единодушие, единомыслие' СС, 261 и др.).

Косвенным свидетельством сакрализованности единицы является и местоимение **самъ** (среди прочего оно относилось и к Богу, ср. **исоусъ самъ не крыштааше нъ оученици его** СС, 592), которое имело значение в старославянском языке 'один, единственный', ср. **самъ, самъ кдинъ** 'один, единственный': **ты еси самъ ... богъ мой** СС, 592.

На эту божественную сущность единицы указывает и ее символическое изображение в виде креста в глаголице, вся матрица которой, как известно, пронизана идеей Христа и является многомерным символом Бога³.

Отметим, наконец, и тот факт, что в названиях дней недели в старославянском языке (как, впрочем, во всех славянских языках) нет дня, который именовался бы "первым", первый день недели **понедеельник** называется днем, следующим после "недели" (т.е. после воскресенья, подробнее об этом см.: [6. С. 157]).

Если единица в христианском языковом сознании средневекового человека была связана с идеей целостности, единства, общности, а значит, уверенности, то число два осмыслялось как раздвоенность, как неустойчивость, порождающая **к о л е б а н и я** и **с о м н е н и е** (ср. **дъводоушик** 'сомнение' СС, 200; **дъвъ помышлани** 'колебание, сомнение' СС, 477).

Наконец, еще одно число – три – являлось божественным символом, сущностным атрибутом Бога триименного (ср. **трименьнъ** 'триименный': **си оубо триименнаа кдино сажъ божество кдинъ ксть богъ** СС, 701), давшего имя Троице (ср. **тронца** 'Троица' СС, 715). Объясняя кажущееся логическое несоответствие: почему Бог воспевается и как Единица, и как Троица, Дионисий Ареопагит говорит: "Мы называем и Троицей, и Единицей превышающую всякое имя и сверхсущественную по отношению к сущим Божественность, чтобы по-настоящему воспеть Ее свержобъединенность и богородность" [4. С. 335]. Эта божественность числа три проявляется и в его способности образовывать суперлативы (ср. **тръсватъ** 'трижды святой' СС, 705; **тръвеличествънъ** 'величественный в высшей степени (трижды)' СС, 704).

Все остальные числа, судя по материалу старославянского языка, были, по-видимому, десемантизированы и употреблялись в своем прямом онтологическом значении, поэтому говорить об их символическом значении на основе только лишь Словаря довольно сложно, хотя, конечно, синтагматика, а потому и ассоциации с определенными числами были в средневековом сознании вполне устойчивыми (ср. **ты отъ четыреъ стоуѡин тварь съставль четыремн врѣмены кржгъ лѣтоу вѣньчалъ еси** СС, 778; или **иже въ поустыни шесть сътъ тышштъ прѣкръмивин въ четырехъ десатехъ лѣтѣхъ** СС, 778).

Таким образом, категория числа, как и многие другие абстрактные понятия старославянского языка, осмыслялась средневековым человеком как категория божественного, что, кстати, хорошо вписывалось и находилось в полном соответствии с научной парадигмой Средневековья. Кирилл и Мефодий, будучи истинными сынами Византии, постоянно обращались к ее философско-религиозному и научному наследию, черпая из ее сокровищницы морально-эстетические принципы, политическую и богословскую фразеологию, представления об устройстве мира, этических нормах и многое другое, что, естественно, нашло отражение в лексическом и семантическом

³ Косвенным свидетельством особого символического значения единицы является, как представляется, и тот факт, что «в индоевропейских языках не восстанавливается какое-либо одно общее слово или общий корень для обозначения числа "один"... Понятие "один" варьируется от языка к языку, в то время как понятие "два" устойчиво выражается одним и тем же корнем». Отсутствие особого числительного "один" в системе счета многих языков становится понятным в свете типологии счета. Собственно счет или исчисление предметов начинается с "двух", тогда как один предполагает не счет, а **н а з ы в а н и е** предмета с помощью его специального обозначения" (разрядка моя. – Т.В.), – пишет Ю.С. Степанов, ссылаясь и полемизируя с работой Панова М.И. "Проблема функционирования математических понятий" [5. С. 497–499]. И в старославянском языке это **н а з ы в а н и е**, как мы видим, было соотнесено с Богом.

фонде старославянского языка. Поэтому они, несомненно, знали о существовании математической теологии⁴ и для них было совершенно естественно явление сакрализации числа и счета. Ведь "в средневековой модели мира нет этически нейтральных сил и вещей: все существующее в Средневековье восходит к центральному регулятивному принципу. Поскольку регулятивный принцип Средневековья – бог, мыслимый как высшее благо и совершенство, то мир и все его части получают нравственную окраску" [8. С. 296].

Материал старославянского языка, таким образом, еще раз подтвердил мысль, многократно высказываемую философами и историками культуры, о социальной детерминированности данных языка, а именно то, что "чистый факт и незаинтересованный глаз – просто миф. Когда глаз за работой, он в плену своего прошлого, старых и новых зависимостей, приходящих из мозга, сердца и ушей. Не только способ, но и сам объект видения регулируется нуждами и предпочтениями. Глаз отбирает, отталкивает, организует, классифицирует, анализирует и конструирует. Он не столько отражает, сколько собирает и разрабатывает, ничего не видит "раздетым", без каких-либо атрибутов... Так называемые "факты" всегда сформированы той или иной версией мира" [9. С. 723], поэтому даже абстрактные количественные понятия старославянского языка в языковом сознании средневекового человека были сакрализованы и включены в систему его ценностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вендина Т.И. Языковое сознание Средневековья и возможности его реконструкции // Славяноведение. 2000, № 4.
2. Очерки по истории мировой культуры. М., 1997.
3. Свенцицкая И.С. Раннее христианство: страницы истории. М., 1987.
4. Дионисий Ареопагит. О божественных именах. О мистическом богословии. СПб., 1994.
5. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М., 2001.
6. Толстая С.М. К соотношению христианского и народного календаря у славян: счет и оценка дней недели // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987.
7. Жмудь Л.Я. Пифагор и его школа. Л., 1990.
8. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984.
9. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Т. 1–4. СПб., 1997.

⁴ Так, например, у Филолая, современника Сократа, встречается посвящение углов треугольника различным богам (подробнее см.: [7. С. 192]).

© 2002 г. В.Б. КРЫСЬКО

ОТЪНИКА И МАТЕРИЦИ

В "Повести временных лет" (ПВЛ) в статье под 983 г. рассказ о первых христианских мучениках на Руси – варяге и его сыне – завершается пассажем, который в древнейшем дошедшем до нас списке летописи – Лаврентьевском 1377 г. – читается так¹:

аще и тѣло(м) ап(с)ли не суть не (в Ипатьевском списке *здѣ*) были. но оученья ихъ. аки трубы гласать по вселен(ѣ)и в црѣвхъ. имъже оученьемъ побѣждаемъ. противнаго врага. попирающе подъ нози *ѡко* же попраст(а) и си *штѣника*. приемше (в других списках *приимѣша*, *приимша*) вѣнень(ць) (в других списках: *вѣнець*, *вѣнѣц(ь)*, *венець*) нб(с)ныи съ сѣми мѣнки и прѣвднки [1. Стб. 83. Л. 27].

Этот – в целом ясный – контекст содержит одну семантически и словообразовательно неочевидную форму – *штѣника*; написания, аналогичные или близкие к данному варианту, фигурируют также в Летописце Переяславля Суздальского (60-е годы XV в.), Новгородской IV летописи (последняя четверть XV в.), Софийской I летописи по списку И.Н. Царского (начало XVI в.), Тверской летописи (начало XVII в.). Другие списки ПВЛ демонстрируют формы, более прозрачные в словообразовательном отношении: Ипатьевский (около 1425 г.) – *штѣченика* [2. Стб. 71. Л. 33], Радзивилловский и Академический конца XV в., Хлебниковский XVI в. и Погодинский XVII в. – *отечника* (с нюансами в орфографии), тогда как списки младшего извода Новгородской первой летописи, также сохранившие легенду о варягах-мучениках, явно отражают переосмысление первоначального текста: в Комиссионном списке XV в. присутствует местоимение *оба*, в Академическом списке XV в. – написание *отѣмника* (причем "буква *м* как будто приписана другими чернилами" [3. С. 131]); в Летописи Авраамки существительное читается как *отемника* [4. Стб. 250].

Отвлечшись на время от формы *штѣника*, с трудом поддающейся морфемному членению, и абстрагировавшись от переосмыслений, указывающих на ее непонимание переписчиками XV–XVI вв. (см.: [5. С. 22]), мы, вместе с тем, на основании согласного свидетельства ряда списков, начиная с Ипатьевского, можем заключить, что в протографе Ипатьевской редакции имелась форма двойственного числа *отѣчника*, координируемая с аористом *попраста* и причастием *приимѣша*.

Крысько Вадим Борисович – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник ИРЯ.

Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 00-04-0313а) и фонда Александра фон Гумбольдта. Автор признателен А.А. Гиппиусу и А.А. Зализняку за ценные замечания, учитывавшиеся при редактировании статьи.

¹ В цитатах из древнерусских текстов выносные буквы вносятся в строку в круглых скобках.

Существительные *отьчьникъ* (как отсылочная статья) и *от ѡникъ* зафиксированы в "Материалах для Словаря древнерусского языка" И.И. Срезневского [6. Стб. 831, 834] – с вопросительным знаком вместо толкования, однако с важным предположением по поводу семантики, о котором речь пойдет ниже. В "Словаре русского языка XI–XVII вв." [7. Вып. 13. С. 239] *отечникъ* интерпретируется – с вопросительным знаком – путем отсылки к пятому значению слова *отець* – 'почетное имя духовных особ'. Однако ни варяг, ни его сын, несмотря на их мученичество за веру, духовными особами не были – по крайней мере, ПВЛ не сообщает об этом никаких сведений. Кроме того, присоединение суффикса *-никъ(ъ)* к основе *отьч-* едва ли могло служить для передачи значения 'святой отец'. Тем не менее в эдиционной практике трактовка, связывающая *отьчьника* с понятием 'духовный отец', определенно возобладала: в академическом издании " Повести временных лет" [8. С. 257] и ряде последующих публикаций (см., например, [9. С. 99]) принят перевод "два праведника", а в первом томе монументальной серии "Библиотека литературы Древней Руси" [10. С. 13] использовано выражение "два отца наших". В полном словоуказателе к ПВЛ, составленном Б. Грёбер и Л. Мюллером, лемма **отьчьникъ* сопровождается неутешительным комментарием "Bedeutung unklar" ("Значение неясно") [11. S. 495].

Ни в лексикографической, ни в литературоведческой традиции, к сожалению, не нашла поддержки гипотеза, в осторожной форме выдвинутая еще И.И. Срезневским, который, оставив лемму *от ѡникъ* без толкования, все же после цитаты – впрочем, в скобках и с вопросительным знаком – предложил определение 'отец с сыном' [6. Стб. 834]. Позднее эта интерпретация была повторена А.А. Шахматовым (ср.: "*отьчьника* мне совсем непонятно; м.б., это *отьчиница* в значении отца и сына (?)" [12. С. 381]), Р. Траутманом [13. S. 58, 244], Ф.П. Филиным [5. С. 21–22] и О.Н. Трубачевым [14. С. 28]. На наш взгляд, трудно не признать, что именно это объяснение наилучшим образом согласуется с контекстом и не требует никаких семантических натяжек. Как отметил О.Н. Трубачев, рассматриваемое образование "представляло собой пример эллиптического двойственного числа, иногда встречающегося среди индоевропейских терминов родства", ср. др.-инд. *mītrā* 'Митра и Варуна', буквально 'оба Митры' (с двойственным числом первого имени и эллипсисом второго), а также эллиптические плюральные формы типа лат. *Cererēs* 'Церера и Прозерпина', др.-исл. *fedgar* 'отец и сын', лит. *tėvai* 'отец и мать', буквально 'отцы' [15. S. 416], укр. *батькі* 'отец и мать' [14. С. 28]. На славянской почве прямую параллель классическому эллиптическому дуалису составляет форма двойственного числа *прадѣда* 'прадед и прабабка', которая передает греческую форму множественного числа *πρωπάτορες*:

Хѣ іса бѣ прадѣда. иакимъ же и аньна. оукрашена правдою. достойно пѣ(с)ми да похвалена боудета днь(с). [16. Л. 120; 17. С. 60] (Κυριου Ἰησοῦ τοῦ θεοῦ οἰπρωπάτορες [18. С. 219])².

Восприятию гипотезы И.И. Срезневского относительно семантики слова *отьчьника*, по-видимому, препятствует кажущаяся изолированность исследуемого слова. Между тем памятники содержат материал, подтверждающий наличие в древнерусском (и русско-церковнославянском) соответствующего словообразовательного типа.

Так, одна из глав (17.34) византийской Эклоги (см.: [19. S. 159, 238]) в славянском переводе, сохранившемся в составе Мерила Праведного по списку второй половины XIV в., имеет в этой рукописи заголовок:

о спавшимъ с *мѣрьницѣми* [20. Л. 192],

который воспроизводит греч. *περὶ τοῦ ὑψιμαντος μητέρα καὶ θυγατέρα*. Дальнейший текст, восходящий к библейской книге Левит (20, 14), гласит:

² Автор признателен д-ру Д. Штерну (Бонн) за обнаружение этой греческой параллели.

Иже с чюжею мѣрю. и съ дщерью **ка.** плотью вѣдаѣ смѣшакъ(с). да обрѣзанъ будетъ. тою же казньо и соблажншоюся с нимь. (Ὁ ἀλλοτρίᾳ μητρὶ καὶ τῇ ταύτης θυγατρὶ σαρκικῶς εἰδήσει μὴ γινόμενος ῥυνοκοπέισθω, τῇ αὐτῇ ποιῆ καὶ τῆς εἰδήσει συμπλημμελησάσης αὐτῷ ὑποκειμένης).

Существительное *матерница* в [21. Т. IV. С. 512] отождествлено с *мати*, хотя контекст однозначно показывает, что множественное число *мѣрьницами* соотносится не только "с мѣрю", но и "съ дщерью **ка.** В статье автора этих строк [22. С. 211] была предложена иная, весьма специфическая трактовка формы множественного числа *матерницѣ*, продиктованная исключительно констатирующими факторами: "Общее обозначение женщины и ее матери, имеющих одного сексуального партнера". Сейчас, однако, после завершения работы над VI томом "Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.)", мы имеем все основания сопоставить два деривата с суффиксами *-н-ик(ъ)/-н-иц(а)* – *матерницѣ* и *отъчника* – и констатировать, что первое существительное, эквивалентное греческому *μήτηρ καὶ θυγάτηρ*, означает просто 'мать и дочь' (и, следовательно, должно, как и *отъчника*, выступать в форме двойственного числа – *матерници*).

В [7. Вып. 9. С. 42] представлено еще одно образование сходного типа – *материца* (правда, с неверным толкованием 'мать жены или мачеха'³), проиллюстрированное контекстами, также восходящими к Библии:

Аще кто поиметь *мѣрцю*, безаконно есть (γυναικα καὶ τὴν μητέρα αὐτῆς). Лев. XX. 14, по сп. XIV в.; *Иж* аще поимет *материци* безаконие ес(тъ). (Лев. XX, 14) Библ. Генн. 1499 г.; С *материцами* блюда иже с чюжею мѣрю или съ дщерью еа плотию вѣдаѣ смѣшается да обрѣзанъ будет. [24. Л. 595 об. XVI в.]

Первый из этих примеров (заимствованный "Словарем русского языка XI–XVII вв." из "Материалов" И.И. Срезневского и, следовательно, не сверенный по рукописи) демонстрирует либо ошибочную форму единственного числа, либо инновационный генитив-аккузатив двойственного числа (см.: [25. С. 98]); как греческая параллель, содержащая наименования женщины и ее матери, так и следующая цитата из Геннадиевской Библии (с передачей цоканья: *материци*) свидетельствуют в пользу того, что в исходном тексте имелась форма двойственного числа *материци*. Что же касается чтений *мѣрьницами* в [20] и *материцами* в Балашовской кормчей, то они, вероятно, либо заменяют первоначальные дуальные формы *матерницама* и *материцама*, либо отражают редакцию текста, возникшую уже после утраты категории двойственного числа.

Переходя к словообразовательной характеристике рассматриваемых дериватов, следует заметить, что мотивирующая основа в каждом из трех случаев неочевидна: речь может идти как о суффиксальном образовании от субстантивных основ *отъц-*, *матер-*, так и об образовании существительных от притяжательных прилагательных *отъчень*, *матернь* (с суффиксом **-ъпј-*), *матерь* (с суффиксом **-ј-*, см.: [26. S. 195]). Ситуация осложняется тем, что древнейший из известных вариантов имени, обозначающего 'отца и сына', – *отъника* в древнейшем списке ПВЛ – ни прямо, ни косвенно не выводится из *отъць*. В то же время он несомненно связан со славянскими образованиями на *-ѣп-* (*-еп-*) от названий родственников, обозначающими как самих этих родственников, так и их детей (ср. др.-рус. *братѣникъ* 'брат' [21. Т. I. С. 306, s. v. **братеникъ, братенѣкъ**], *сестрѣница* 'сестра' [7. Вып. 24. С. 98], ст.-укр. *братеникъ, братиникъ* < *братѣникъ, братѣнѣць* 'брат' [27. Т. I. С. 119, 123], *сестреница, сестриница* 'дочь сестры' [27. Т. II. С. 341], ср.-болг. *братенець* 'брат' [28. Л. 59, 75 об., 121]; сербохорв. *bratjenac* 'брат' [29], ст.-пол. *bracieniec* 'брат', *siestrzenica* 'племянница; двоюродная сестра' [30. Т. I. S. 145–146; Т. VIII. S. 209–210], ст.-чеш.

³ В [2. Стб. 117] – 'μήτηρ', в [23. С. 299] – 'мать жены, теща'.

bratĕnec ‘брат’ [31. S. 96]). Сравнение с этими существительными позволяет реконструировать лексему **otĕnik-*, восходящую, в свою очередь, к **otĕn-* – столь же древнему производному от основы **ot-*, как и **otъсь* и **otъn’ь* (см.: [14. С. 23]).

Рассмотрим вопрос о том, какую числовую форму изначально должно было иметь слово **otĕnik-*. Сопоставление эллиптического двойственного *прадѣда*, с одной стороны, и четырех указанных дериватов от основ *от-* и *матер-* – с другой, заставляет усомниться в том, можно ли считать двойственные *отъчъника*, *матеръници* и др. результатом сокращения (эллипсиса) исконно двусловных конструкций. В самом деле, если слав. *прадѣда* и индоевропейские формы типа *mĭtrá*, *áhanī* ‘день и ночь’, буквально ‘дни (dualis)’, *Cererēs*, *tĕvai* и т.п. легко выводятся из сочетаний типа ‘прадед и прабабка’, ‘Матра и Варуна’, причем “дуализированный” (resp. “плюрализированный”) компонент может свободно выступать и в единственном числе, формы singularis типа **отъникъ*, **матеръница* нигде не засвидетельствованы. Равным образом и уже упоминавшееся др.-исл. *feðgar* < *feðr-gar* [32. S. 677], а также *feðgin* ‘отец и мать’, соврем. ‘отец и дочь’, *mæðgin* ‘мать и сын’, *systkin* ‘сестра и брат’ [33. P. 149] представляют собой дериваты от существительных ‘отец’, ‘мать’, ‘сестра’, но отнюдь не являются формами множественного числа этих существительных и, следовательно, не могут считаться возникшими лишь в результате эллипсиса второго члена исходных двусловных сочетаний. По-видимому, в таких случаях, как *отъника*, мы имеем дело с уже изначально несингулярными образованиями, призванными обозначать пары (или группы) тесно связанных объектов, среди которых выделялся ведущий компонент, выраженный мотивирующей основой (**otĕn-*). Семантика этой основы, разумеется, не вполне совпадала со значением производящего существительного (‘отец’, ‘мать’ и т.д. – обозначим его как X), но заключала в себе относительнок-инклюзивное значение типа ‘относящийся к сфере X’. Иными словами, суффикс -*ĕn-* в **otĕn-* обнаруживает тождественность с -*ĕn-* в **kostĕn-* ‘костяной’, **berstĕn-* ‘берестяной’ и т.п. (ср. [34, S. 129]) и функциональное сходство с *-*ьk-* в **otъk-*, для которого может быть реконструировано первоначальное значение ‘отеческий’ (ср. [14. С. 25–26]). На фоне отпосессивного *отън-ика* образования *отъчън-ика*, *матерън-ици*, *матер-ици* предстают как дальнейшее развитие древней модели, с заменой непродуктивного посессивного суффикса обычными для притяжательных прилагательных суффиксами *-*ьnj-* и *-*j-4*; что же касается суффикса *-*ik-* во всех этих образованиях, то он, выступая здесь в одной из основных своих функций – субстантивации прилагательных (см.: [34. S. 90, 98], ср. также *родственн-ик*, *свойственн-ик*), образует отадективные существительные со значением ‘X + некто, относящийся к его сфере’.

Реконструкция посессивно-инклюзивного -*ĕn-*у имен прилагательных, образованных от субстантивов, устраняет необходимость в постулировании нигде, насколько нам известно, исторически не документированных существительных типа **bratĕnъ*, **sestrĕnъ* [34. S. 128–129]⁵. Кроме того, она дает возможность объяснить сосуществование в семантической сфере соответствующих лексем в современных славянских языках двух основных значений – применительно, например, к *bratĕnikъ* это ‘брат’ и ‘сын брата’ [34. S. 128]. В связи с тем, что древнейшие фиксации существительных *bratъникъ* и *sestrъница* – *братеника* [36. Л. 56 об., 1. Л. 170], *братен(и)ка* [1. Л. 170 об.], *sestrъници* [24. Л. 15а] (см. также аналогичные примеры в [30. Т. I. S. 145; 31]) – демонстрируют форму двойственного числа, для них, думается, следует предположить исходное дуальное значение типа ‘X и его (неназванный) родственник

⁴ В [14. Т. VI], к сожалению, более архаичное образование *отъника* и более новое – *отъчъника* – ошибочно помещены нами в одну статью *отъчъника*.

⁵ Рус. диал. *братень* (с мягким [н’]!), *братена* [35. С. 156] являются, вероятно, редериватами от *братеник*.

У', т.е., соответственно, 'брат и другой брат (либо сын брата)' и 'сестра и другая сестра (либо дочь сестры)' – впрочем, при определенных конситуативных условиях допускавшее и плюрализацию типа 'брат и другие братья', ср. в относительно поздних фиксациях множественное число от *братеникъ*, *сестрениць* и *сестреница* в староукраинском [27. Т. I. С. 119; Т. II. С. 341], от *братенець* в среднеболгарском [37. Л. 59, 75 об.], от *bratĕnec* в старочешском [31], от *bracieniec* и *sestrzenica* в старопольском [30. Т. I. С. 145–146; Т. VIII. С. 209–210]. Позднейшее разделение "парных" значений на два самостоятельных значения было, очевидно, одним из следствий отмирания двойственного числа.

В свете сказанного общая семантика отпосессивных *отъчника*, *отъчница*, *матерънищи*, *материци* может быть определена как собирательное обозначение одного из родителей и его прямого потомка того же пола. Образование этих существительных является результатом трансформации индоевропейского эллиптического двойственного, которая заключалась в том, что на основе дуальных форм с парным значением, первоначально возможных только при эллипсисе конструкций с двумя именами, стали возникать неэллиптированные dualia.

Проанализированная словообразовательно-грамматическая модель, ограниченная четырьмя денотатами (отец, сын, мать, дочь) и двумя родственными наименованиями (**ot-*, **mater-*), по всей видимости, отражает весьма древнее языковое состояние и, вместе с тем, такой уровень развития общества, при котором материнский счет родства, или матрилинейность (в данном случае собирательное обозначение матери и дочери), сосуществует с патрилинейностью (отец и сын) (см.: [37. С. 61]). Архаичность и уникальность лексем *отъчника*, *отъчница*, *матерънищи*, *материци* и обусловили, судя по всему, их отмирание: каждая из них, несмотря на использование в разных списках и редакциях, остается для древнерусской письменности ἀπαξ λεγόμενον, ассоциированным со строго определенным текстом (resp. легендой о варягах-мучениках и изложением одного из канонов древнееврейского и византийского права).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лаврентьевская летопись. М., 1962. (Полн. собр. рус. летописей. Т. I).
2. Ипатьевская летопись. М., 1962. (Полн. собр. рус. летописей. Т. II).
3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000.
4. Летописный сборник, именуемый Летописью Авраамки. СПб., 1889. (Полн. собр. рус. летописей. Т. XVI).
5. Филлин Ф.П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи (по материалам летописей). Л., 1949. (Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та. Т. 80).
6. Срезневский И.И. Материалы для Словаря древнерусского языка. Т. II. М., 1958.
7. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–25–. М., 1975–2000–.
8. Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. I.
9. Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII века. М., 1978.
10. Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 1. XI–XII века.
11. Gröber V. Müller L. Vollständiges Wörterverzeichnis zur Nestorchronik. München, 1979. Bd 1. Lief 2.
12. Шахматов А.А. Повесть временных лет. Пг., 1916. Т. I. Вводная часть. Текст. Примечания.
13. Die altrussische Nestorchronik Povest' vremennych let // Übers. hrsg. von R. Trautmann. Leipzig, 1931.
14. Трубачев О.Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959.
15. Brugmann K. Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. Strassburg, 1904.
16. Миняя служебная, июль, рукопись. РГАДА, Тип. 122.
17. Жолобов О.Ф. Древнерусское двойственное число в общеславянском контексте. Казань, 1997.

18. Μηναῖα τοῦ ὄλου ἐνιαυτοῦ. Τ. 6. Ἐν Ῥώμῃ, 1901.
19. Ecloga: Das Gesetzbuch Leons III. und Konstantinos' V. / Hrsg. von L. Burgmann. Frankfurt a. M., 1983.
20. Мерило Праведное по рукописи XIV в. М., 1961.
21. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1988–1991, 2000. Т. I–IV, VI.
22. Крысько В.Б. Поправки к I–IV томам "Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.)" // Russian linguistics. 1998. Vol. 22, № 2.
23. Дьяченко Г. Полный церковнославянский словарь. М., 1993.
24. Бенешевич В.Н. Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. СПб., 1906–1907. Т. I. Вып. 1–3.
25. Крысько В.В. Развитие категории одушевленности в истории русского языка. М., 1994.
26. Slovník jazyka staroslověnského Praha, 1973. Т. II.
27. Словник староукраїнської мови. Київ, 1977–1978. Т. I–II.
28. Среднеболгарский перевод "Хроники Константина Манассии в славянских литературах". София, 1988.
29. Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1880–1882. Т. I.
30. Słownik staropolski. Warszawa etc. – Kraków, 1953–2000. Т. I–XI.
31. Gebauer J. Slovník staročeský. Praha, 1903. D. 1.
32. Jóhannesson A. Isländisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1956.
33. An Icelandic-English Dictionary. Oxford, 1957.
34. Słownik prasłowiański. Warszawa etc., 1974. Т. I.
35. Словарь русских народных говоров. Л., 1968. Вып. 3.
36. Новгородская харатейная летопись. М., 1964.
37. Исаченко А.В. Индоевропейская и славянская терминология родства в свете марксистского языкознания // Slavica. 1953. R. 22.

© 2002 г. А. ЗОЛТАН

СЛАВЯНО-ВЕНГЕРСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ

Венг. *szégyen* ‘позор’ и *szid* ‘бранить’

Согласно обоим современным этимологическим словарям венгерского языка как существительное *szégyen* ‘стыд, позор’, так и глагол *szid* ‘бранить, ругать’ являются словами неизвестного происхождения [1. Т. III. С. 697, 747; 2. Т. II. С. 1405, 1430]. В "Историко-этимологическом словаре венгерского языка" есть указание на то, что "возможное родство с глаголом *szid* требует еще доказательства" [1. Т. III. С. 747], которое во втором, более новом словаре [2] отсутствует. Таким образом, родство слов *szid* и *szégyen* – по крайней мере согласно [1] – хотя исключить и нельзя, однако (пока) еще не доказано. Мне хотелось бы привести здесь недостающее доказательство в пользу родства этих двух слов – их общий этимон. (В дальнейшем изложении автор использует материал работы [3. С. 54–59].)

В недавней обзорной статье о ранних славяно-венгерских языковых контактах мною было выражено мнение, согласно которому *szid* восходит к славянскому глаголу *styditi*, а *szégyen* к образованному из того же корня существительному *styděnie* [4. С. 642–643]. К сожалению, тогда мной – но, по-видимому, и редакторами [2] – было упущено из виду предположение О. Семерени о том, что венгерское слово *szégyen* является заимствованием славянской формы прилагательного *stydьnъ* [5. Р. 399–400], т.е. проблема происхождения венгерского существительного *szégyen* по сути дела уже была решена Семерени. Фонетических трудностей ни в том, ни в другом случае нет (славянское начальное *st-* в старых заимствованиях давало венг. *sz-*, ср. *szobor* ‘скульптура’ < *stobor*, [szám]szerj ‘арбалет’ < [samo]strěl, *zarándok* ‘паломник’ < *szarándok* < *stranьnikъ*, *Szaniszló* < *Stanislav*; примеры см. [5. Р. 399–400; 6. С. 115; 7. С. 274]), и так как венгерское *szégyen* ранее было не только существительным, но и прилагательным [8. С. 202], оно может происходить и от славянского прилагательного (как впрочем и родственное по значению *szemérem* < *sramьnъ*, о котором речь пойдет ниже). В пользу выдвинутого О. Семерени тезиса о происхождении венг. *szégyen* от прилагательного *stydьnъ* может свидетельствовать большее распространение славянского прилагательного, ср. русск. *стыднѣй*, укр. *стиднѣй* (наряду с более распространенным *стидкѣй*), с.-х. *stidan*, слн. уст. *stiden*, болг. уст. *studen*. Я исходил, однако, не из прилагательного *stydьnъ*, а из существительного *styděnie*, так как это последнее засвидетельствовано уже в старославянском (стѣдѣннѣ, как перевод греч. αἰσχύν),

Золтан Андраш – профессор, заведующий кафедрой восточнославянской и балтийской филологии Будапештского университета.

а прилагательное в старославянском образовалось или из другого варианта корня (*stud-*: *стоудънь*) или при помощи другого суффикса (*-ък-*: *стыдъкъ*) [9. С. 125; 10. С. 632]. В то же время соответствующее существительное можно найти и в хорватском языке (*stüđen* [11. Т. 16. С. 563]), из *-d-* которого венг. *-gy-* объясняется легче (ср. *megye* 'комитат' < *mèda, raga* 'язвина' < *řda*), чем из *-d-* какого-то старого (кавказско-хорватского и/или словенского, или даже протоукраинского) прилагательного *stüdbънь*.

Славянское существительное *stüdbъ* ~ *stüdbъ* с одной стороны значит 'холод', с другой – 'стыд, позор'. Взаимосвязь этих двух значений была недавно детально исследована Н.Д. Арутюновой [12. С. 59–70]. Согласно автору, «можно предположить, что словом *stüdbъ* первоначально обозначалось отношение Другого (социума) к "отступнику". Ассоциация с холодом была вызвана фактором отчуждения, отталкивания нарушителя» [12. С. 66]. Мне представляется, однако, что при установлении взаимосвязи между этими двумя значениями стоит исходить из значения индоевропейского корня **steud-* 'закоченеть, съезживаться' (см.: [13. Т. I. С. 1035]), к которому с одной стороны можно свести значения, связанные с холодом (ср., например, ст.-сл. *стоудень* 'холод, мороз, стужа', *стоудень* 'холодный', хорв. *stüden* 'холодный', *stüđen* 'холод', *stüdeni* 'ноябрь', слн. *studèn* 'холодный', русск. *студень*, *студённый*, блр. *студзень* 1. 'январь', 2. 'студень' и т.д.), с другой стороны 'стыд' – на основе сходства внешних признаков поведения дрожащего от холода и съезжившегося от стыда человека. В случае такого древнего слова (на индоевропейском уровне сюда относится и название реки *Styx*; греч. *στύξ* во множественном числе обозначало и 'мороз' (ср. [13. Т. I. С. 1035; 14. Т. III. С. 789; 15. С. 590]) мне представляется более убедительным такой "этологический" характера перенос значения, чем "социально-психологическое" объяснение, предложенное Н.Д. Арутюновой.

Из корня *stüdbъ* в части славянских языков образовались не только возвратные глаголы типа *stüdbъti se* ~ *stüdbъti se* ~ *stüdbъti se* (ст.-сл., цсл. *стыдѣтисѧ*, болг. устар. *стидѣ се*, с.-х. *stíd(j)eti se*, слн. устар. *stüdbъti se*, чешск. *stüdbъti se*, польск. *wstüdbъci się*, устар. *wstüdbъci się*, русск. *стыдѣтисѧ*, блр. диал. *стыдѣцца* ~ *стыдѣцца*, укр. *стидѣтисѧ* ~ *стидѣтисѧ*), но и переходные глаголы типа *stüdbъti* ~ *stüdbъti* ~ *stüdbъti* со значением 'стыдить, ругать, поносить'. Это в основном формы, существующие в современных восточнославянских языках: русск. *стыдѣть* 'укорять', блр. диал. *стыдѣць* 'укорять' (см.: [16. С. 6]), и, прежде всего, укр. *стидѣти* ~ *стидѣти* 'укорять' (ср. "Баба *стидѣ* дитину" [17. С. 203]).

При возведении как венг. *szégyen* (диал. также *szígyen*), так и *szid* к славянским словам с корнем *stüdbъ* необходимо учесть, что в самый интенсивный период славяно-венгерских языковых контактов (IX–XII вв.) происходили значительные изменения в славянской звуковой системе, растянутые во времени и пространстве в славянском языковом континууме. Совершенно ясно, что венг. *szégyen* (~ *szígyen*) и *szid* были заимствованы или из двух разных славянских диалектов, или из двух разных состояний одного и того же славянского диалекта. Славянский корень *stüdbъ* мог попасть в венгерский язык еще до перехода *y > i*, затронувшего значительную часть окружающих венгров славянских диалектов, либо из славянского диалекта, который данное явление в данный период не затронуло (например, из протоукраинского), где веллярное *y* могло дать в венгерском *szid* с кажущимся отклонением от сингармонизма (*szidok* 'я ругаю', а не **szidek*). Тот же самый корень мог быть перенят позже из того же славянского диалекта после изменения *y > i*, когда из формы с *i* (*stüdbъ-*) образовалось *szígyen > szégyen*. Но так как изменение на юго-западе славянского мира (на территории сегодняшней Хорватии и Словении) началось уже в IX столетии, на юго-востоке (на территории Болгарии) только в XIII столетии, а на северо-западе (на территории Чехии и Словакии) оно закончилось лишь к XIV–XV вв. (см.: [18. С. 503–504; 19. С. 33–34; 20. С. 33]), то учитывая тот факт, что славяно-венгерские языковые контакты происходили в IX–XII столетиях, необходимо считаться с обоими вариан-

тами произношения, т.е. в принципе эти два слова могут быть и параллельными заимствованиями, вошедшими в венгерский язык в разных точках славянской языковой территории одновременно. Однако, так как славянская лексема, которая по своему значению может считаться этимологом венгерского глагола *szid* 'бранить, ругать', характерна в первую очередь для восточнославянских языков, и у нас нет доказательств в пользу того, что раньше это было иначе (хотя, конечно, полностью исключить этого нельзя), существует определенная вероятность того, что данный глагол является одним из неразгаданных до сих пор древневосточнославянских (скорее всего, протоукраинских) заимствований в венгерском языке, между тем как существительное *szégyen* (~ *szigyen*) входит в основную массу субстратных заимствований из поглощенного венграми позднепраславянского диалекта паннонских славян (ср. [21. С. 347–368]).

Венг. *szemérem* 'застенчивость'

Данное венгерское слово не имеет надежной этимологии. Современными этимологическими словарями венгерского языка оно характеризуется как слово "неопределенного" [1. Т. III. С. 714] или прямо "неизвестного" [2. Т. II. С. 1413] происхождения. Классики финно-угорского языкознания венгерского *szemérem* связывали с мансийским *esermä* 'стыд', причем Й. Буденц относил эти слова к угорскому наследию в этих двух языках [22. С. 823], а Б. Мункачи считал их совместным заимствованием угорского периода из иранского [23. С. 568]. Однако, как выяснилось позже, мансийское *esermä* было заимствовано из среднеиранского **äfsärm* 'стыд, позор', но уже в период самостоятельного развития мансийского языка, поэтому мансийское *esermä* и венгерское *szemérem* этимологически не связаны [24. С. 55]. Хотелось бы добавить – непосредственно не связаны, потому что, как это будет доказано ниже, в конечном итоге эти два слова восходят к общему этимону.

Иранский источник мансийского *esermä* (ср. еще авест. *fšarəma-* 'чувство стыда', ср.-перс. *šarm* 'то же') – слово индоевропейского происхождения (**kormo-* 'боль, стыд'), имеющее точные соответствия, кроме иранских, только в германских и славянских языках. Соответствующие слова в германском имеют скорее значение 'физическая боль' (ср. нем. *Harm*), между тем как в славянском (как и в иранском) доминирует значение 'психическая боль', т.е. 'стыд' (см.: [13. Т. I. С. 614; 9. С. 307; 14. Т. III. С. 724]). В Махеком была высказана мысль о том, что иранские и славянские слова не находятся в отношениях родства, а праславянское **sormъ* вместе с другими словами культовой и нравственной сферы (**bogъ*, **svetъ* и др.) было заимствовано из иранского [15. С. 581].

Слово *szemérem* в современном венгерском языке обозначает 'застенчивость' или 'стыдливость', связанную преимущественно с половой жизнью [25. С. 1268], но в более ранние периоды венгерского литературного языка, а также в диалектах оно выступает как полноценный синоним существительного *szégyen* в обоих его основных значениях 'чувство стыда' и 'позор'. Ограничение значения *szemérem* 'застенчивость' (в области половой жизни) связано, по-видимому, с тем, что начиная с XVI в. переводчики Библии и авторы религиозных и назидательных сочинений, следуя греческим и латинским образцам (*ἀσχημοσύνη*, *puḍenda*, *puḍibunda*, *turpitudō*), часто употребляли это слово эвфемистически для обозначения "постыдных" частей тела, т.е. половых органов. (Венгерский материал более подробно представлен в работе [26. С. 473–475].) Подобное развитие произошло и в случае нем. *Scham* в средневерхне-немецком период [27. С. 316]. Таким образом, семантическая структура венг. *szemérem* в прошлом точно соответствовала семантической структуре старославянского существительного *срамъ* (1. 'позор', ср. не *трьпаштоу срама*; 2. 'чувство стыда',

ср. *естъ во дрѣзъ и весрама*; 3. 'половые органы', ср. *обьякль сѧ еси въ срамьнѣж* ['прикрывающую срам'] *кожьнѣж ризѣж* (ср. [10. С. 620]). Те же значения засвидетельствованы и для церковнославянского языка русской редакции [28. С. 653].

Венг. *szemérem* – как и *szégyen* – принадлежит к словам, о которых "трудно сказать, были ли они первоначально существительными или прилагательными" [8]. В качестве источника венг. *szemérem* мы можем считать не только существительные типа ст.-сл. *срамъ*, но и прилагательные типа *срамьнѣ*.

Точные соответствия ст.-сл. *срамъ* (< **sormъ*) есть во всех славянских языках, но западнославянские и восточнославянские формы типа *srom* и *sorom* как возможные источники венг. *szemérem* отпадают в силу фонетических трудностей. Из языков с формами типа *sram* чешский и словацкий исключаются ввиду слабой засвидетельствованности этого корня вообще в этих языках (ср. [15. С. 581]).

Самые точные соответствия венг. *szemérem* как в фонетическом, так и семантическом отношении мы находим в сербскохорватском и словенском языках. С.-х. *srām* и словен. *srām* имеют или имели раньше те же значения, что и современное венгерское слово [11. Т. XVI. С. 161–163; 29. С. 891].

Мне кажется, что венг. *szemérem* было заимствовано из кайкавско-хорватского или из словенского прилагательного *sramen* (< *sramьнѣ* < **sormьнѣ*), и все старые значения венгерского слова восходят к южнославянскому *sramъ*. Как и в случае всех старых заимствований, в венгерском произошла адаптация славянского слова к венгерскому сингармонизму и устранение сочетания двух согласных в начале слова путем вставки гласного (ср. например, *gereblye* < *grablje* 'грабли' [1. Т. I. С. 1049]). В результате этих обязательных в случае ранних заимствований изменений в венгерском сначала слово могло принять форму **szerémen*, из которой потом путем метатезы получилось *szeméren*. Такая форма засвидетельствована в одном из латинско-венгерско-немецких глоссариев XVII в.: *Est verecundia: zemerem: es ist schand* (1538 г., см.: [30. С. 643]). Из *szeméren* могло возникнуть современное *szemérem* или в результате ассимиляции (*m:n > m:m*), или – как это предполагал еще Б. Мункачи – под влиянием аналогии других "слов, выражающих душевные переживания", как *kegyelem* 'милость', *szerelem* 'любовь' или *félelem* 'боязнь' [23].

Таким образом, оказывается, что мансийск. *esermä* и венг. *szemérem* все-таки связаны между собой этимологически, только не на финно-угорской, а на индоевропейской основе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára I–III. Főszerk. *Benkő L.* Budapest, 1967–1976.
2. Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen I–II. Herausgeber *L. Benkő*. Budapest, 1993–1995.
3. *Zoltán A.* "Lappangó" szláv eredetű zavaink: *szid, szégyen*. // *Magyar Nyelv*. Т. 95. 1999.
4. *Zoltán A.* A magyar–szláv érintkezések kezdetei és fázisai. // *Életünk*. 1996.
5. *Szemerényi O.* *Hungarica I.* (Nos 1–17). // *Études Finno-Ougriennes*. 1982. Т. XV. P. 399–400.
6. *Melich J.* *Dolgozatok II.* Budapest, 1963. (= *Nyelvtudományi Értekezések* 41. sz.)
7. *Mollay K.* A német–magyar nyelvi érintkezések // *Nyelvünk a Duna-tájon*. Szerk. Balázs. J. Budapest, 1989.
8. *Hadovics L.* *Magyar történeti jelentéstan*. Budapest, 1992.
9. *Sadnik L., Aitzetmüller R.* *Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten*. Heidelberg, 1955.
10. Старославянский словарь. Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994.
11. *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. Na svijet izdaje Jugoslavenska Akademija Znanosti i Umjetnosti. Dio 1–23. Zagreb, 1880–1976.
12. *Арутюнова Н.Д.* О стыде и стуже. // *Вопросы языкознания*. 1997. № 2.
13. *Pokorny J.* *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. I–II. Bern–München, 1959–1969.

14. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецкого и дополнения О.Н. Трубачева. М., Т. I–IV. 1986–1987.
15. *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1971.
16. Слоўнік беларускіх гаворак Паўночна-Заходняй Беларусі і яе пагранічча, Мінск, 1986. Т. 5.
17. *Грінченко Б.Д.* Словарь української мови. Київ, 1909. Т. 4.
18. *Shevelov G.Y.* A Prehistory of Slavic: The Historical Phonology of Common Slavic. Heidelberg, 1964.
19. *Stieber Z.* Rzym, krzyż i Żyd: Rocznik Slawistyczny. 1966. Т. 26.
20. *Stieber Z.* Zarys gramatyki porównawczej języków słowiańskich: Fonologia. Warszawa, 1969.
21. *Хелимский Е.А.* Венгерский язык как источник для праславянской реконструкции и реконструкции славянского языка Паннонии // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов, София, сентябрь 1988 г. Доклады советской делегации. М., 1988.
22. *Budenz J.* Magyar-ugor összehasonlító szótár. Budapest, 1873–1881.
23. *Munkácsi B.* Árja és kaukázusi elemek a finn-magyar története. Budapest, 1901.
24. *Korenchy É.* Iranische Lehnwörter in den obugrischen Sprachen. Budapest, 1972.
25. Magyar értelmező kéziszótár. Budapest, 1972.
26. *Zoltán A.* Szemérem. // Magyar Nyelv. 1996. Т. 92.
27. *Kluge Fr.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Fünfte verbesserte Auflage. Straßburg, 1894.
28. *Дьяченко Г.* Полный церковно-славянский словарь [1900]. М., 1993.
29. Slovar slovenskega knjižnega jezika. Ljubljana, 1985. Т. IV.
30. Régi magyar glossazárú. Szótárak, szójegyzékek és glosszak egyesített szótára. Szerk. Berrár. J. es Károly S. Budapest, 1984.

© 2002 г. Д. БЛЮМЛОВА

ЛИЧНОСТЬ И ОБРАЗ Т.Г. МАСАРИКА В ТВОРЧЕСТВЕ ВИКТОРА ДЫКА

Девяностые годы XIX в. были одним из наиболее вдохновляющих периодов в развитии чешской культуры. По-новому ощущаемое понятие "нация" затронуло как чешскую литературу, так и политику. Подтверждением может служить "Манифест Чешской модерна", который подписали деятели, в равной мере представлявшие обе названные сферы общественной жизни. Одним из ключевых феноменов эпохи "конца века" в Чехии был Т.Г. Масарик. В предлагаемой работе мы попытаемся показать, что художественно обогащенные юношеские впечатления В. Дыка о Масарике являются источником постижения духовного климата эпохи.

Так называемое прогрессистское движение чешской молодежи в 90-е годы XIX в. отражало настроения пятнадцати-девятнадцатилетних молодых людей (прежде всего учащихся средних школ), жаждавших совершить великое освободительное деяние во имя национального идеала. Политическая ситуация тех лет казалась настолько неутешительной, что с неизбежностью вызывала недовольство и "старочехами", и правительством, и аристократией, и клерикалами и бессилием "младочехов". Так подготавливалась почва для появления новых политических течений и тенденций [1].

Раньше всех заявила о своих правах социал-демократия с ее "Евангелием нужды и мятежа", однако для возникновения прогрессистского движения решающее значение имела Реалистическая партия во главе с Т.Г. Масариком. "Реалисты" уже имели научный авторитет благодаря участию в разрушении мифа о подлинности Зеленогорской и Краледворской рукописей. Последствия этого события еще долго сказывались на их судьбах: "Нашим боевым девизом было: Бить, бить и бить! – заявляли они, – Бить по всему, что мы ненавидели, что было, по нашему убеждению, нечестным, неверным и прогнившим" [2. С. 7]. "Реализм" являлся единственным политическим течением, которое опиралось на интеллигенцию и представляло образованные и просвещенные слои общества. Деятельность Масарика в Пражском университете стала центром новых импульсов и источником информации о новых современных психологических и особенно социологических тенденциях в науке. Через университет в страну проникали прежде всего идеи англо-саксонского происхождения. "Реалисты" подняли художественную литературу на уровень принципиального осознания национального характера¹, заступались за резко осуждавшийся социализм, учили европей-

Блюмлова Дагмар – канд. ист. наук, доцент Южночешского университета, Ческе Будевце, Чешская Республика.

¹ Принципиальное произведение, принесшее в Чехию современный взгляд на феномен России, "Россия и Европа" Масарика, полностью изданное уже в рамках Собрания сочинений Масарика (Прага, 1995–1996), построено на диалоге с творчеством Ф.М. Достоевского, который для Масарика олицетворял сущность православной Руси.

скому осмыслению категорий "государства", "народности", "политики", "женского вопроса" и т.д.

После выборов в марте 1891 г. ведущие представители "реалистов" (Т.Г. Масарик, К. Крамарж и Й. Кайзл) вступили в младочешскую партию, надеясь реформировать ее. Но Масарик быстро понял нереальность этого плана и вышел из партии. Круг остальных "реалистов" сузился, но их деятельность по-прежнему проходила в духе изначальных принципов, решительно нацеленных на оздоровление чешского общества. Среди политических партий 1890-х годов необходимо также упомянуть крайнее крыло так называемых независимых социалистов (анархистов), неоднородное по программной ориентации движение, что проявилось в разбросе настроений и намерений – от террористических до просветительских. Это "неудачное дитя социал-демократии", заявив о себе в 1892 г., так навсегда и осталось больше при заявлениях, чем действиях [3. S. 369–397].

Однако атмосфера рубежа 1880–1890-х годов позволяла однозначно почувствовать настоятельную необходимость нового слова в политике, которое взамен всех ранее предложенных и по разным причинам неподходящих проектов обозначило бы основные, социальные и национальные требования, и создало новую и оригинальную политическую концепцию. В застывшем в напряженном ожидании 1889 году многообещающим начинанием стал "Časopis českého studentstva" ("Журнал чешского студенчества"). Главными задачами журнала являлись прежде всего разрушение сковывавших студенчество чисто академических обязанностей и заявления о праве на активное участие в политике. Сильная привязанность к "реалистическому" направлению была обусловлена прежде всего личностью Т.Г. Масарика, который печатался в журнале и конкретизировал задачи молодежи. Он подчеркивал в первую очередь необходимость делового подхода к политике, который, безусловно, требует обязательного общего образования, т.е. само собой разумеющегося изучения, дополнительно к специальным курсам, художественной литературы, иностранных языков, истории, социальных и политических проблем. В этот период были заложены основы многогранной и синтетичной чешской культуры первой четверти XX в., но одновременно зародилась и болезнь дилетантизма.

Неопределенность отношений внутри младочешской партии проявилась в апреле 1894 г., когда на заседании Имперского совета младочешские радикалы обрушились с нападками на Его императорское величество и тем самым дали свободу политическому движению, которое ускорило благодаря внутрипартийной дифференциации. Чешский вопрос реально воспринимался как совокупность отдельных проблем, решение которых – дело длительного политического развития. В марте 1894 г. палате депутатов был предложен правительственный проект избирательной реформы, но его, однако, отвергли и младочешская партия, и австрийские социал-демократы. Это было началом распада коалиционного правительства, что стало очевидно годом позже. Летом 1895 г. вышла работа Масарика "Наш нынешний кризис", которая содержала резкие нападки на "младочехов" и указание на их неспособность создать реальную программу. В результате дебатов начался правительственный кризис, который привел к закрытию палаты в июне 1897 г. Когда 22 сентября заседания продолжались, обстановка накалилась в еще большей степени. Нарастающий кризис достиг кульминации в ноябре, во время обсуждения австро-венгерского соглашения. Современная печать называла 23 ноября позорнейшим днем в истории австрийского парламентаризма. Демонстрации, которые вначале проходили только перед парламентом, охватили всю Вену, а затем и Прагу. Национальные радикалы отреагировали этими акциями протеста на политическое поражение, а любители беспорядков изрядно поживились на этих демонстрациях. Совершались грабежи и погромы, было много раненых и даже несколько убитых. 2 декабря 1897 г. в Праге было объявлено военное положение, и идеал прогрессистского движения после нескольких лет явного угасания был окончательно дискредитирован.

Декабрь 1897 г. разочаровал молодежь, которая в течение прошедших семи лет

двигалась от веры и надежды к чувству бессилия и пустоты. "Такой, значит, придет декабрь. // Жалкий пасквиль судьбы, когда-либо бывшей. // Улица дразнит – странная это вещь. // Но это сердце, Боже, как оно окоченело!" [4].

Приведенная последняя строфа второго стихотворения, предваряющего роман В. Дыка "Декабрь", может рассматриваться как концентрат ощущений представителя поколения, для которого прогрессистское движение стало решающим, формирующим фактором. Роман "Декабрь" и продолжающий его роман "Конец Гакеншмида" посвящены Ладиславу Гофману (1876–1903), младшему другу Дыка, безвременно умершему талантливому историку². Для Дыка прогрессистское движение стало промежуточным этапом на пути к политике радикальной государственно-правовой ориентации, оно сформировало его чувства и мысли. Гофман свой "прогрессистский" эпизод глубоко переживал и в итоге испытал глубочайшее разочарование. Он не успел извлечь из этого уроков и умер в тот момент, когда уже отмеченное зрелостью поколение начало ощущать непреодолимую пропасть между прогрессистской молодежью и современностью. Гофман сохранил исходные идеальные намерения прогрессистского движения в нетронутom виде и стал для своего поколения его метафорой. Когда он умер, вместе с ним окончательно похоронили и саму "прогрессивность"³.

Обе "хроники поколения", как называет романы "Конец Гакеншмида" и "Декабрь" Я. Кунц, в художественном отношении не относятся к лучшим произведениям Дыка, но представляют необычайно ценный материал для понимания менталитета чешской молодежи 1890-х годов [7. S. 146]. Здесь можно увидеть, с одной стороны, незрелость художественной формы, которая обясняется слишком малой дистанцией от изображаемых событий, еще не отстоявшихся в сознании (как полагает Кунц), а с другой – и замысел писателя – воскресить подлинную атмосферу движения⁴. В большей или меньшей степени, осознанно и подсознательно, "прогрессистское" движение во всех своих фазах (недолгом радостно-подготовительном, кратком всплеске и горьком и длительном угасании) было прежде всего отражением "эмоционального и морального замешательства" молодого поколения конца XIX в. Поскольку движение не имело прочного укоренения и четких идейных позиций, нельзя ожидать их и от произведения, которое должно было отразить его. Внешнее действие задуманного текста закономерно должно оказалось лишь ориентиром, в то время как вся динамика произведения связана с внутренним миром героев. В их мыслях и сердцах личные вопросы смешиваются с надличностными, так же как ожидания с разочарованиями. Поэтому и композиция романа оказалась иной, нежели та, что предписывали правила чешской прозы рубежа XIX и XX в. Это композиция, которая строится не по линейной оси (ее не было и в самом прогрессистском движении), а по принципу кругового пространства, образованного полем действия двух его центров. Первый из этих центров – сильный и излучающий энергию образ доктора Гилариуса.

² Книги, однако, вышли в обратном порядке: "Конец Гакеншмида" – в 1904 г., а "Декабрь" – в 1906 г. Намерение реализовать "Хронику деятельности Чертова Копыта" возникло под впечатлением событий 1897 г., из которых наиболее чувствительным образом отозвался "Послание австрийским немцам" Моммзена. Первым для Дыка литературным воссозданием этой темы был рассказ "Эпизод Тацита", написанный в 1901 г. (издан в сборнике «"Гудит плотина" и другие рассказы», Прага, 1903 г.). Он остался фрагментом первой части тетралогии, которая должна была называться "Слава Чертова Копыта". Второй частью был "Декабрь", третьей – "Конец Гакеншмида" с подзаголовком "Хроника деятельности Чертова Копыта", а весь цикл должны были завершить "Записки Тыца, политика", которые Дык так и не написал.

³ Ср. воспоминания жены Дыка З. Гасковой об атмосфере, сопровождавшей обряд обновления надгробия Гофмана на кладбище в Брно 11 ноября 1926 г.: "...Вокруг могилы – кучка посевших голов, среди них и серебряный шлем Виктора Дыка. Они растроганно стояли у могилы друга, у могилы своей молодости" [5. S. 89], ср. также [6].

⁴ При исключительно литературоведческом взгляде Кунца остаются нераскрытыми многие позитивные стороны произведения, и в том числе образы, которые их выражают. В изменениях темпорита и звучания (часто неожиданных и быстрых) – совершенно явное стремление достичь наиболее яркого впечатления разнoбoя, нащупывания, тупиков, смятения и других атрибутов, присущих поискам молодых в данный период.

Масарик послужил источником этого образа в качестве объекта и повлиял на него. Конечно, здесь исчезла сила личности Масарика и осталась заимствованная, безжизненная философия обязанности и правил. Однако и в этой форме она обладает значительной притягательностью. На периферии ее влияния оказывается Копулент, не совсем убежденный, но, несмотря на это, способный распространять дальше идеи позитивизма и отрицания. Его противник – "апостол социализма" Тузар, который хотя и восходит к тому же источнику, но его зависимость от будущего делает из этого персонажа трагикомическую фигуру, поданную Дыком даже карикатурно. Другой центр общего "силового поля" – сам Гакеншмид. Дык подчеркивает, что именно такие личности были типичнейшим явлением для своего поколения; Гакеншмид – дитя своего времени. Он не принадлежал к какому-либо политическому направлению или организации, но воспринимал и измерял их, пропуская через призму своей личности. Его критерий – жизнь, а сознание жизни измеряется любовью и смертью. В этом сила его позиции, которая не меняется от охлаждающего воздействия Гилариуса и помогает сопротивляться пусть даже ценой наивысшей жертвы. Все напряжение в романе "Конец Гакеншмида" основано на оппозиции: догма критицизма против правды жизни.

Контрапунктом обоих романов и, очевидно, всего замысла Дыка является второе интермеццо из романа "Конец Гакеншмида" (который, несомненно, более удачен, чем "Декабрь"), названное "Видение Гакеншмида". Его центральная фигура – "сборщик черных дроздов", что представляет собой многослойное понятие, которое означает намного больше, чем только дыковское *vojnot*, как отмечает Кунц. "Сборщик черных дроздов" или "пятидесятилетний" – это Т.Г. Масарик, притягательный, убежденный и сомневающийся, помещенный автором в конкретное время и пространство Праги. Масарик как краеугольный камень прогрессистских надежд, Масарик как критерий для чешской действительности. Дык делает такого Масарика центром поэтического образа, созданного комбинацией реального и фантастического, равно как и сам "пятидесятилетний" – "такой трезвый и такой фантастический". В этом образе до конца представлено все, что являли собой отмеченные Масариком прошлое, настоящее и будущее Чехии. Его подтверждение – повторяющееся как рефрен высказывание "сборщика черных дроздов": "Нация Хельчицкого должна жаждать бесконечного" [8].

Т.Г. Масарик в интермеццо о "сборщике черных дроздов" воспринял только ироническое острие, направленное против него, и отреагировал очень болезненно. Polemika, которая возникла между ним и Дыком, была жесткой и явно показала, что Масарик уже окончательно разошелся с молодым поколением. При этом суть притчи Дыка составляет открытие, что прогрессистское движение связано исключительно и единственно с Масариком, что совершенно непредвзято утверждал, например, и Э. Радл [9]. Дык на суждения Масарика отреагировал лишь через пять лет, по случаю его 60-летия⁵ [10] (ср. также: [3. S. 369]). Уже в начале первой статьи он характеризует Масарика как феномен, неотъемлемый от духовного настроения молодежи конца XIX в.: "Т.Г. Масарик – это наша действительность, как бы мы о ней не судили. Тот, кто будет изучать конец прошлого и начало нынешнего века, непременно должен будет остановиться на этой интересной фигуре. Уже третье десятилетие он оказывает влияние на молодежь. И будет заманчиво по прошествии времени посмотреть, в какой форме проявилось у отдельных поколений его влияние. Масарик влиял как учитель, как критик, как философ, как политик. В разные периоды брало верх то одно, то другое, соответственно формируя учеников согласно тогдашнему облику Масарика. Масариковцы развивались вместе с Мастером и изменялись подобно ему. Но Масарик оказывал влияние не только на своих учеников, сторонников, верящих ему. Он воздействовал, – позитивно или негативно, – и на ряд других, стоявших

⁵ Речь идет о восьми фельетонах Дыка, опубликованных в журнале "Samostatnost" с 1 марта по 19 апреля 1910 г.

в стороне или даже выступавших против него. Дух Масарика, отзвуки его суждений, влияние его метода вы обнаружите и там, где не ожидаете" [10, 1 III].

Тридцатитрехлетний Дык в своих фельетонах стремится разрешить "проблему Масарика" раз и навсегда. К общей характеристике личности Масарика он добавляет следующее: "У Масарика бывали противники, однако, в большинстве своем не очень опасные для него. Легкие победы деморализуют. Масарик усвоил под их влиянием ощущение некоей своей непогрешимости, жесткие формы полемики, назойливое высокомерие. Было весьма неприятно вступать с ним в спор. Это заранее значило идти на борьбу за каждое слово, значило бестактность с его стороны, состязание вместо обмена мнениями. Масарик все больше становился проповедником, который не выносит возражений; веря, что в каждом случае оно нечистоплотно или по крайней мере ничтожно? При несогласии с ним он становился обидчивым до мелочей; он произносил обобщенные суждения и напоминал глухаря на току, слишком увлеченного своей идеей. Он словно переставал понимать по-чешски, и понимать вообще" [10, 1 III]. Дык шаг за шагом прослеживает дальше историю характерного для его сверстников отношения к Масарику, начиная с первого впечатления от Мастера: "Это было в 1896 г. Зал был набит, не хватало мест. Те, кому удалось захватить место в первых рядах, нетерпеливо смотрели на двери. Мастер вошел и начал лекцию. Голос милый, симпатичный; в каждой его фразе – убежденность в своей правоте. Волшебство его личности завораживало слушателей: идейная тривиальность казалась им откровением" [10, 1. III]. Дык отмечает, что при первых встречах ему мешал не сам Масарик, а восхищение им, восторженно-пассивная среда, которая создавала благоприятную почву для возникновения кумира в лице того, кто низвергал кумиров. Это отношение потом автоматически переносилось на внутреннюю борьбу в "Славии". Дык участвовал в заранее проигранной агитации ("если мы агитируем, мы должны подавить приступы иронии"), разочарованный общим восприятием Масарика как спасителя ("Профессор Масарик с нами, – сказал добрый коллега. Еще сегодня я слышу этот акцент, в нем была удовлетворенность кого-то, у кого не было собственного суждения, что он может опереться на авторитет, авторитет профессора Масарика. Это были фанфары блуждающего во тьме, который все-таки нашел дорогу") [10, 1. III].

Во втором фельетоне Дык подробнее показывает атмосферу в "Славии", где сформировался тип масариковцев-"подмастерьев", которые были карикатурой на Мастера. Хотя ни в первом, ни во втором фельетоне нет упоминания о романе "Конец Гакеншмида", становится очевидным, что Дык поступает подобно Э.А. По, который сопроводил своего "Ворона" "философией поэтического произведения", и также строит исторический комментарий к художественному образу романа, объясняя рождение своих героев. Собственный горький опыт выражают слова, относящиеся ко всему поколению: «Мы были какими-то жертвенными; мы перенесли все, а те, кто пришел после нас, черпали так мало из нашего опыта, как обычно бывает у следующих поколений. И у всех тех живых и мертвых была своя болезненная глава, горькая часть жизненного романа, озаглавленная так, как мой фельетон: "Т.Г. Масарик"!» [10, 8 III]. В итоговом анализе Дык коснулся исторического метода Масарика. Личное участие, а может быть, постоянно ранящая душу личная потеря не позволяют Дыку взглянуть на этот "метод" с высоты целого комплекса влияний Масарика, как это в будущем сделает, например, М. Маховец⁶ [11]. Он демонстрирует его на несчастной фразе Палацкогго: "Мы ставим добро человеческое выше добра национального". Фраза, вырванная из контекста, совершенно бессмысленно создала представление о существовании двойного добра и программную необходимость выбора "истинного". Способ, каким здесь неясное высказывание было употреблено (или с помощью

⁶ Ср., например: "Рассуждения Масарика о чем-либо прошедшем имеют поэтому всегда, без исключения, цель современную; ему важна коммуникация живого человека современности с живыми людьми вчерашнего дня, ему не так важны сведения, они чисто вспомогательны, важна жизнь, которая может быть углублена, приумножена пересечением с жизнью иначе сформированных людей прошлого" [11. S. 122].

которого было злоупотреблено им), напоминает своей абсурдностью ключевую фразу "пятидесятилетнего": "Нация Хельчицкого должна жаждать бесконечного". В связи с понятиями национального и человеческого добра Дык приписывает Масарику и порождение почти болезненной боязни какого-либо проявления шовинизма.

В третьем фельетоне Дык с помощью ряда суггестивных вопросов анализирует участие Масарика в гильснериаде⁷. Почему Масарик выступает обстоятельнее, чем Золя в деле Дрейфуса? Почему именно это дело было вынесено на суд европейской общественности, когда столько других проблем представлялись более важными? Дык задает эти вопросы не для того, чтобы получить ответы. Он спрашивает так, как спрашивала чешская общественность, и, в совершенстве зная ее недоверчивый менталитет, констатирует, что небывалую степень заинтересованности Масарика она объяснила была оценить как несоответствие его другим подобным действиям. Поскольку она видела несоответствие, то и спрашивала: почему? "Из этого несоответствия, – пишет Дык, – в широких слоях возникла легенда о еврейских деньгах" [10. 15 III]. Согласно Дыку, все дело, однако, в конечном итоге не было для Масарика неудачным, ибо "кумир" приобрел еще и статус мученика.

В четвертом фельетоне на основе юбилейных статей из журнала "Čas" к 60-летию Масарика Дык подчеркивает, что практика подтвердила его мысль о нескритичности восхищения учеников "пророком критики", выдвинутую им в 1896 г. От доказательства двойственности воспитательного воздействия Масарика он переходит непосредственно к его реакции на роман "Гакеншмид". Почва была подготовлена им в совершенстве, и теперь он мог пунктуально реагировать на суждения Масарика о романе, причем не защищая свое произведение, а обнаруживая сущность критики Масарика, исходящей из позиции "читающего, который не читал".

Последний, восьмой, фельетон завершает весь разбор: "Заканчиваю. Пресса реаллистов создала некое представление о моих грубых нападках на Т.Г. Масарика. Я еще раз пересмотрел свое отношение к нему в своих фельетонах: повторяю, что не вся деятельность Масарика, а реалистическая легенда разрастается и процветает. Я прошу непредвзятого читателя, чтобы он спокойно выслушал другую сторону в шуме торжеств и курениях фимиама, в лирике юбилея. Если и была на чьей-то стороне грубость, то не на моей" [10. 19 IV]. Не все читатели журнала "Samostatnost" охотно приняли заключительную фразу Дыка. Среди них были представлены оба лагеря, испытывавшие воздействие Масарика: ученики и почитатели. Дык явно относился к первой, численно гораздо меньшей группе.

Масарик был для Дыка важным источником вдохновения, из которого исходила и в котором нашла отражение борьба Дыка за понимание национальной идеи в новых общественных обстоятельствах. Одновременно Масарик был для Дыка тем, кто освободил критику и сделал ее важнейшим принципом совершенствования. Дык воспринял этот принцип, но избавил его от демагогии и холодной логики, оторванных от переживания и чувства. Итоговую форму он применил в первую очередь к тому, кто стоял у начала этого пути. Он обратился с критикой к каждому "учителю критики". Он стремился быть противником Масарика в игре и тяжело переживал слабые места в его атаках, потому что все еще хотел видеть в Масарику силу⁸. А. Гартл определяет динамику отношения Дыка к Масарику как поэтапную. Первый этап характеризуется влиянием Масарика на студенческую среду в 1896–1899 гг. Второй этап соответствует периоду 1900–1910 гг. и характеризуется медленным освобождением от предыдущих влияний и "журналистской борьбой против масариковства". Вершину этого этапа Гартл явно усматривает в восьми фельетонах Дыка в журнале "Samostatnost". Третий

⁷ Имеется в виду дело Гильснера, обвиненного в ритуальном убийстве. – *Прим. пер.*

⁸ Ср. слова Дыка в 1929 г.: «Я был одним из наиболее яростных противников Масарика, но не по личным, а по деловым причинам. Если кто-то спокойно перечитает интермеццо о сборщике черных дроздов в романе "Конец Гакеншмида", он не сможет не признать, что я смог воздать должное своему противнику в ближайшем бою с ним. Сама схватка показала, что у меня были серьезные причины противостоять известной теории и практике реализма» [12. С. 10].

этап Гартл воспринимает скорее как перипетию сближения Дыка с Масариком в оппозиции и в борьбе за свободу (1911–1920)⁹, после которой наступило новое противостояние с Масариком [3].

Мы полагаем, что все, непосредственно касавшееся личности Дыка, было связано с первыми двумя периодами, но не окончилось ими. "Принцип Масарика" как критерий Дык, несомненно, пронес через всю свою жизнь. Гартл верно определяет среду, в которой зародился образ Гилариуса, – в кругу "Студенческого сборника" 1895–1897 гг., где сформировалась наиболее ортодоксальная группа "подмастерьев" Мастера и где Дык, по словам Гартла, "проходил практику". Представление о гилариусовской атмосфере подкрепляет и замечание поэта К. Главачека, смотрешего на события извне, т.е. с еще большей дистанции, чем "практикант" Дык: «Посмотрите только сегодня на наших братьев. Одни молодые старики. Пойдемте на их собрания! Здесь нет привычной оживленности, остроумия – это выглядит как заседание ученой академии, где дискутируют седые профессора. Не пытайтесь сказать что-нибудь в шутку – в вас сразу заподозрят совершенно плоского и шаблонного, пустого человека, которых, как принято говорить, приходится на дюжину пятнадцать. Слушайте! Каждое второе слово – "нравственное совершенствование", "реформа", "Старики" и т.д. Все ворчливы, раздражены, подозрительны. Они подорвали в себе способность доверять и хотят ее подорвать в других. Они на все отвечают усмешкой» [15. S. 61]. "Принцип Гилариуса" из романа Дыка, согласно Гартлу, был создан также "шауэризмом"¹⁰. Дык, однако, ни в одном своем отзыве о романе "Конец Гакеншмида" не упоминает о Г. Шауэре. Пятнадцать лет разницы в возрасте ни в один период не играли столь важной роли, как в последнее десятилетие XIX в. В 1892 г. в тридцатилетнем возрасте Шауэр умер, а пятнадцатилетний Дык только расправлял крылья для полета. Разным был и творческий склад двух личностей. Шауэр обладал духом преимущественно критическим (поэтому он нашел наивысшую степень понимания и положительного отклика у Ф.Кс. Шальды), тогда как пространство Дыка было всегда вблизи границы между историческим познанием и художественным ощущением (поэтому его "Гакеншмид" из-за своей художественной неоднородности подвергся критике со стороны Шальды).

Масарик отверг не только Гилариуса, но и Гакеншмида, наиболее дорогого для Дыка персонажа. Именно в нем заметно отразились проблемы его поколения, прежде всего чувство дилетантизма, которое отнимало спокойствие и сосредоточенность, заставляло менять специальность и оставляло неовплощенные концепции.

Для понимания образно воссозданной Дыком атмосферы 90-х годов XIX в. полезно

⁹ В начале 1911 г. Дык вступил в Государственно-правовую прогрессивную партию и в апреле того же года согласился быть кандидатом от 10-го избирательного округа. Из пяти претендентов он оказался на четвертом месте и отразил этот эпизод своей политической жизни в "книге стихов и избирательных протоколов" "Проигранные кампании" (Прага, 1914). В 1913 г. он написал послесловие к книге А. Гайма "По государственно-правовому и прогрессивному". В сентябре следующего года была закрыта "Samostatnost", и Дык одновременно оказался в пятичленном комитете, который управлял во время войны Государственно-правовой прогрессивной партией. С сентября по декабрь 1914 г. он несколько раз по работе встречался с Масариком. В следующем году Э. Бенеш потребовал от него, чтобы он как лидер партии и хороший журналист уехал за границу. Дык использовал проволочки с паспортными формальностями, потому что свое настоящее место в борьбе за нацию он видел на родине. В 1915 г. он был на основании своих фельетонов в "Lidové noviny" обвинен в "намерении подстрекать в печати к ненависти и презрению к государственному управлению". В следующем году он был арестован за государственную измену и содержался в заключении в Праге и Вене. 30 мая 1917 г. был выпущен из-за недостатка доказательств. В феврале 1918 г. Дык участвовал в основании Национально-демократической партии, которую в различных должностях представлял до своей смерти в 1931 г. [13; 14].

¹⁰ Гартл, очевидно, имеет в виду первый выход Гилариуса на сцену с речью о нации: "Нация не есть нечто само по себе имеющее право на существование, лишь при известных предпосылках ее сохранение может быть заслуживающим признания. Проблема такова: наносит или может нанести германизация больше вреда, чем национальная борьба? Точнее, будет ли большим благом для всеобщего, для человечества, его развития и прогресса, если удержится наша национальная единица или если мы примкнем к большему национальному целому?" [8. S. 49]. Ср. с многократно дискутированной статьей Г. Шауэра "Наши два вопроса" [16].

сопоставить его с другими, связанными с литературой представителями его "жертвенного" поколения, в первую очередь со Станиславом Косткой Нейманом. Свои литературные воспоминания он открывает главой "Политический эпизод". Он писал ее весной 1911 г. с иронической отстраненностью, которая была характерна для отрезавших прогрессистов. В прологе мы находим фразу: "Ибо политические чувства тоже имеют свою судьбу" [17. S. 11]. Мы можем воспринимать ее как преувеличение, сделать которое Нейману позволила семнадцатилетняя удаленность от бури 1893 г., но у Дыка, не менее ироничного, даже в более отдаленных временных координатах мы не найдем ничего, что соответствовало бы словосочетанию "политические чувства". В отличие от Дыка, Нейман действительно способен видеть прошлую ситуацию так, как требует название главы его воспоминаний: как политический эпизод. Он закончен, включен в надлежащие рамки. "Из весьма странного младочешского общества, чрезмерно политизированного, вышли добродетельные и упорные позитивные политики; прогрессистскому движению, слишком неоднородному, суждено было рассеяться. А чешский лев почувствовал настоятельную потребность самого приличного поведения, он причесался и стал вегетарианцем. Это старая чешская история: мы вскипели, расцвели и сами собой охладели и добровольно опали" [17. S.12]. Нейман по прошествии времени способен сказать: "ладно". То, что у него остается от ощущения потери, – это не сознание личной роковой отмеченности, а чувство коллективного упрямства. Дык восприимчив к душевным ранам отмеченного поколения, тогда как Нейман с горечью жалеет о приоткрывшихся, но так и не достигнутых свободах: "Эти девяностые годы кажутся мне чем-то таким прекрасным для меня и таким замечательным для народа, что меня оставляет радость жизни, если вдруг какие-либо события или личности напомнят мне те времена. Это, однако, не привычная ностальгия по *старым добрым временам*, чья краса явно преувеличена, это не тоска, несправедливая к современной жизни. Это также не только печаль об улетевшей молодости. Это чувство тех, кто живет в оковах и увидел свободу, живет во мгле, но видел солнце. Великий и славный подъем идеальной национальной энергии, такой стихийный и глубокий – вот что такое свободное и ясное половодье, в котором я родился и вырос, которое научило меня мечтать о лучшем мире и которое не дает мне сейчас выть с волками чешского полумрака. Я не хочу этим сказать, что в те годы все было великим и прекрасным, что дети не шалили, и мужчины не ошибались, но я утверждаю, что тогда в Чехии жилось, как никогда прежде не доводилось, и, конечно, в тысячу раз яснее, чем сегодня. Мы были тогда как молоденькая, но раскидистая черешня. Однако потом мы не росли нормально и правильно, многие ветви у нас высохли и остались от них одни обрубки, а еще больше ветвей у нас еле держится и приносит слабые плоды – плоды возникшие не из здоровых соков энтузиазма, а из холодных расчетов карьеристов и себялюбцев" [17. S. 14–15]. Ключевые понятия Неймана: МЫ – СОЛНЦЕ – СВОБОДА. Это характерно для поэта, который как ребенка любил "чернь и природу", который в первых стихах был "сынчком Махара", для которого неполный год, проведенный в тюрьме "на Борах", был единственным временем в жизни, когда он "немного потолстел". Карел Главачек был для него "больной пролетарий с придушенной музыкой в боязливой душе, со скрипичной музыкой напрасных мучений" [17. S. 159]. Его стихи он любил и осознавал их место в чешской поэзии, но какой-либо призрачности и болезненности не было в спектре его собственных творческих интересов. Нейман, человек полнокровно чувствующий и чувственный, точно знал, что мрачные стихи возникают в "мерзкие вечера, когда женщина слишком близко и все же так далеко" [17. S. 64]. Неймана не могла преследовать тень Гакеншмида как напоминание о 1890-х годах, и Масарик был для него не травмой, но распространителем идей, с которыми можно согласиться, а можно и не соглашаться.

Спонтанное, немедитативное отношение к актуальным проявлениям жизни было – благодаря жанровой и тематической однозначности – еще больше выражено у поэтического спутника Неймана Франтишка Гельнера, чьи сборники стихов "После нас

хоть потоп" и "Радости жизни" вошли в чешскую поэзию начала XX в. Отзвук былой склонности к анархическому крылу движения 1890-х годов был теперь выражением болезненной, провокационно выставленной напоказ разорванности всех связей. У Неймана осталась возможность еще несколько десятков лет следить за судьбой человеческих масс ("мы") во имя светлых ожиданий, которые должны были реализоваться в будущем. Ни прежний полупролетарский анархист Гельнер, ни будущий непролетарский коммунист Нейман не избежали притяжения Франции. Это были, однако, не Бурже или Ренан, которым они присягали, но французское изобразительное искусство, богема и прежде всего восхищение французской общенациональной сильной привязанностью к идее социальной справедливости. Конец века у Гельнера и главным образом у Неймана пронизан жизненной силой и способностью заключить каждый эпизод девизом: *incipit vita nova*¹¹. Исторического сознания Дыка с чувством личной ответственности за необходимое качество индивидуальной творческой деятельности, как и незаживающих ран от невозможности его достигнуть, мы здесь искать не будем.

Перевод *Н.В. Шведовой*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Urban O.* Česká společnost 1848–1918. Praha, 1982.
2. *Veselý A.P.* Omladina a pokrokové hnutí. Praha, b.d.
3. *Hartl A.* Masaryk, realisté a Viktor Dyk // *Naše revoluce*. 1931. № 7.
4. *Dyk V.* Prosinec. Praha, 1906.
5. *In memoriam Arne Nováka*. Brno, 1940.
6. *Archiv Akademie věd České republiky. Fond J. Westadt. Strojopisy přednášek pro Historický klub z roku 1960.*
7. *Kunc J.* Slovník soudobých českých spisovatelů. I. Praha, 1945.
8. *Dyk V.* Konec Hakenschmidův. Praha, 1904.
9. *Rádl E.* Pokrokářství a realism // *Československá republika*. 1920.
10. *Dyk V.* T.G. Masaryk // *Samostatnost*. 1910.
11. *Machovec M.* Tomáš G. Masaryk. Praha, 1968.
12. *Dyk V.* Ad usum pana presidenta republiky. Praha, 1929.
13. *Hartl A.* O politickém básníku. Poznámky k dílu Viktora Dyka 1877–1931. Brno, 1931.
14. *Med J.* Viktor Dyk. Praha, 1988.
15. *Hlaváček K.* Dějiny sokolství // *Dílo Karla Hlaváčka*. I. Praha, 1930.
16. *Hubert Gordon Schauer.* Osobnost, dílo, doba. Sborník příspěvků z mezioborového symposia. Litomyšl, 1994.
17. *Neumann S.K.* Vzpomínky. Praha, 1931.

¹¹ Начинается новая жизнь (лат). – *Прим. перев.*

© 2002 г. А.Н. ГОРЯИНОВ

ТРАГИЧЕСКАЯ СТРАНИЦА БИОГРАФИИ В.И. ПИЧЕТЫ В СВЕТЕ ОДНОЙ СТЕНОГРАММЫ 1928 ГОДА

В 1989 г. белорусский исследователь Э.Г. Иоффе опубликовал в минской "Учительской газете" статью [1. С. 4], которая впервые пролила некоторый свет на странные метаморфозы в служебной деятельности признанного лидера исторической части советского славяноведения конца 1930-х – середины 1940-х годов академика Владимира Ивановича Пичеты (1878–1947). В 1978 г. дочь Пичеты Ксения Владимировна глухо упомянула в воспоминаниях об академике 1931–1935 гг. как "самый тяжелый в жизни отца период", когда он "был вынужден прервать свою педагогическую деятельность и жить в Вятке", оторванным "от семьи и любимого дела", а затем почему-то оказался в Воронеже [2. С. 118]. Спустя год А.Е. Москаленко разыскал и опубликовал краткую автобиографию ученого, где тот сообщил о себе: "С 1921 по 1930 год – ректор и профессор Белорусского гос[ударственного] университета. С 1931 по 1934 г. – нормировщик и заведующий отделом кадров в кооперативе общественного питания в Вятке. С 1934 по 1935 г. – профессор педагогического института в Воронеже" [3. С. 69]. Несомненно, ни К.В. Пичета, ни А.Е. Москаленко не имели возможности адекватно объяснить приведенные ими факты ввиду цензурных запретов. Статья Э.Г. Иоффе стала первой, прервавшей вынужденные недомолвки, – в ней сообщалось, что в 1930 г. В.И. Пичета был арестован, обвинен "в белорусском буржуазном национализме, великодержавном шовинизме и прозападной ориентации" и сослан в Вятку, а затем переведен в Воронеж [1. С. 4].

В 1990-е годы о ссылке В.И. Пичеты в Вятку и Воронеж неизменно упоминалось в посвященных ему работах. Были опубликованы некоторые документы Пичеты этого периода, свидетельствующие о пережитых им тяжелых испытаниях [4. С. 108–112; 5. С. 174–175], вышли в свет первые тома материалов "Академического дела", по которому привлекался к ответственности ученый [6]. Наиболее подробно трагическая страница биографии будущего академика освещена в статьях Э.Г. Иоффе; последняя и наиболее полная из них вышла в 1996 г. [7. С. 217–229]. К сожалению, в статье Иоффе, которые в значительной своей части написаны на основе бесед с родными В.И. Пичеты и некоторыми его минскими знакомыми, вкрались за давностью лет и несовершенством человеческой памяти значительные неточности; они повторены и в самых последних работах других авторов [8. С. 136–142; 9. С. 56–73]. Наряду с этим некоторые важные обстоятельства, связанные с репрессиями в отношении Пичеты, еще остаются "белыми пятнами". Одно из них – истинная причина преследования

Горяинов Андрей Николаевич – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

ученого. Выяснить ее помогает неизвестная историкам славистики и биографам В.И. Пичеты стенограмма 1928 г., напечатанная в том же году в виде второго номера "Бюллетеня ВАРНИТСО" [10].

Аббревиатура ВАРНИТСО заменяла в советском обиходе не слишком благозвучное название общественно-научной организации "Всесоюзная ассоциация работников науки и техники в помощь социалистическому строительству СССР". Учредительная конференция ВАРНИТСО, материалы которой вошли в два опубликованных в 1928 г. бюллетеня (в первом номере опубликованы подготовительные материалы к конференции, во втором – стенографический отчет о ее работе) прошла в Москве с 23 по 26 апреля 1928 г. В.И. Пичета участвовал в конференции и как ректор Белорусского государственного университета, и как инициатор создания Белорусского общества работников науки и техники в помощь социалистическому строительству (БОРНИТСО) – организации, сформированной в Белоруссии для поддержки возникшего в Ташкенте и Харькове в 1926 г. движения по объединению научных и инженерно-технических работников.

Деятельность Пичеты в это время развивалась успешно. Возглавив летом 1921 г. первое в Белоруссии высшее учебное заведение – Белорусский государственный университет, создававшийся на пустом месте в разоренном войной и польской оккупацией Минске, он внес значительный вклад в создание материальной базы, формирование преподавательского коллектива, налаживание учебной и научной работы БГУ. Сам ученый был там одним из лучших лекторов, опубликовал много научных работ по актуальной для Белоруссии тематике. Вместе с тем Пичета хорошо вписался в белорусскую партийную и советскую правящую элиту. Достаточно сказать, что профессором возглавлявшегося им университета являлся первый секретарь ЦК КПБ В.Г. Кнорин и что он еженедельно встречался для обсуждения университетских дел с председателем ЦИК и Совнаркома БССР А.Г. Червяковым.

О доверии руководства республики к В.И. Пичете в 1920-е годы свидетельствует его неоднократное избрание в состав Центрального исполнительного комитета БССР, он был также членом минского горсовета и даже возглавлял такую идеологически важную в условиях тех лет организацию, как Общество безбожников БССР [11. С. 10–21, 30–37; 12. С. 14–15]. В конце 1926 г. в Белоруссии было торжественно отмечено 25-летие научно-педагогической деятельности В.И. Пичеты, причем правительство республики накануне юбилейных торжеств специально учредило присвоенное вскоре ученому почетное звание "Заслуженный профессор БССР" [1. С. 4].

По-видимому, организаторы ВАРНИТСО отводили Пичете во вновь создаваемой ассоциации одну из видных ролей: он пользовался у руководства Белоруссии авторитетом, принадлежал к советской научной бюрократии. Наконец, для осуществления тех целей, ради которых создавалась ВАРНИТСО, немаловажным являлась принадлежность Владимира Ивановича к провинциальной науке, центры которой, как не без основания считалось, настроены против столичных научных учреждений.

Задачи, которые ставили перед ВАРНИТСО ее московские организаторы (в их состав входили как некоторые члены официальной инициативной группы по созданию ВАРНИТСО, так и пожелавшие остаться в тени такие фигуры, как, например, печально прославившийся впоследствии на посту Генерального прокурора СССР А.Я. Вышинский), откровенно изложены в материалах их негласного заседания, сохранившихся в фонде ассоциации. В этих материалах с тревогой отмечалась растущая политическая активность интеллигенции, все отчетливее осознававшей свою роль в хозяйственном строительстве, и прямо указывалось, что создаваемая структура должна была заняться ее подавлением. Был разработан целый набор соответствующих методов, включавший, в частности, подрыв авторитета наиболее видных ученых, еще веривших в возможность в Советском Союзе научной работы без примеси политики и занятых по преимуществу "своими специальными научными интересами", изоляция этих ученых от общественности путем нанесения ударов "по их окружению

и той массе, которая может их поддержать"; что же до менее видных интеллигентов, то против них должны были применяться методы "прямой и открытой борьбы"¹.

Основным объектом, против которого должна была направить свою деятельность новая ассоциация, стала союзная Академия наук, еще сохранявшая остатки независимости в решении научных вопросов. По существу, создание ВАРНИТСО явилось тем первым шагом, после которого начался процесс "подчинения" АН, закономерно завершившийся пресловутым "академическим делом" 1929–1931 гг.

Как справедливо отмечал исследователь деятельности ВАРНИТСО И.А. Тугаринов, аппарату "нужны были люди, которые занялись бы поиском врагов и их уничтожением. Эту задачу должна была выполнить ВАРНИТСО" [14. С. 96]. Сравнительно немногочисленные члены ассоциации (в нее предложено было принимать с жесточайшим отбором) должны были стать некоей кастой избранных, неким воинствующим орденом, действующим экстремистскими методами. Видного провинциального ученого В.И. Пичету приглашали в создаваемый орден на одну из видных ролей. Однако те, кто организовывал ассоциацию, в расчетах на Пичету допустили промах. Это и стало истинной причиной наступивших вскоре трагических событий в его жизни.

Учредительная конференция ВАРНИТСО открылась вступительной речью руководителя инициативной группы биохимика А.Н. Баха. С докладом о деятельности группы выступил ученик и ближайший сотрудник Баха, известный своим участием в балзамировании тела Ленина, Б.И. Збарский. Широко используя для сокрытия от непосвященных истинного смысла своих высказываний словесную шелуху "теоретического" характера, он достаточно ясно показал истинные цели организаторов. В докладе интеллигенция СССР была поделена на три группы, только одна из которых трудилась безоглядно и беззаветно или, как докладчик завуалированно сказал о ее работе, – "с полной верой и с воодушевлением". Оставив эту группу в стороне, Збарский сосредоточил внимание на двух других – "врагах" и "колеблющихся". В докладе были подвергнуты резкой критике широко процитированные высказывания так называемых "врагов", из которых видны их старания обратить внимание властей на недостатки системы. Призывая к решительной борьбе с этими критиками, Збарский одновременно требовал ужесточить отношение к "колеблющимся", т.е. не проявлявшим безусловной политической преданности ученым, и "вытеснять" (по существу отлучать) их из науки [10. С. 7–28].

По замыслу руководителей конференции, Пичета как инициатор создания белорусской предшественницы ассоциации – БОРНИТСО – должен был вместе с представителями аналогичных организаций из Харькова и Ташкента задать тон прениям. Он получил слово одним из первых, но выступил совсем не по сценарию. Начав с того, что белорусская делегация, представляющая "научных работников, разбросанных по всей территории Белоруссии", "приветствует организацию ВАРНИТСО как полностью отвечающую ее общественно-политическим взглядам и тем практическим задачам, которое ставит современное социалистическое строительство", он далее дал понять, что для Белоруссии мало актуальна основная направленность доклада Збарского, поскольку там "совсем нет тех препятствий и тех недоразумений, какие, может быть, есть в центре и на других окраинах". «Наши научные работники, – продолжал Пичета, – как местные, так и приезжие, всегда прекрасно помнили и понимали, что только единство науки с трудом может создать новую жизнь и способствовать социалистическому строительству... В этом отношении мы представляем из себя одну семью, и организация общества "ВАРНИТСО" даст нам возможность еще теснее сплотиться, даст возможность еще энергичнее повести ту работу, которая здесь ставится...» Не отрицая, что "в Белоруссии есть несколько острых вопросов, в частности вопрос национальный", ректор БГУ подчеркнул, что "среди научных работников у нас нет противников национальной политики" и "правого лагеря,

¹ Излагается и цитируется по [13. С. 139–153].

о котором здесь говорилось", хотя (видимо, из тактических соображений) допустил, что, "может быть, в этом отношении наша белорусская организация представляет из себя исключение" [10. С. 40].

В связи с речью представителя ташкентских ученых А.Л. Бродского, заявившего о необходимости завоевания новой структурой авторитета среди интеллигенции, выступающий отметил, что в Белоруссии "научные работники сами укрепили свой авторитет, как в глазах студенческой массы, так и в глазах советской общественности, ибо каждый из нас работает не за страх, а за совесть, и своей работой поддерживает и укрепляет свой авторитет". В заключение в выступлении Пичеты было подчеркнуто, что научные работники Белоруссии с самого начала революции отдают "свои силы на то, чтобы приобщить трудящиеся массы к культурным заданиям, к социалистическому строительству" [10. С. 41].

К речи представителя Белоруссии некоторые делегаты отнеслись с осторожным и хорошо замаскированным сочувствием. Инженер из Новосибирска Г.И. Черемных начал, например, свое выступление с поддержки слов Пичеты о возрождении белорусского региона после установления советской власти. "Сибирь в хозяйственном отношении также возродилась с момента Советской власти..." – заявил он [10. С. 50]. Пермский профессор М.И. Альтшуллер хотя и назвал утверждение Пичеты о единстве научных работников Белоруссии "ошибочным", поскольку в этом случае белорусская организация ассоциации вопреки "такому разумному предостережению" "организаторов ВАРНИТСО в Москве" должна была бы стать массовой, призывал вместе с тем "объективно отнестись ко всем научным группировкам" и предостерег от того, чтобы "считать, что только ВАРНИТСО имеет право на научное признание". "Задача заключается в том, – подчеркнул он, – чтобы эту дифференциацию использовать лучшим образом в целях социалистического строительства" [10. С. 52].

Однако большая часть участников прений из числа делегатов, заранее подбирившихся организаторами при подготовке конференции, или промолчала, или выступила против Пичеты. Харьковский профессор М.И. Яворский заявил, что на Украине дело обстоит совсем не так, как представил ректор БГУ [10. С. 59]. Яворского поддержал профессор из Киева С.Ф. Пастернак, который начал с того, что представители Украины не стоят "на точке зрения официального радужного благополучия в отношении научных и технических работников, как это делает профессор Пичета" [10. С. 75]. Наиболее резкой критике выступление Пичеты подверглось в речи ректора Ленинградского университета М.В. Серебрякова, посвященной в основном нападкам на деятельность Академии наук. Под одобрительные аплодисменты он заявил, что сторонников капитализма среди интеллигенции, считающих коммунизм утопией, "мы должны не объединять, а вытеснять. Мы должны устранить ее (эту группу. – А.Г.) из всех учреждений, из высших учебных заведений, из всех научно-исследовательских институтов... Со временем мы должны лишить эту публику... огня и воды..." Назвав выступление Пичеты "единственным диссонансом" среди всех, выступивших в прениях, Серебряков сказал, что никогда не был в Белоруссии, не знает тамошних условий, но думает, "что следует предостеречь против подобного благодушия и ничем не оправданного оптимизма" [10. С. 61]. В конце прений по докладу Збарского член белорусской делегации профессор А.А. Смолич фактически дезавуировал выступление своего коллеги, сославшись на то, что "тот процесс борьбы, который в РСФСР только начинается, у нас продолжается уже в течение целого ряда лет" и что Пичета "говорил главным образом о современном положении...", которое в результате этой борьбы "более или менее благоприятно" [10. С. 77–78].

Случилось так, что В.И. Пичете пришлось не только открывать прения на конференции, но и завершать их при работе одной из секций. 25 апреля 1928 г. он выступил по докладу О.Ю. Шмидта о роли высшей школы в социалистическом строительстве. Видимо, новых нападков Пичета избежал лишь потому, что прения заканчивались. На этот раз ученый резко критиковал органы Наркомата финансов, "которые только считаются с цифрами, а больше ничего не хотят знать". Он жаловался, что

финансовые органы урезают средства на лабораторные занятия и что Наркомфин "начинает ставить препятствия и не дает средств" для изучения аспирантами иностранных языков [10. С. 167]. В завершение выступления был поставлен вопрос о том, чтобы перестали перегружать общественной работой членов партии – студентов и аспирантов. "Для нас, конечно, очень интересно, чтобы лица партийные или лица пролетарского и крестьянского происхождения, – говорил Пичета, – занимали первые места... Но иногда аспиранты-партийцы так заняты общественной работой, что не могут заниматься наукой и, таким образом, они занимают аспирантуру, а толку от них никакого нет..." [10. С. 168].

Шмидт в заключительном слове вынужден был ответить на критику Пичеты. Он назвал утверждения о задержке средств иллюзиями, но не опроверг их по существу, лишь призвав в общей форме к исправлению имеющихся недостатков путем установления более тесных контактов между вузовской и партийной общественностью.

Особая позиция В.И. Пичеты не могла остаться безнаказанной. Деятельность ВАРНИТСО поддерживалась и направлялась самыми высокими инстанциями, декларация о ее создании была одобрена секретарем ЦК ВКП(б) В.М. Молотовым, о предстоящей деятельности ассоциации один из ее организаторов, А.Н. Бах, беседовал с членом Политбюро Н.И. Бухариным [13. С. 138]. Кара была жестокой и изощренной: представителя провинциальной науки, формально не имевшего с центральным научным учреждением СССР – Всесоюзной академией наук – никаких связей, возвели в ранг одного из руководителей якобы действовавшей в СССР антисоветской академической организации.

Впрочем, это случилось два года спустя, после соответствующей подготовки, которая, видимо, началась сразу после конференции ВАРНИТСО. В точном соответствии с тактикой, разработанной руководителями ассоциации, уже в конце 1928 г. были сделаны попытки изолировать Пичету и подорвать его авторитет. Сначала был выдвинут ряд политических обвинений против БГУ, затем стали расправляться с ближайшими сотрудниками ректора. Тщательно срежиссированная кампания велась под флагом борьбы с буржуазным национализмом, наличие которого в Белоруссии Пичета на конференции ВАРНИТСО решительно отрицал [15. С. 113–115]. Надо отметить, что в конце 1920-х годов подобные акции по запугиванию интеллигенции проходили и в других регионах страны, обычно принимая в национальных образованиях форму борьбы с "буржуазным национализмом".

В. Конон считает, что травили В.И. Пичету местные "сталинисты, враги белорусской культуры, разного рода карьеристы, наконец, просто демагоги по призванию" [15. С. 115]. Однако в свете стенограммы учредительной конференции ВАРНИТСО становится очевидным, что травля хотя и велась местными силами, но была развернута по требованию из Москвы. "Загонщиками" стали университетские доценты Славин и Гольман. Как свидетельствует сам В.И. Пичета, их политическое прошлое позволяло легко ими манипулировать. Славин пришел в БГУ незадолго до начала травли. "Надо полагать, что он не только преподавал свой предмет, – пишет Пичета, – но внимательно, с помощью разных лиц, собирал разнообразные материалы, слухи и сплетни..." [16]. 9 февраля 1929 г. Славин выступил в газете "Рабочий" со статьей, направленной на дискредитацию ряда преподавателей БГУ и прежде всего ректора. Пичета был обвинен в "национал-демократизме". Еще дальше пошел Гольман. Выступив на съезде научных работников Белоруссии, он обвинил ректора БГУ не только в "белорусском национализме", но и прямо заявил о его "антимосковской ориентации" (цит. по [15]).

Пичета пытался сопротивляться. Видимо, вначале его поддержало руководство республики, во всяком случае ученому была предоставлена возможность ответить обвинителям на страницах республиканской газеты "Советская Белоруссия". 7 марта 1929 г. В.И. Пичета выступил в ней со статьей "Атака с непристойными средствами". Он тоже обвинял оппонентов в различных политических грехах – Славина в сионизме, "бундизме", даже в борьбе против национальной политики ВКП(б); Гольмана –

в троцкизме и выступлениях против белорусской культуры. Травлю со стороны Славина и Гольмана ректор объяснял их попытками противодействовать усилиям по проведению в жизнь решений советской власти о так называемой белорусизации, которая предусматривала перевод делопроизводства и обучения на белорусский язык [16].

Одновременно В.И. Пичета попытался защитить своих сотрудников. Э.Г. Иоффе передает красочный рассказ академика АН БССР В.А. Сербенты, бывшего в 1920-е годы директором Института истории партии при ЦК КП(б)У, о посещении Пичетой минского ОГПУ и беседе с заместителем его председателя. Хотя некоторые детали рассказа (например, описание, якобы со слов чекистов, внешнего вида Пичеты, сходное с позднее опубликованными воспоминаниями дочери) наводят на мысль, что Сербента излагал не точные факты, а связанные с ними слухи, сама акция ректора, по-видимому, действительно имела место. Заместитель председателя ОГПУ, по словам Сербенты, отвечал на просьбы ректора БГУ в грубой форме и дал ему понять, что прошедшие аресты университетских преподавателей – "это только начало" [7. С. 219].

"Продолжение" последовало осенью 1930 г.: 14 сентября В.И. Пичета был арестован [5. С. 174] и вскоре отправлен в Ленинград, где содержался в Доме предварительного заключения [7. С. 230]. Сведения о последних месяцах жизни ученого перед арестом отрывочны и противоречивы. Д.Б. Мельцер в 1978 г. в предисловии к библиографическому указателю "Владимир Иванович Пичета" без каких-либо комментариев пишет о пребывании Пичеты в Минске до 1929 г. в качестве ректора БГУ, а затем до 1930 г. – в качестве профессора университета [12. С. 15]. В. Канон в упоминавшейся уже статье 1989 г. также без комментариев сообщает об "изгнании" бывшего ректора БГУ из республики [15. С. 115], что как будто подтверждается следующей записью из "Дат жизни и деятельности В.И. Пичеты" в сборнике статей о нем, изданном БГУ в 1981 г.: "1930 г. Научный сотрудник Института истории АН СССР" [11. С. 124]. С другой стороны, К.В. Пичета вспоминает, что она приехала из Москвы к отцу в Минск на следующий день после его ареста [7. С. 219–220]², и, следовательно, он из Белоруссии не изгонялся.

Наконец, о некоторых фактах, казавшихся Г.Э. Иоффе причиной ареста В.И. Пичеты, он сообщил в своей статье 1996 г. без ссылки на конкретный источник. Белорусский исследователь пишет, будто в начале 1930 г. В.И. Пичета получил научную командировку в Москву и Ленинград. Встретившись в Москве с М.К. Любавским, он, по его просьбе, взял с собой некое письмо для передачи С.Ф. Платонову (за последним в то время уже следили агенты ОГПУ). Письмо, о содержании которого В.И. Пичета ничего не знал, было передано, но вскоре Платонова арестовали, и письмо оказалось в руках ОГПУ. "Работники ОГПУ узнали, что передал его Пичета, – пишет Иоффе, – тогда за ним тоже начали следить" [7. С. 219].

Версия Иоффе кажется малоубедительной по ряду причин. Прежде всего, ее не подтверждают слова самого Пичеты. В письме к М.Н. Покровскому от 12 ноября 1931 г., взывая о помощи, ученый писал, что "был два раза у Платонова по просьбе Егорова и Любавского", но от Егорова передал Платонову только "научную рукопись для отсылки в Германию...", а при посещении его 8 января 1930 г. "по просьбе Любавского сообщил Платонову, чтобы он не ездил в Москву в связи с архивами и не останавливался у Егорова, ибо Егорова звали в ГПУ..." [4. С. 109]. Следовательно, Любавский дал Пичете не письменное, а устное поручение. Видимо, последний не лукавит, ибо сообщает весьма характерные подробности своего разговора с С.Ф. Платоновым (например, об архивных материалах, наличие которых в учреждениях АН стало предлогом для развертывания "академического дела"), которые обычно в те годы старались не доверять бумаге и смысла в изложении которых в письменном виде

² Факт ареста В.И. Пичеты в Минске подтверждают в одном из примечаний и составители сборника "Академическое дело..." [6. С. 6].

не было. Кроме того, в свете стенограммы 1928 г. понятно, что взять всю деятельность В.И. Пичеты под пристальное наблюдение "органы" должны были значительно раньше, чем началась слежка за Платоновым. Наконец, сам факт передачи письма, даже если он и имел место, причина слишком мелкая и для привлечения к ответственности деятеля ранга Пичеты, и, особенно, для причисления его к руководящему ядру созданной усилиями ОГПУ мифической организации.

Если в 1928 г. Владимиру Ивановичу отводилась одна из видных ролей в организации, призванной громить Академию наук, то в 1930 г. его включили в так называемое "академическое дело", по которому обвинялись ленинградские и московские ученые и технические работники, связанные с АН. Из числа более чем 100 арестованных была выделена группа, осуществлявшая якобы "руководящую роль в создании и практической деятельности организации" (эту мифическую организацию, созданную фантазиями работников ОГПУ, следователи называли "Всенародным союзом борьбы за возрождение свободной России") [6. Вып. 1. С. V]. Наряду с академиками С.Ф. Платоновым, М.К. Любавским, Ю.В. Готье и другими, к этой группе был отнесен и В.И. Пичета. Все они обвинялись в связях с белоэмигрантами и в прозападной ориентации, а также в саботаже перестройки деятельности возглавлявшихся ими учреждений на социалистических началах. В одном из пунктов обвинения В.И. Пичеты значился также "белорусский буржуазный национализм". Для весомости, не забываясь о логике, был добавлен и противоположный пункт – "великорусский шовинизм" [1. С. 4; 17. С. 126].

В цитированном уже письме к М.Н. Покровскому от 12 ноября 1931 г. В.И. Пичета раскрыл методы следствия, проводившегося ОГПУ по "академическому делу". "...Мне возвращали мои показания для замены одних слов другими, не в мою пользу. Меня заставляли изменять мои выводы из моих показаний. Мне указывали, в каком стиле и тоне я должен был давать свои показания, ибо отказ, говорили мне, не в мою пользу... Меня заставляли признать *себя участником* организации, о которой я не имел никакого понятия, – я подписал все, что было написано следователем", – писал ученый [4. С. 110].

Измученный Пичета, как видно из письма, в тюрьме серьезно болел и дошел до высшей степени отчаяния. Он даже решил повеситься, но в последний момент оборвалась веревка. Ученому смогла помочь только работа. В письме Владимир Иванович сообщает, что еще может творчески трудиться, что написал в тюрьме около 120 печатных листов. "Эти работы спасли меня от духовного маразма", – пишет он [4. С. 110].

По постановлению Коллегии ОГПУ от 16 августа 1931 г. В.И. Пичета был административно сослан в Вятку на пять лет с зачетом времени следствия. Здесь на него обрушились новые несчастья: Пичета смог получить только постыльную и унижительную для его квалификации работу в кооперативе общественного питания, жил в голоде и холоде, много и серьезно болел [5. С. 174], пережил арест и осуждение своего единственного сына... [8. С. 141]. В 1934 г. ученый писал, что в Вятке осмотр врачей констатировал "общее истощение организма" [5. С. 174]. Из Вятки Пичета и отправил письмо М.Н. Покровскому. Примечательно, что оно написано рукой жены Владимира Ивановича, сам он не мог держать перо в руках. Не находя выхода, Пичета отчаянно зывал к наиболее решительному противнику академической науки. Он настаивал: "Помогите мне! Высылка неправильна. *Я верный и честный сын советской власти*" [4. С. 110].

М.Н. Покровский оставил отчаянный вопль без ответа. Мало того, 29 сентября 1932 г. он написал послание в ОГПУ (впрочем, неотправленное), при котором хотел переслать в это учреждение "письма историков, интернированных в различных областях Союза", среди которых упомянуто и письмо Пичеты. "Эти письма могут представить интерес для ОГПУ, мне же они совершенно не нужны", – цинично заявлял Покровский [4. С. 111–112].

Действуя через прокуратуру, В.И. Пичете удалось весной 1934 г. добиться перевода

в Воронеж. Как видно из опубликованного Ю.Ф. Ивановым "Прошения" ученого в "Комиссию по делам частной амнистии" при Президиуме ЦИК СССР от 25 ноября 1934 г., 11 апреля было принято соответствующее постановление ОГПУ; "в июле я был уведомлен об этом Вятским ОГПУ и 24 июля переехал в Воронеж", – сообщает В.И. Пичета. С 1 сентября Пичета "начал работать в Воронежском педагогическом институте в качестве профессора по истории народов СССР" [5. С. 174]. Положение В.И. Пичеты продолжало, однако, оставаться тяжелым. Для его характеристики важен рассказ одного из учеников Владимира Ивановича по БГУ Е.Г. Шуляковского, о котором мне любезно сообщила воронежский историк С.П. Боброва. "Вы, наверное, помните Е.Г. Шуляковского..., – писала она 2 мая 2001 г. – Он окончил Бел[орусский] гос[ударственный] ун[иверсите]т во время ректорства В.И. Пичеты, слушал его лекции и т.д. и т.п. И сохранил с ним контакты уже в [19]46–[19]47 гг. Он приглашал В.И. в Воронеж, на что тот отвечал, что в Воронеж он ни за что никогда не поедет, что хуже воронежской тюрьмы он не видел ничего. Это я слышала от Е.Г. сама".

С.П. Боброва далее пишет, что в рассказе Шуляковского непонятно хорошо запомнившееся ей слово "тюрьма" – ведь В.И. Пичета был уже ссыльным, а не заключенным. Противоречит его пребыванию в Воронеже в заключении и приведенное выше место из "Прошения" Пичеты о "переезде" в Воронеж. Остается предположить, что худшей "тюрьмой" для Владимира Ивановича оказался сам город его нового пребывания. Некоторые сведения, подтверждающие это предположение, имеются в "Прошении" Пичеты. Он жалуется на тяжелый для него моральный климат воронежской ссылки: "Как могу я покойно читать лекции студенчеству, – писал он, – когда мое имя появляется в списке лишенных избирательных прав", а жилищные органы требуют «выбросить меня из квартиры на улицу как "лишенца"». «За четыре года я устал от своего бесправного положения, при котором любое безответственное лицо может травить меня, как "врага рабочего класса", которым я никогда не был и быть не могу» – заключает эту часть "Прошения" ученый [5. С. 174].

В конце "Прошения" содержится просьба о сокращении срока ссылки на оставшиеся месяцы. Подействовала ли эта просьба (на нее Пичета долго не получал ответа и просил освобожденного раньше своего сопроцессника А.И. Яковлева узнать в ОГПУ о судьбе "Прошения" [5. С. 174–175]) или вмешались другие обстоятельства, неизвестно, но В.И. Пичета был освобожден досрочно. Однако в свете сказанного кажется совершенно неправдоподобным изложенный Э.Г. Иоффе рассказ А.П. Пичета о внезапном освобождении мужа в связи с приездом в СССР министра иностранных дел Чехословакии Э. Бенеша. По словам жены ученого, пишет Э.Г. Иоффе, «во время советско-чехословацких переговоров Чехословакия признала СССР и 9 июня 1934 г. был подписан документ об установлении с СССР дипломатических отношений. После этого Бенеш был принят Сталиным. Во время беседы Сталин спросил Бенеша: "Что вы хотели бы посмотреть в нашей стране, с кем бы хотели встретиться"? И тогда Бенеш неожиданно сказал: "Я хотел бы встретиться с известным ученым-славистом профессором Пичетой, а то у нас в Чехословакии ходят слухи, что он арестован и его даже нет в живых". Сталин обещал ему устроить такую встречу» [7. С. 221].

Ю.Ф. Иванов уже убедительно показал, что разговор между Бенешем и Сталиным не мог состояться в 1934 г., поскольку обмен письмами между Чехословакией и СССР об установлении дипломатических отношений был осуществлен 9 июня не в Москве, а в Женеве, и с советской стороны в нем участвовал не И.В. Сталин, а М.М. Литвинов; встреча же Сталина с Бенешем в Москве состоялась лишь год спустя, в июне 1935 г., когда В.И. Пичета уже был освобожден и находился в Москве [5. С. 174–175]. К соображениям Ю.Ф. Иванова следует добавить, что, как видно из "Прошения" Пичеты, решение о его переводе в Воронеж от 11 апреля 1934 г. уже существовало даже к моменту обмена письмами между Бенешем и Литвиновым; не исключено,

впрочем, что на смягчение режима ссылки ученого мог каким-то образом повлиять сам факт переговоров между СССР и Чехословакией об установлении дипломатических отношений и ожидающийся в связи с ними визит в Москву Бенеша.

В.И. Пичета был освобожден 26 апреля 1935 г., т.е. менее чем за полгода до окончания срока [7. С. 221].

Все связанное с арестом, ссылкой, освобождением В.И. Пичеты имело значение не только в качестве фактов его биографии. Трагические события в жизни повлияли и на характер, и на всю последующую деятельность ученого. «Те, кто выжил и сумел вернуться в науку, – пишут авторы предисловия к сборнику материалов по "академическому делу", – заплатились не только здоровьем, не только тем, что до конца жизни оказались в положении преследуемых в той или иной форме властями, но и моральной травмой, которая не позволила им в полной мере использовать свой профессиональный потенциал" [6. Вып. 1. С. XLIX]. Эти слова в полной мере относятся и к В.И. Пичете. После освобождения у него, как видно из позднейших фактов биографии ученого, появилось чувство какой-то неуверенности, выразившейся в том, что, занимаясь в архивах и создавая на основе отысканных документов новаторские труды, Владимир Иванович не всегда доводил их до публикации. Взявшись за некоторые сохранившиеся, он неожиданного прекращал их разработку. Наконец, в его архивном фонде сохранилось очень мало писем, что, по всей вероятности, свидетельствует о постоянной настороженности ученого и нежелании подвергать опасности знакомых в случае новых преследований. Видимо, такие опасения имели основания – во всяком случае, во время учебы в 1947–1952 гг. в МГУ до автора настоящей статьи неоднократно доходили глухие намеки на то, что от новых "неприятностей" ученого спасла лишь преждевременная кончина.

Из ссылки Владимир Иванович вернулся в 1935 г. не в Минск, а в Москву. Он не сразу нашел подходящую работу. Вначале пришлось довольствоваться преподаванием на рабфаке Пединститута им. В.И. Ленина, затем удалось стать профессором Института хлебопекарной промышленности. Лишь в 1938 г. В.И. Пичета был вновь зачислен в Московский университет и одновременно занял должность старшего научного сотрудника в Институте истории АН СССР [3. С. 69].

Так закончилась история выступления Владимира Ивановича Пичеты в 1928 г. на Учредительной конференции ВАРНИТСО. Ученый заплатил за это выступление дорогую цену, но сохранил научное и человеческое достоинство. Вскоре В.И. Пичета по праву возглавил советское историческое славяноведение. Он наконец занял подходящее ему место среди ученых, стал обладателем высших академических званий, а за несколько месяцев до смерти вместе с Б.Д. Грековым возглавил в качестве его первого заместителя Институт славяноведения АН СССР. К сожалению, деятельность В.И. Пичеты на этом посту продолжалась всего несколько месяцев. Он скончался 23 июня 1947 г. на 69-м году жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Юфе Э.Г.* Праз усе выпрабаванні // *Настаўніцкая газета*. 1989. 15 III.
2. *Пичета К.В.* Владимир Иванович Пичета: (Из воспоминаний дочери) // *Славяне в эпоху феодализма: К столетию академика В.И. Пичеты*. М., 1978.
3. *Пичета В.И.* Автобиография // *Историки-слависты Московского университета, 1939–1979 гг.: К 40-летию кафедры истории южных и западных славян: Материалы и документы*. М., 1979.
4. "Мне же они совершенно не нужны": Семь писем из архива академика М.Н. Покровского // *Вестник РАН*. 1992. № 6.
5. *Иванов Ю.Ф.* Когда и как был освобожден В.И. Пичета // *Вопросы истории*. 2000. № 7.
6. Академическое дело, 1939–1931 гг. СПб., 1993–1998. Вып. 1–2.
7. *Юффе Э.Г.* Академик В.И. Пичета (1878–1947) // *Новая и новейшая история*. 1996. № 5.
8. *Соколовский Л.Г.* История одной семьи: Йован Пичета и его потомки // *Вопросы истории*. 1999. № 9.

9. *Руколь Б.М.* В.И. Пичета – педагог и пропагандист идеи общности исторического развития славян: Новые архивные материалы // Историческая славистика в МГУ, 1989–1999: Сборник статей и материалов. М., 2000.
10. Бюллетень ВАРНИТСО. М., 1928. № 2. Стенографический отчет 1 Всесоюзной конференции ВАРНИТСО (23–26 апреля 1928 г.).
11. Академик В.И. Пичета: Страницы жизни. Минск, 1981.
12. *Мельцер Д.Б.* Академик Владимир Иванович Пичета // *Дукор Е.И.* Владимир Иванович Пичета: Биобиблиографический указатель. Минск, 1978.
13. *Тугаринов И.А.* ВАРНИТСО и идеологизация науки // Философские исследования. М., 1993. № 3.
14. *Тугаринов И.А.* История ВАРНИТСО, или Как ломали Академию в год великого перелома // Природа. М., 1990. № 7.
15. *Конон В.* Владимир Пичета как деятель белорусской культуры // Неман. Минск, 1989. № 5.
16. *Пічэта У.І.* Атака з нягоднымі сродкамі // Савецкая Беларусь. Мінск, 1929. 7 III.
17. *Брачев В.С.* "Дело" академика С.Ф. Платонова // Вопросы истории. 1989. № 5.

© 2002 г. Л.Н. СМИРНОВ

К ЮБИЛЕЮ СЕКТОРА СЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

По распоряжению Президиума АН СССР от 30 марта 1951 г. сектор филологии Института славяноведения АН СССР, существовавший с 1947 г., был разделен на два самостоятельных сектора: славянского языкознания (зав. д-р филол. наук С.Б. Бернштейн) и славянских литератур (его возглавил канд. филол. наук С.В. Никольский). До этого лингвисты работали в секторе филологии, но в нем с начала 1947 г. было всего три сотрудника: С.Б. Бернштейн, А.Г. Широкова и А.И. Павлович. В конце 1947 г. в сектор была зачислена Е.В. Чешко, а в 1949 г. – Э.И. Полтораднева (Зеленина). Если учесть, что Широкова и Павлович вскоре ушли, то кадровая база для развертывания лингвистических исследований в Институте в то время была явно недостаточной. С созданием сектора славянского языкознания ситуация в этом отношении быстро меняется. В 1951 г. сектор получает серьезное пополнение в лице А.М. Бульгиной-Шейнкерман, И.К. Буниной, Л.С. Малаховской, И.Е. Можяевой, Д.С. Мухиной (Станишевой) и К.И. Ходовой, а в 1952 г. в сектор приходят М.А. Гадолкина, Н.Х. Иванова (Перчинская), Л.Э. Калнынь и М.Г. Рожновская (Сенкевич). Затем, благодаря энергичным действиям С.Б. Бернштейна, сектор систематически пополнялся новыми сотрудниками (Р.В. Булатова, Г.К. Венедиктов, Е.И. Демина, В.А. Дыбо, М.И. Ермакова, А.А. Зализняк, В.М. Иллич-Свитыч, Г.П. Клепикова, Г.П. Нецименко, Л.Н. Смирнов, З.Н. Стрекалова, Н.И. Толстой, В.Н. Топоров, О.Н. Трубачев, Р.М. Цейтлин и др.). Таким образом, к началу 1960-х годов был создан солидный кадровый костяк сектора, что позволяло значительно расширить и углубить его научно-исследовательские программы.

Естественно, что на разных этапах истории Института в связи с задачами отечественного славяноведения вообще и славянского языкознания в частности внимание сотрудников сектора акцентировалось на тех или иных основных направлениях и проблемах, на наиболее актуальных темах, возникали новые направления, в связи с чем видоизменялись старые или разрабатывались новые теоретико-методологические подходы.

Одним из важнейших направлений научно-исследовательской работы сектора с самого начала его существования было историческое и сравнительно-историческое языковедение. В 1950–1960-е годы лингвисты Института внесли серьезный вклад в сравнительно-историческое изучение славянских языков. В первом выпуске "Вопросов славянского языкознания" (1954) была опубликована принципиально важная

Смирнов Лев Никандрович – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

статья С.Б. Бернштейна «Основные задачи, методы и принципы "Сравнительной грамматики славянских языков"», которая явилась концептуальной базой и программой исследований в этой области. В дальнейшем сравнительно-исторические исследования в Институте набирали силу, охватывая все более широкий круг актуальных проблем реконструкции праславянского языка, его диалектного членения, сравнительной грамматики славянских языков, изучение старославянского языка и древнеславянской письменности, истории литературных славянских языков, исторической диалектологии и т.п. Среди работ данного направления отметим "Очерк сравнительной грамматики славянских языков" С.Б. Бернштейна (1961, 1974), серию исследований по фонетике и фонологии (Л.Э. Калнынь, С.М. Толстая, С.К. Шаумян и др.), книгу М.А. Гадолиной об истории личных и возвратных местоимений, коллективную монографию "Творительный падеж в славянских языках" и др. Активно изучались проблемы старославянского языка, особенно касающиеся его грамматического строя (исследование Н.И. Толстого о прилагательных, И.К. Буниной о глагольных временах, книги К.И. Ходовой о падежной системе и о простом предложении в старославянском языке).

В 1950–1960-е годы важное место в работе сектора занимала проблема балтославянских языковых отношений. В исследованиях С.Б. Бернштейна, В.Н. Топорова, В.М. Иллича-Свитыча, В.А. Дыбо и других предлагались новые подходы к ее решению, разрабатывались оригинальные гипотезы, связанные с этой сложной и дискуссионной проблемой. В последующие годы она плодотворно изучалась прежде всего в секторе структурной типологии.

Существенные результаты были получены при диахроническом изучении грамматического строя западнославянских и южнославянских языков. Здесь можно назвать монографии И.К. Буниной "История глагольных времен в болгарском языке", Е.В. Чешко "История болгарского склонения", З.Н. Стрекаловой "Из истории польского глагольного вида", а также большое число статей Г.К. Венедиктова, Е.И. Деминной, М.И. Ермаковой, И.Е. Можяевой и др.

Важные успехи были достигнуты в области славянской этимологии и исторической лексикологии (работы О.Н. Трубачева, В.Н. Топорова, Н.И. Толстого, Р.М. Цейтлин и др.). С трудами О.Н. Трубачева связано формирование новой этимологической школы в отечественном языкознании. При диахроническом изучении лексики большое внимание уделялось топонимике и ономатике. В работах 1970-х годов В.Н. Топорова, О.Н. Трубачева, Н.И. Толстого было сделано немало ценных наблюдений, важных в аспекте освещения проблем славянского этногенеза. Значительным вкладом в изучение праславянской лексики является также опубликованная уже в 1994 г. монография А.Ф. Журавлева "Лексикостатистическое моделирование системы славянского языкового родства". В сфере изучения лексики старославянского языка многое сделано Р.М. Цейтлин, которая внесла существенный вклад также в сравнительное исследование лексики древних славянских языков ("Сравнительная лексикология славянских языков X/XI–XIV/XV вв. Проблемы и методы", 1996). И, конечно, несомненным достижением в изучении лексики старославянского языка является "Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.)" (ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерка и Э. Благова, 1994) – результат многолетнего научного сотрудничества лингвистов Института славяноведения РАН и Славянского института АН Чешской республики. Словарь имеет не только научное, но и большое практическое значение – это необходимое учебное пособие для студентов-гуманитариев и полезный справочник для всех, кто интересуется историей славянской письменности.

Несколько меньшее внимание в 1960–1970-е годы уделялось проблемам исторического словообразования, однако и здесь можно назвать ряд важных работ: прежде всего две монографии Г.П. Нецменко и особенно ее докторскую диссертацию "Очерк деминутивной деривационной системы в истории чешского литературного языка" (1980). В последние годы лексика и словообразование снова оказались в центре внимания ряда сотрудников сектора (отдела), о чем свидетельствуют, например,

монография Т.И. Вендиной "Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования" (1998), продолжающиеся исследования Г.К. Венедиктова "Новая лексика болгарского языка эпохи Возрождения в контексте культуры XIX в.", В.С. Ефимовой "Словообразовательная морфемика старославянского языка" и др.

Следует особо отметить несомненные достижения лингвистов Института в сравнительно-историческом изучении славянской акцентологии. Развивая традиции отечественных и зарубежных ученых в этой области славянского языкознания, В.М. Иллич-Свитыч, В.А. Дыбо, А.А. Зализняк и их ученики подняли историческую и сравнительно-историческую акцентологию на качественно новый уровень, разработали теоретические и методические принципы системного анализа и описания акцентных парадигм и типов, которые в настоящее время успешно применяются при исследовании не только славянских, но и других языков. Не перечисляя их хорошо известные монографии, лишь отмечу, что данное направление весьма успешно развивается и в настоящее время (коллективные монографии В.А. Дыбо, Г.И. Замятиной, С.Л. Николаева "Праславянская акцентология и лингвогеография" (1993) и "Основы славянской акцентологии. Словарь" (1990), новейшая монография В.А. Дыбо "Морфонологизованные парадигматические акцентные системы. Типология и генезис" (2000)).

Несомненно крупнейшим достижением в области лингвистической компартистики явились труды В.М. Иллич-Свитыча, который фактически стал основоположником новой отрасли языкознания – сравнительной грамматики ностратических языков. В его статьях и в ностратическом словаре, опубликованном посмертно под редакцией В.А. Дыбо ("Опыт сравнения ностратических языков" (1971, 1976)) не только блестяще доказано родство большой группы языков Старого Света, предложена реконструкция генетически общих лексических и морфологических элементов этих языков, но и разработаны методические принципы решения сложнейших проблем отдаленного родства ряда языковых семей.

Важное место в работе сектора занимали и занимают историко-диалектологические и связанные с ними лингвогеографические исследования: серия первых лингвистических атласов – "Атлас болгарских говоров в СССР" (1958), "Болгарский диалектологический атлас" (совместно с болгарскими коллегами, 1964); диалектологические экспедиции болгаристов Института в 1950–1960-е годы, результаты которых отражены, в частности, в серийном издании "Статьи и материалы по болгарской диалектологии" (С.Б. Бернштейн, И.К. Бунина, Г.К. Венедиктов, В.К. Журавлев, Э.И. Зеленина, Г.П. Клепикова, Н.В. Котова, Т.В. Попова, Н.И. Толстой и др.) Большую роль в изучении проблем истории славянских языков, их контактов с другими языками, а также в решении некоторых вопросов этногенеза славян сыграли такие крупные начинания, как "Общеславянский лингвистический атлас", в течение длительного времени бывший объектом многостороннего международного научного сотрудничества (С.Б. Бернштейн, Т.И. Вендина, Л.Э. Калнынь, Г.П. Клепикова, Т.В. Попова и др.); "Общекарпатский диалектологический атлас" – также проект, выполнявшийся в течение двух десятилетий по планам международного сотрудничества (С.Б. Бернштейн, Е.И. Демина, Г.П. Клепикова, Е.Н. Овчинникова, И.А. Калужская, Т.Ф. Семенова, В.В. Усачева). Его задачей являлось исследование процессов взаимодействия и интерференции славянских и неславянских языков и диалектов карпатского ареала. Этой же проблематике была посвящена монография Г.П. Клепиковой "Славянская пастушеская терминология. Ее генезис и распространение в языках карпатского ареала" (1974).

С работой над "Общекарпатским диалектологическим атласом" был связан интересный замысел особого лексикографического труда – "Карпатского ареально-этимологического словаря" (с 1986 г. под руководством Л.А. Гиндина; участвовали И.А. Калужская, М.А. Осипова, Т.Ф. Семенова). Был подготовлен пробный выпуск, написаны первые варианты пробных словарных статей. К сожалению, безвременная кончина Л.А. Гиндина не позволила завершить данный труд.

С именем Л.А. Гиндина было связано еще одно направление в работе сектора – античная балканистика, включавшая изучение реликтовых языков балканского ареала и прилегающих территорий, начальных этапов славянизации Балкан, вопросов этногенеза балканских народов. Исследования по этой проблематике (Л.А. Гиндин, И.А. Калужская) проводились в тесном контакте с историками и археологами, было организовано несколько симпозиумов, опубликован ряд сборников.

В диахроническом аспекте к числу основных направлений работы сектора относилось и относится также изучение проблем древней славянской письменности и истории литературных славянских языков. Это направление тесно связано с исследованием широкого комплекса вопросов истории и истории культуры славянских народов, эволюции из этнического и национального самосознания.

Что касается истории славянской письменности, то большая заслуга Института и сектора состоит, в частности, в том, что после многолетнего перерыва, обусловленного объективными и субъективными факторами, удалось восстановить традицию отечественной славистики в такой сложной и важной области, как издание и филологическое исследование памятников славянской письменности. Крупным достижением в этом плане явился фундаментальный труд Е.И. Деминой "Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник XVII в.", опубликованный в трех томах в Софии (1968, 1971, 1985). Исследование выполнялось по плану сотрудничества с Институтом болгарского языка БАН. К сожалению, значительные объективные трудности последних лет не дают возможности завершить и опубликовать четвертый том этого издания – "Словарь книжного болгарского языка на народной основе". Другое издание, также выполненное в сотрудничестве с Институтом болгарского языка БАН, – "Норовская псалтырь. Среднеболгарская рукопись XIV в." (1989) (подготовили Е.В. Чешко, И.К. Бунина, В.А. Дыбо, О.А. Князевская, Л.А. Науменко).

Интерес к проблемам истории литературных славянских языков в секторе заметно оживился в конце 1950-х – начале 1960-х годов. Сотрудники сектора опубликовали ряд статей, посвященных начальному этапу формирования болгарского и словацкого литературных языков, истории сербского и словенского литературных языков. В дальнейшем история литературных славянских языков стала одним из приоритетных направлений исследовательской работы сектора. Особенно большое внимание было уделено проблемам становления литературных славянских языков эпохи национального Возрождения. Следует подчеркнуть, что лингвисты работали в тесном сотрудничестве с историками, историками культуры и литературоведами в рамках крупной комплексной проблемы "Закономерности развития народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху перехода от феодализма к капитализму". Было издано несколько комплексных коллективных трудов, в которых участвовали также и лингвисты (С.Б. Бернштейн, Г.П. Нецименко, Л.Н. Смирнов, З.Н. Стрекалова, Н.И. Толстой, а также внеинститутские авторы: В.П. Гудков, О.С. Плотникова, А.Г. Широкова, П.А. Дмитриев, К.И. Логачев, К.К. Трофимович и др.). Лингвистами был опубликован коллективный труд "Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков" (1978), который явился первым опытом параллельного освещения процессов возникновения и развития национальных литературных языков западных и южных славян. В дальнейшем данная проблематика разрабатывалась главным образом на материале болгарского, сербского, верхнелужицкого и словацкого языков. Особо отметим монографию Г.В. Венедиктова "Болгарский литературный язык эпохи Возрождения. Проблемы нормализации и выбора диалектной основы" (1990) и книгу Н.И. Толстого "История и структура славянских литературных языков" (1988). И в последние десятилетия проблематика истории литературных славянских языков продолжает оставаться одной из основных. Об этом свидетельствуют организованные сектором международные научные конференции (1993, 1994, 1999), ряд опубликованных коллективных трудов: "Славянские литературные языки эпохи национального возрождения" (отв. ред. Г.К. Венедиктов, 1998), "Проблемы славянской диахронической социолингвистики: динамика литературно-

языковой нормы" (отв. ред. Е.И. Демина, 1999), "Роль библейских переводов в развитии литературных языков и культуры славян" (отв. ред. Л.Н. Смирнов, 1999), а также проекты, получившие поддержку РГНФ: "Российская филологическая наука и зарубежное славянство: отечественные слависты XIX в. о формировании национальных литературных языков южных и западных славян", "Роль переводов Библии в становлении и развитии славянских литературных языков", монография М.И. Ермаковой "Серболужицкие литературные языки и диалекты" и др.

Направления и проблемы, которые связаны с изучением структуры и функционирования современных славянских литературных языков и диалектов в синхронном аспекте, включают, прежде всего, изучение грамматического строя. Первым серьезным достижением в этой области была книга "Вопросы грамматики болгарского литературного языка" (отв. ред. С.Б. Бернштейн, 1959), которая послужила важным импульсом для развития грамматических исследований и на материале других славянских языков. От публикации отдельных статей сотрудники сектора постепенно перешли к изданию специальных страноведческих сборников, в которых значительное внимание уделялось вопросам фонетики, фонологии, грамматики, словообразования и лексики: "Исследования по чешскому языку" (1963), два сербо-лужицких лингвистических сборника (1963, 1970), "Исследования по польскому языку" (1969), "Исследования по сербохорватскому языку" (1972), "Исследования по словацкому языку" (1992).

Начиная с 1960-х годов публикуется ряд монографий, в которых исследуются различные грамматические и лексико-грамматические категории, главным образом глагольные. Особенно большое внимание уделялось категории глагольного вида. Был внесен существенный вклад в науку о глагольном виде – аспектологию. В этом отношении подчеркнем особую роль работ Ю.С. Маслова, в частности его книги "Морфология глагольного вида в современном болгарском литературном языке" (1963) (Ю.С. Маслов с 1950 г. по 1960 г. являлся сотрудником сектора). Его аспектологические труды оказали заметное влияние на исследователей глагольного вида в нашей стране и за рубежом. Этой проблематике были посвящены монографии сотрудников сектора: Л.Н. Смирнова "Глагольное видообразование в современном словацком литературном языке" (1970) и З.Н. Стрекаловой "Морфология глагольного вида в современном польском литературном языке" (1979). Важные результаты были получены также в изучении категории глагольного времени, взаимодействия вида, способов глагольного действия, времени и наклонения. В исследование этих проблем была вовлечена большая группа исследователей (Р.В. Булатова, Г.К. Вендиктов, Е.И. Демина, М.И. Ермакова, Ю.С. Маслов, И.Е. Можяева, М.А. Осипова, Л.Н. Смирнов, З.Н. Стрекалова, Е.В. Чешко и др.).

Ценным вкладом в изучении грамматического строя серболужицких языков явились две книги М.И. Ермаковой: "Очерк грамматики верхнелужицкого литературного языка" (1973) и "Нижнелужицкое именное словоизменение" (1979). Следует также отметить интересную в теоретическом плане книгу М.Г. Рожновской "Синтаксис прилагательного в болгарском литературном языке" (1970).

В 1970–1980-е годы в центре грамматических исследований сектора находились актуальные в то время проблемы морфонологии, о чем свидетельствуют книга Т.В. Поповой "Глагольное словоизменение в болгарском языке" (1975), сборник "Славянское и балканское языкознание. Проблемы морфонологии" (1981), коллективная монография "Славянская морфонология. Субстантивное словоизменение" (отв. ред. Т.В. Попова, 1987). Уже в настоящее время разработку данной проблематики успешно продолжает С.М. Толстая.

Синхронное изучение языковой структуры осуществлялось также на материале славянских диалектов (Л.Э. Калнынь, Л.И. Масленникова, Т.В. Попова). В 1973 г. вышла монография Л.Э. Калнынь "Опыт моделирования украинского диалектного языка. Фонологическая система". В последнее десятилетие работа в данной области вновь заметно активизировалась, о чем свидетельствует, в частности, издание новой специализированной серии "Исследования по славянской диалектологии".

С начала 1980-х годов в работе сектора сформировалось новое, очень важное направление: синхронно-сопоставительное изучение литературных языков и местных диалектов. Необходимость перехода к подобного рода исследованиям диктовалась актуальностью задач сопоставительного и типологического языкознания. За последние 15 лет было проведено несколько международных конференций, опубликованы многочисленные статьи, несколько монографий и коллективных трудов, в которых анализировались разные уровни языковой структуры (Л.Э. Калнынь, Л.И. Масленникова – "Сопоставительная модель фонологической системы славянских диалектов" (1981), сборник "Сопоставительное изучение славянского словообразования" (отв. ред. Г.П. Нещименко, 1987), сборник "Синхронно-сопоставительные исследования грамматических систем славянских языков" (под ред. Т. Грек-Пабисовой и Л.Н. Смирнова, Варшава, 1992) и др. В работе по данной проблематике участвовало большинство сотрудников сектора, коллеги из других секторов Института, а также внеинститутские и зарубежные авторы.

В синхронно-сопоставительном аспекте важное значение имеет двуязычная лексикография. Крупным достижением в этой области является "Большой словацко-русский словарь" (Т. 1–6, Братислава, 1979–1996) – результат почти двадцатилетнего международного сотрудничества коллектива словацких авторов из Института языкознания им. Л. Штура САН и российских словакистов из Института славяноведения РАН (Л.Н. Смирнов) и издательства "Русский язык" (Н.Б. Троепольская). Этот фундаментальный труд, не имеющий аналогов в славянской лексикографии, наряду с несомненной научной ценностью, важен также в прикладном плане.

В последние 15–20 лет большое значение в работе сектора приобрело социолингвистическое направление исследований. В центре внимания подобных исследований – соотношение языка и общества, поэтому в них на передний план выходят проблемы анализа общих и специфических черт эволюции современной языковой ситуации, роли и места литературного языка в общей системе национального языка, особенностей функционирования литературных языков в современном обществе, вопросов языковой политики и т.п. Внимание к данной проблематике неслучайно. В современном языкознании все больше проявляется глубокий интерес к изучению языка не только в структурном плане, но и в его социальной и социокультурной обусловленности. Наши лингвисты сделали немало для развития социолингвистического направления в славянском языкознании. Наряду с институтскими авторами в разработке данной проблематики активно участвовали слависты Московского, Санкт-Петербургского, Львовского и Тартуского университетов (А.Г. Широкова, П.А. Дмитриев, Г.А. Лилич, Р.Х. Тугушева, К.К. Трофимович, А.Д. Дуличенко). Результатом явились, в частности, книга "Проблемы развития и функционирования современных славянских литературных языков" (отв. ред. Л.Н. Смирнов, 1993), коллективная монография "Тенденция интернационализации в современных славянских литературных языках" (отв. ред. Л.Н. Смирнов, 1997). Актуальные социолингвистические вопросы освещаются в интересной монографии Г.П. Нещименко "Этнический язык. Опыт функциональной дифференциации (на материале сопоставительного изучения славянских языков)" (Мюнхен, 1999).

Наряду с социолингвистикой и этнолингвистикой (представленной главным образом в отделе этнолингвистики), в последние годы в Институте благодаря инициативе и организаторским усилиям Г.П. Нещименко успешно развивается новое направление исследований – лингвокультурология, которое предполагает интердисциплинарное изучение языковых, этнокультурных и социальных процессов в их взаимосвязи и взаимодействии на основе системно-функционального подхода. Яркие результаты коллективных усилий в данной области – книги "Язык. Культура. Этнос" (отв. ред. Г.П. Нещименко, 1994), "Язык как средство трансляции культуры" (отв. ред. М.Б. Ешич, 2000). В том же ключе под руководством Г.П. Нещименко выполняется международный проект "Встречи этнических культур в зеркале языка".

В заключение хотелось бы отметить некоторые характерные черты в работе сектора славянского языкознания за прошедший период. Во-первых, сектор всегда сотрудничал с лингвистами других подразделений Института, а также с языковедами других академических институтов и высших учебных заведений; во-вторых, сектор постоянно поддерживал престиж Института как учреждения комплексного характера, что проявлялось, в частности, в совместной разработке сотрудниками Института – представителями различных отраслей гуманитарного знания – проблем этногенеза славян, развития этнического самосознания славянских народов, становления славянских наций; в-третьих, очень важную роль в работе сектора играло всестороннее международное научное сотрудничество.

Полвека – значительный срок в жизни научного коллектива сектора (отдела) славянского языкознания. За это время сделано было немало. Несмотря на некоторые сложности объективного и субъективного характера, на изменение кадрового состава, подразделение сохранило свое лицо и в настоящее время по-прежнему является неотъемлемым звеном структуры Института славяноведения РАН. Оно хорошо известно в нашей стране и за рубежом как важный научно-исследовательский и координационный центр в области славянского языкознания; сотрудники сектора внесли значительный вклад в развитие отечественной и мировой славистики.

© 2002 г. А.Н. ГОРЯИНОВ, М.Ю. ДОСТАЛЬ

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИСТОРИКОВ НАУКИ...
(О ПОСМЕРТНОМ СБОРНИКЕ СТАТЕЙ С.Б. БЕРНШТЕЙНА)

"Я прежде всего болгаровед, а уж затем все другое (славист-сравнитель, историк науки и т.д.)", – писал в 1953 г. в своих пока еще не опубликованных воспоминаниях (они сейчас готовятся к изданию) выдающийся отечественный филолог-славист Самуил Борисович Бернштейн, с сожалением отмечая при этом, что его "в последнее время перетягивают на сравнительную грамматику". В дальнейшем Самуил Борисович стал автором фундаментальных трудов по сравнительной грамматике славянских языков и опубликовал ряд интереснейших работ по истории славяноведения, однако наиболее близкой ему областью творческой деятельности оставалось изучение болгарского языка, прежде всего болгарской диалектологии. С 1960-х годов интересы ученого распространились на изучение говоров карпатского региона, тесно связанного в диалектологическом отношении с говорами Болгарии и тогдашней Югославии; при этом, однако, С.Б. Бернштейн не оставлял исследований собственно болгарских диалектов.

В последние годы жизни ученый составил план сборника своих диалектологических и лингвогеографических статей, для которого отобрал работы, сохраняющие, по его мнению, значение для современной славистики. Так же считают и специалисты-лингвисты, утверждающие, что статьи С.Б. Бернштейна не потеряли своей научной значимости. Сейчас сборник, подготовленный учениками и сотрудниками С.Б. Бернштейна, вышел в свет в издательстве "Индрик" [1]. Надеюсь, что рецензии языковедов с оценкой книги с диалектологической точки зрения не заставят себя ждать, мы остановимся только на историко-научной стороне опубликованных работ.

В сборник вошли 24 статьи. Они объединены в три раздела, первый из которых посвящен болгарской, второй – карпатской диалектологии и лингвогеографии, а третий – общим проблемам этих языковедческих дисциплин. Расположение разделов не совсем обычно (они, в соответствии с авторским планом, даны в сборнике не в последовательности "от общего к частному", а в обратном порядке), но вполне оправдано как научными пристрастиями Самуила Борисовича, так и всем ходом развития его научного творчества. В книгу не вошли работы С.Б. Бернштейна по истории науки, но вся она пронизана историзмом. И хронологическое расположение статей внутри разделов (от 1948 до 1983 г. в первом, от 1963 до 1993 г. во втором, от 1968 до 1990

Горяинов Андрей Николаевич – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Досталь Марина Юрьевна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

в третьем), и многочисленные обстоятельные экскурсы в статьи в историю разработки тех или иных проблем диалектологии и лингвогеографии (они представляют большую ценность для истории науки), и рассматриваемые в ряде статей вопросы методологии, методики и организации работы по сбору, обработке и картографированию диалектологических материалов создают насыщенный историко-научный фон диалектологических изысканий. Приведем в качестве примера только одну статью сборника – "Об одном важном источнике болгарского диалектологического атласа". В ней С.Б. Бернштейн останавливается не только на развитии представлений о ценности диалектологических материалов, собранных предшественниками, но и рассматривает эволюцию собственных представлений по данному вопросу. При этом ученый опирается как на свой опыт, так и – редчайший случай! – на дипломные работы студентов, названных поименно и поставленных, таким образом, в череду авторов анализируемых в статье работ, что характеризует уважительное отношение Самуила Борисовича к молодым исследователям.

Почти все статьи С.Б. Бернштейна, вошедшие в сборник, так или иначе связаны с работой над лингвистическими атласами, которую он возглавлял и в которой принимал самое деятельное участие. Среди них, конечно, наиболее многочисленные исследования, рассчитанные на специалистов-диалектологов (доклады С.Б. Бернштейна или совместные доклады ученого и его сотрудников на VI, VII, VIII, XI Международных съездах славистов, написанные в соавторстве вводные статьи к "Атласу болгарских говоров СССР" и "Карпатскому диалектологическому атласу", другие работы). Но в сборник вошли и статьи, предназначенные для широкого круга языковедов ("Лингвистический атлас болгарских говоров СССР", "Задачи изучения болгарских говоров СССР", "Интерференция языков карпатского ареала", "Лингвистические аспекты карпатистики"), и работы, популяризирующие идеи составления лингвистических атласов среди научной общественности ("Болгарский лингвистический атлас", "К вопросу о различных видах лингвистических атласов"). В этих работах автор, в частности, проявил себя как отличный стилист.

Одним из самых любимых занятий С.Б. Бернштейна были, судя по его воспоминаниям, диалектологические наблюдения. Во многих статьях сборника уделено значительное внимание описанию опыта, накопленного ученым за долгие годы полевых исследований. Этот опыт, несомненно, очень пригодится диалектологам, но его описание представляет большой интерес и для историков науки, поскольку помогает заглянуть в творческую лабораторию ученого, оценить способы и уровень развития диалектологических наблюдений в годы, когда ими занимался Самуил Борисович.

Сборник вышел в свет благодаря усилиям коллег С.Б. Бернштейна, многие из которых долгие годы работали под его руководством в Институте славяноведения. Книгу готовили к печати Г.К. Венедиктов и Р.В. Булатова, тщательно редактировали А.Ф. Журавлев и Г.П. Клепикова. Им – искренняя благодарность за преданность памяти Самуила Борисовича. Изданию предпослана статья Г.К. Венедиктова о диалектологическом наследии ученого, а завершает его библиография, состоящая из списка цитируемой и упоминаемой С.Б. Бернштейном литературы и перечня использованных в книге сокращений (трудоемкую работу по составлению этих списков провела Р.В. Булатова). Каждая статья снабжена указанием на первую публикацию.

К сожалению, тексты работ почти не снабжены комментариями, а в немногих случаях (три-четыре на всю книгу!), когда они даны в виде редакционных примечаний, комментарии весьма скупы. Между тем комментарии могли бы значительно увеличить историко-научную ценность сборника. Непонятно, например, без пояснений в примечании, на каком "предстоящем съезде славянских ученых в Москве" (С. 19) С.Б. Бернштейн в статье 1948 г. считает необходимым поговорить о совместной творческой работе советских и болгарских исследователей (как известно, такой съезд, к которому уже шла подготовка, не состоялся в связи с советско-югославским конфликтом). Напрашивается и более подробное примечание к с. 31: С.Б. Бернштейн

пишет здесь о двух выпусках планируемого им "Атласа болгарских говоров СССР" и сообщает, что во втором выпуске будут представлены образцы диалектологических текстов разных говоров; редакторы же ограничиваются замечанием, что "тексты опубликованы не были". Однако при работе с мемуарами ученого выясняются интересные подробности, свидетельствующие о нежелании академического издательства публиковать атлас и его согласия напечатать этот капитальный труд только в рамках подготовки изданий к IV Международному съезду славистов 1958 г. в Москве. "Однако директор издательства потребовал сокращения объема рукописи. Пришлось изъять все тексты", – пишет С.Б. Бернштейн.

Подобные примеры можно было бы существенно увеличить. Может быть, диалектологам примечания не так важны, но с точки зрения историка славистики они чрезвычайно желательны. В целом же сборник, несомненно, представляет большую ценность как для лингвистов (особенно для начинающих ученых, которые смогут прикоснуться к творческому наследию мастера), так и для историков науки, поскольку в нем прослежен генезис отечественного славяноведения в части диалектологии и лингвогеографии, начиная с первых послевоенных лет и кончая 1990-ми годами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бернштейн С.Б.* Из проблематики диалектологии и лингвогеографии. М., 2000.

ДИСПЕРСИЯ ГЛАГОЛА В ИМЕНИ

1.0. При превращении в имя глагол меняет исконную среду, переходит в чужую, и возникает частеречный сплав субстантоверб. Так как происходит преломление глагольности, данный процесс мы называем глагольной дисперсией (рефракцией), а сами глаголы дисперсными. Подобно преломлению в природе, при котором физические явления кажутся иными, при трансформации глагола в имя наблюдается своеобразное искривление. Основная характеристика дисперсных глаголов – превращение актуальной семантики во вневременную и торможение активности: дирестат¹ формально сохраняется (глагол декодируется), но он фактически нейтрализуется. Такой вербант (глагольный элемент) не выражает действие в данный момент (или только в данный момент), так как имя не отражает, не указывает на тот или другой отрезок времени (прошедшее, настоящее, будущее). Глагольный компонент выражает не действие как действие, а действие как характеристику, действие как ассоциацию, поэтому речь идет не о настоящей глагольности, а об ассоциативной, окаменевшей, из-за чего глаголы, которые входят в состав имен, можно назвать окаменевшими (реликтовыми).

1.1. Существует ряд случаев преломления и окаменения глаголов в именах. Так, на Адриатическом (черногорском) побережье есть скала, откуда, согласно легенде, одна девушка прыгнула в море и покончила с собой. С этого времени это место называют *Skočidjevojka* (*Прыгайдевушка*). В данном топониме глагол *skočiti* 'прыгнуть' воспринимается так, как воспринимается прыжок со скалы, запечатленный на фотографии, т.е. рефракция глагола доведена до предела, до такого уровня, когда от активной семантики остается лишь картина, напоминающая действие: *Skočidjevojka* – это 'то место, откуда девушка прыгнула в море'. Действие совершилось однажды и навсегда зафиксировано как "фото-действие". Аорист *skoči* выражает то, что совершилось в один момент, но глагольная форма является лишь формальным аористом, и поэтому лучше говорить о псевдоаористе, или застывшем аористе. И в других языках встречаются подобные случаи, например, в России существует скала *Пронеси Господи*, в Казахстане *Текелитау* 'гора, где водятся козлы'. Сюда также относится название мыса *Берегись*, деревни *Кинь Грусть* и др.

2.0. Категория собственности (индивидуальности) подразумевает наличие индивидуальных, единичных, уникальных предметов, выделенных из ряда однородных и безотносительно к их признакам. Если исходить из критерия уникальности, то очень мало имен собственных удовлетворяет данному критерию. Например, собственное

Тошович Бранко – д-р филол. наук, профессор Института славистики Университета в Граце.

¹ Дирестат – сокращ. от: ДРС (динамика, статика – значения глагола) – см. книгу: Б. Тошович. Глагольный категориал. Ополе; Грац, 1998.

имя *Петр* или фамилия *Петров* не обозначают уникамы (неповторимые, единственные в своем роде предметы), так как существуют сотни тысяч лиц с такими именем и фамилией. Ср. также: *Москва* (город, река, гостиница, ресторан, сигарета и т.д.). В составных именах индивидуальность, уникальность усиливается, ср.: *Александр – Александр Сергеевич* → *Александр Сергеевич Пушкин*. При индивидуализации семантики глагола возникает глагольное имя (вербальное имя, императивное имя) – собственное имя, образованное от глагольной формы. Оно функционирует в форме онимов (топоним, антропоним, зооним, фитоним и т.п.). Глагол входит в состав имени собственного в трех видах: а) как член имени-предложения (сказуемое)², б) как элемент сложного имени собственного (композиата), в) как единственная единица, которая образует имя.

2.1. Считается, что собственными именами бывают только имена и что собственные глаголов быть не может [1. С. 115]. Исходя из этой позиции, о собственных глаголах (*verba propria*) можно говорить лишь условно, имея в виду глаголы, которые используются для образования имен собственных. На этом же принципе можно выделять нарицательные глаголы (*verba appellativa*) – глаголы, которыми мотивируются нарицательные существительные.

2.2. На ономастологическом уровне основная разница между глаголом и существительным состоит в том, что глагол не может именовать, не характеризуя, в то время как существительное – может. Чтобы глагол считался настоящим собственным глаголом, он должен выполнять номинативную функцию (иметь предметное значение), называть единичные (индивидуальные) предметы и оставаться глаголом. Такой жесткий и очень узкий подход, вероятно, не может выполнить ни один глагол. Глаголы называют не предметы, а их признаки, поэтому можно говорить лишь об индивидуальных и уникальных признаках – действиях, состояниях, процессах и отношениях, т.е. о дирестатах, которые передаются соответствующими глаголами. Возьмем глагол *желтеть*. Он, с одной стороны, обозначает уникальный процесс превращения одного цвета в другой или усиление первого, а, с другой, *желтеть* может и *лист*, и *человек*, и *бумага*... Значит, процесс является уникальным, а предмет, который подвергается процессу, не уникальным. Такая же ситуация и с глаголом *белеть*, корень которого вступает в частеречные корреляции типа *белизна – белый – беловатый – бело – Белый (Андрей)*.

2.3. Хороший пример гетерогенной номинации и межчастеречной дисперсии дает Библия, где только лишь в "Бытии" мы нашли 57 различных наименований Бога (*Бог, Господь, Владыка, Ангел* и др.). В одном месте используется и причастие (субстантивированное):

Поэтому и доныне сыны Израилевы не едят жиры, которая на составе бедра, потому что *Боровишийся* коснулся жиры на составе бедра Иакова [Быт.: 32/32].

Слово *Боровишийся*, выступающее для мистификации, нельзя превратить в существительное типа *борец – боец – боевик*³.

2.4. Существуют две основные группы глаголов: 1) глаголы, на базе которых образуются имена и фамилии людей (*anthropoverba*); 2) глаголы, служащие для номинации животных (*zooverba*).

2.5. Что касается антропонимических глаголов (*anthropoverba*), то их довольно много: мы провели анализ шести русских словарей и источников ономастической лексики и обнаружили 173 глагольных антропонимических композиата. Императивы типа *Держиморда* представлены в 34 случаях (19,65%). Ни один из глаголов не обладает большой частотностью – самые употребительные глаголы входят в состав двух имен: *бороться (Боримир, Борислав), владеть (Владимир, Владислав) и гореть (Горислав,*

² Существуют и другие названия: имя-фраза, фразовое имя, имя-речение и т.п.

³ Подобная ситуация и с неопределенным местоимением: И остался Иаков один. И боролся *Некто* с ним до появления зари; и, увидев, что не одолевает его, коснулся состава бедра его и повредил состав бедра у Иакова, когда он боролся с Ним [Быт.: 32/24–25].

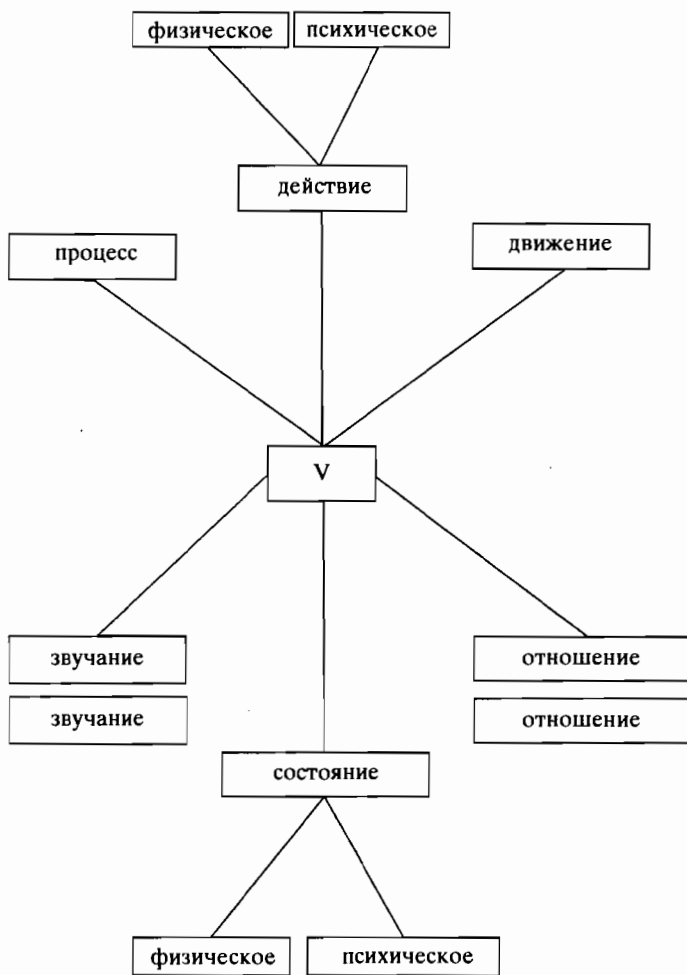

Схема 1

Горихвостов). Одним примером представлены остальные глаголы (*покинуть, будить, выворачивать, греметь, драть, загубить, крутить, мстить, радеть, родить, расти, творить, терпеть, убить, утверждать: Покиньчереда, Будимир, Вернидуб, Гремислав, Дерикорчма, Загубисундук, Крутиголова, Родислав, Ростислав, Творимир, Терпигорев, Убийволк, Твердислав*). В образовании антропонимов принимают участие следующие лексико-семантические группы: 1) глаголы физического действия *поднять (Подыминогин), крутить (Крутиголова), родить (Родислав), драть (Дерикорчма), убить (Убийволк)*; 2) глаголы психического действия – *мстить (Мстислав)*; 3) глаголы движения – *гнать/гонять (Волкогонов)*; 4) процессуальные глаголы – *варить (Вариборц)*; 5) глаголы отношения – *владеть (Владимир), быти*; 6) глаголы состояния – *терпеть (Терпигорев), гореть (Горихвостов), расти (Ростислав)*; 7) глаголы звучания – *греметь (Гремислав)*. Эти значения представлены в схеме 1. С такими глаголами сочетаются лишь определенные существительные. В схеме 2 приводятся те существительные, которые нами зафиксированы в русском, сербохорватском и украинском языках. С вышеуказан-

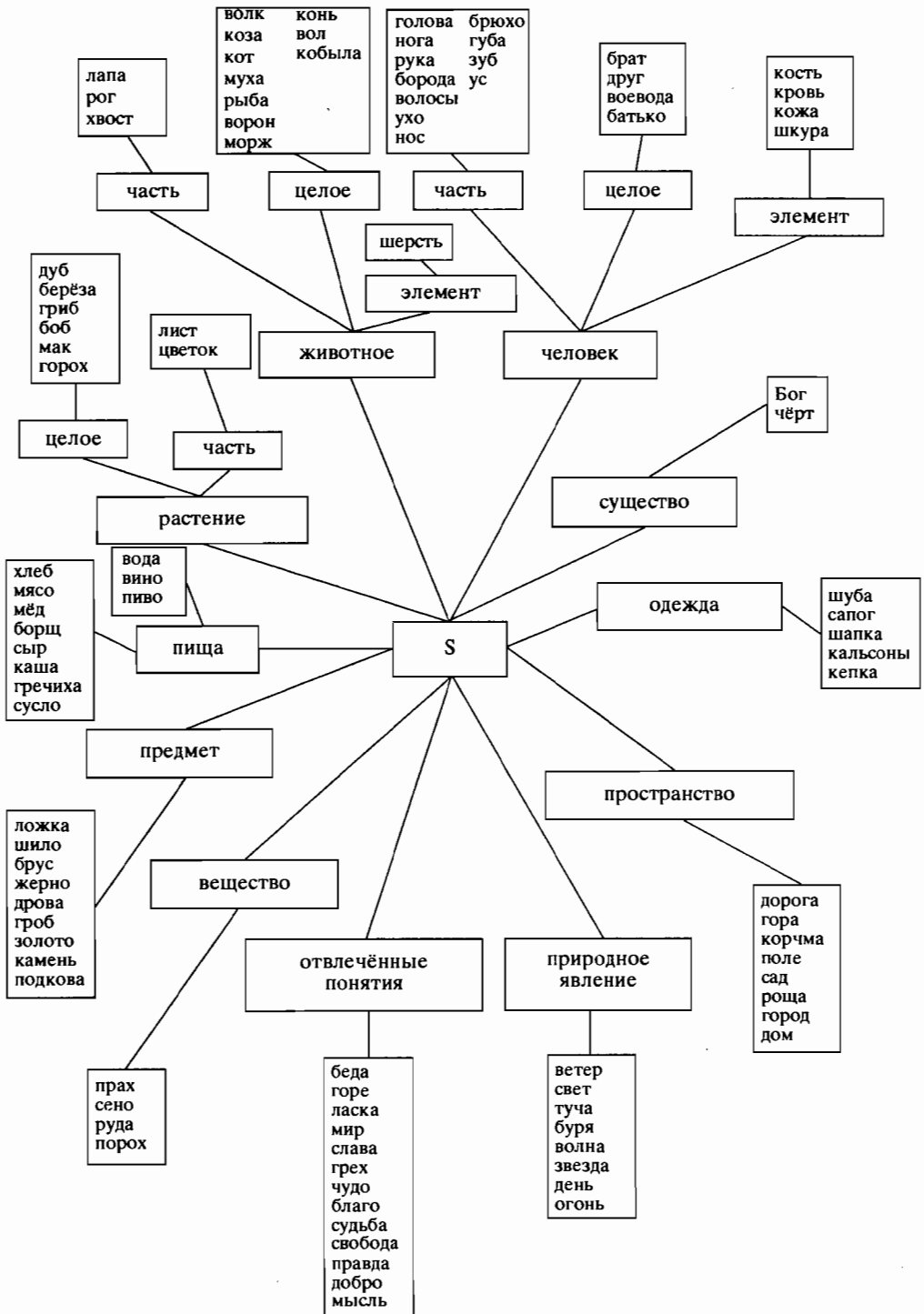

Схема 2

ными глаголами в русском языке более всего используется окаменевший корень *-слав-* (*Борислав, Братислав, Владислав, Горислав, Гремислав, Мстислав, Радислав, Ростислав, Родислав, Твердислав*). Второе место занимает *-мир* (*Боримир, Будимир, Владимир, Радимир, Творимир*), третье – *-вод-а* (*Варивода, Пальвода*). В двух примерах используются названия животных (*Лупирыба, Убийволк*) и растений (*Вернидуб, Лупибереза*). Единичными примерами представлены корни, называющие 1) части человеческого тела (*Крутиголова, Лупинос, Подыминогин*); 2) части тела животных (*Горихвостов*); 3) предметы (*Варибурс, Загубисундук*); 4) вещества (*Пальвода*); 5) пищу (*Гонимёдов*); 6) сооружения (*Дерикорчма*); 7) локусы (*Закриводорог*); 8) частотные понятия (*Нагнибеда, Покиньчереда, Терпигорев*). В украинском языке частотность корней имеет следующую последовательность: **-ветер, -борщ, -вода, -бород-а, -гор-а, -нос, -пол-е, -ус**. В сербохорватском языке корень **-slav-a** занимает первую позицию, **-mir** вторую, а **-vod-a** третью.

2.6. Существует ряд собственных имен животных, созданных на базе глаголов. Так, в романе Л.Н. Толстого "Война и мир" (Т. 2, ч. 4) встречаются императивные имена собак *Ругай* и *Карай*. В именительном падеже имя *Ругай* используется 2 раза, а *Карай* 12 раз.

– *Ругай*, на пазанку! – говорил он, кидая отрезанную лапку с налипшей землей; – заслужил – чистое дело марш!; *Карай* был старый и уродливый, бурдастый кобель, известный тем, что он в одиночку бирал матерого волка [2. С. 610, 619].

Они склоняются как обычные существительные на *-й*:

– Да, подъехать надо... да – что ж, вместе? – отвечал Николай, вглядываясь в Ерзу и в красного *Ругая* дядюшки, в двух своих соперников, с которыми еще ни разу ему не удалось поровнять своих собак [2. С. 617]; Ростов с дядюшкой, запивая ужин вишневой наливкой, разговаривали о прошедшей и о будущей охоте, о *Ругае* и Илагинских собаках [2. С. 621]; Но по быстроте скака волка и медленности скака собаки было видно, что расчет *Карая* был ошибочен [2. С. 612]; Но тут – Николай видел только, что что-то сделалось с *Караем* – он мгновенно очутился на волке и с ним вместе повалился кубарем в водомоину, которая была перед ними [2. С. 612].

В тексте Л.Н. Толстого встречаются и ласкательные императивные имена *Ругаюшка* и *Караюшка*:

– Ругай! На, на, – крикнул он. – *Ругаюшка!* – прибавил он, невольно этим уменьшительным выражая свою нежность и надежду, возлагаемую на этого красного кобеля [2. С. 618]; – Ругай! *Ругаюшка!* Чистое дело марш! – закричал в это время еще новый голос [2. С. 619]; – *Караюшка!* Отец!.. – плакал Николай [2. С. 612].

В произведениях Л.Н. Толстого мы нашли только одно глагольное имя неимперативного характера. Это *Любим*:

Красный *Любим* выскочил из-за Милки, стремительно бросился на волка и схватил его за гачи (ляжки задних ног), но в ту ж секунду испуганно перескочил на другую сторону [2. С. 611].

А.П. Чехов также использует глагольные имена собак, например, в пьесе "Предложение" такими являются *Запрягай, Откатай, Угадай*:

Н а т а л ь я С т е п а н о в н а. Папа дал за своего *Откатая* 85 рублей, а ведь *Откатай* куда лучше вашего *Угадая!*

Л о м о в. *Откатай* лучше *Угадая*? Что вы! (Смеется). *Откатай* лучше *Угадая!*...

Н а т а л ь я С т е п а н о в н а. Во-первых, наш *Откатай* породистый, густопсовый, он сын *Запрягая* и Стамески, а у вашего муругопегаго не доберешься до породы... Потом стар и уродлив, как кляча... [3. С. 321].

Существуют и другие имена животных с глагольным элементом, скажем коров (*Жданка*), львов в зоопарке (*Кинули*) и др.

3.0. Среди глаголов, которые используются для образования имен предметов, можно выделить несколько групп.

3.1. Глаголы, которые используются в названиях медикаментов, лекарственных трав и врачебных экстрактов, мы называем *medicumverba*. Сюда, в частности, относятся глаголы *грустить* (оформленное как отглагольное существительное, по аналогии с медицинской номенклатурой) (*Негрустин* – природное средство для лечения умеренной депрессии); *встать* (*Встань-ка*⁴ – растворимый экстракт лекарственных растений, снимающий похмельный синдром, поднимающий общий тонус, работоспособность и улучшающий пищеварение; *похудеть* (*Похудей* – растительный чай, *Похудей-ка* – биологическая активная добавка, снижающая вес), *очищать* (*Очищающий* – биологическая активная добавка, очищающая организм), *забыть* (*Незабудька* – общеукрепляющий антисклеротический чай⁵. Ту же тенденцию наблюдаем и в шуточных, анекдотических названиях типа *спиодин* – ‘лекарство от СПИДа’. С медициной связано разговорное и шуточное название человека, который лечит животных: *Доктор Айболит* (глагол *болеть*), по имени героя сказки К.И. Чуковского. В повседневной речи оно часто обыгрывается: “Новоселье айболитов. Челябинск” [4].

3.2. В хремотонимах (названиях предметов материальной культуры, предметов утвари), прагматонимах (названиях сортов, марок, товарных знаков) и порейонимах (собственных именах вида транспорта) глаголы представлены единичными примерами. В названиях одежды эта часть речи также редко используется. Здесь можно привести экстраверб⁶ *процай* в сложном наименовании *процай молодость* ‘старомодная обувь, удобная для немолодых людей’ (шутл.):

Думается, начатый разговор не будет расценен как призыв обуть мужчин в туфли *процай молодость*, им тоже нужна красивая обувь; Отправляясь на работу, Маша надевала войлочные ботинки *процай молодость* на кожаной подметке [4].

Мало глаголов и в названиях продуктов питания, например, глагол *отнять* (конфеты *Ну-ка, отними*); в названиях ресторанов – глагол *рыдать* (*Не рыдай*); периодических изданий – глагол *отдохнуть* (*Отдохни!* – “журнал для всей семьи”) и т.п. Зато достаточно распространены названия, в которых встречаются отглагольные существительные: названия тортов: *Ожидание*, *По-щучьему велению*, *Венская улыбка* – сдобное печенье с кокосом. Одна группа наименований имплицитно глагол: крекер *К пиву*, сухари *К чаю*.

3.3. Глаголы, которые используются в названиях растений, образуют группу фитовербов. Это, например, глаголы *перекатить* (*перекати-поле*), *сорвать* (*сорвиголова*, *сорви-голова*), *забыть* (*незабудка*), *держат* (*держидерево*, *держи*), *гореть* (*горцвет*), *расти* (*растигор*), *болеть* (*болиголов*), *чуять* (*нечуй-ветер*). И в других языках существуют такие глаголы, например, в сербохорватском *visjeti* (*visibada* ‘подснежник’), *holjeti* (*glavoholja*, *glavoholjka*, *glavoholnik*), *piti* (*vodopija*, *vodopivka*), *gledati* (*suncogled*), *kretati* (*suncokret* ‘подсолнечник’), в немецком *vergessen* ‘забыть’ (*das Vergißmeinnicht*), *anrühren* ‘трогать’ (*das Rührmichnichtan* ‘недотрога’).

3.4. Глагол редко используется при создании анемонимов (собственных имен ветров, ураганов и т.п.). В таких названиях встречается глагол *носить* (*золотоноша* – ветер, нагоняющий воду и семгу в Печорскую губу; рыбаки его так называют, потому что он дает заработок), *есть* (*волкоед* – северо-восточный и восточный холодный ветер на псковском озере; *снегоед* или *снегояд* – фён или чинук, который способен испарить снежный покров) [5]. В сербохорватском языке таким является глагол *drati* (*kožoder* – холодный ветер на заре; весенняя непогода, метель).

⁴ Очевидно, в его образовании роль сыграла игрушка *ванька-встанька*.

⁵ Эти слова пишутся на пакетиках и в рекламных объявлениях с прописной буквы.

⁶ Под понятием экстраверб подразумеваются глагольные формы, тяготеющие к выходу из глагольной системы или уже вышедшие из нее, но не потерявшие полностью связь с глаголом.

4.0. Существуют слова в форме целого предложения, одним из элементов которых является глагол, например, украинская фамилия *Панибудьласка*, немецкий фитоним *Vergißmeinnicht*, сербохорватский фитоним *pustibabakonjkrv* и т.д. Такие сложные собственные имена возникают простым соединением двух или более слов и представляют собой конденсированное предложение, синтаксический сплав. Они еще называются юксапозитивными именами. Так, в чукотском языке существует комплекс *тымьынгынторкын*, буквально обозначающий 'я-руки-выходить-действую', т.е. 'я вынимаю руки (из карманов, рукавов)' и являющийся в то же время и словом и предложением: "Это слово, ибо для говорящего оно не разложимо, и оно же предложение, т.к. выражает идею целого предложения" [6. С. 60]. Подобный пример встречается и в колымском диалекте одульского языка: *asayoulsoromoh*: *asa* ('олень'), *youl* ('увидеть'), *soromoh* ('человек'), буквально 'олене-видение-человек', что соответствует в русском целой фразе 'человек увидел оленя'; также в удмурдском языке *луд-зазег-кошкон-сюрес*, буквально 'поле-гус-уход-дорога' или 'дикий-гус-уход-путь', т.е. 'млечный путь' [6. С. 62]. Сложные слова, как правило, являются свернутыми синтаксическими конструкциями. В славянских языках можно найти очень ограниченное число таких примеров, но в немецком их довольно много.

4.1. В других типах синтаксических имен глагол не встречается: в словосочетании (*Иван Грозный, Ростов-на-Дону*) и аппозитивном имени (имени-сочетании, ничем не связанных компонентов, организованных по типу приложения: *Иваново-Вознесенск*).

5.0. Как единственная единица, образующая имя, глагол встречается в /1/ причастных именах типа *Говорящий, Грозный* (название корабля), *Поникла* (*Ponikla* – топоним), *Нетеха* (топоним); /2/ в именах, характеризующих данное лицо по его типичной черте характера, поведения и т.п.; например человека, который любил часто употреблять *razumiješ* 'понимаешь' назвали в сербохорватском языке *Razumiješ* (*Doš ao je kod nas Razumiješ*. – 'К нам зашел *Понимаешь*').

6.0. Особая форма дисперсии глагола в имени возникает в поэтических произведениях с явно выраженной установкой на языковые эксперименты. Хорошим примером является стихотворение Александра Левина "Разные *летали*" [7], в заглавии которого форма прошедшего времени *летали* выступает в функции существительного *птицы*. Поэт наблюдал за речью детей и заметил, что глаголы в высказываниях типа "Вон *чирикают*" одновременно выражают и предметность и глагольность. Следуя такой логике, он и использует глагол то в глагольной, то в субстантивной функции:

За окном моим *летали*
 две веселые **свистели**.
 Удалые **щebetали**
 куст сирени *тормошили*.
 А по крыше магазина
 важно каркали **гуляли**
 и большущие **вопили**
 волочили взад-вперед.

Две **чирикали** лихие
грызли корочки сухие,
 отнимая их у толстых
 косолапых **воркутов**.
 А к окошечку *подсели*
 две **кричали-и-галдели**
 и *стучали* в батарею,
 не снимая башмаков⁷.

Формы прошедшего времени *кричали* и *галдели* представляют имена двух мальчиков. Слова, которые формально являются глаголами, а фактически существительными, вызывают познавательский конфликт. Он усиливается тем, что дисперсия охватывает форму прошедшего времени (а не, скажем, инфинитива). Такие глаголы можно считать нарицательными (*verba appellativa*). Они имеют только одну форму, неизменяемую (как безличные глаголы, инфинитив или деепричастие). Данным стихотворением поэт как будто хотел показать, насколько язык устойчив даже при самых смелых экспериментах (например, радикальных перевертышах), которые на могут "убить" смысл. Поэтому превращение глагола в существительное не может создать непре-

⁷ Существительные отмечены полужирным шрифтом, а глаголы курсивом.

одолимые препятствия при декодировании. Вышеуказанные глаголы, благодаря контексту, осмысляются как существительные. Это своеобразный языковой парадокс, грамматический оксюморон: используется глагол, а имеется в виду существительное. Эффект настолько выражен, что тот, кто первый раз читает стихи, не может сразу определить грамматическую принадлежность слов, точнее не может понять, с чем имеет дело – с глаголом или существительным. Читатель может даже в какой-то момент почувствовать, что у него от таких стихов "крыша едет". Поэтическими экспериментами А. Левин показал, что глагол можно превратить в существительное без применения субстанциональных трансформаций.

6.1. В стихотворении "Торжественное произнести" А. Левин повторяет данный прием и снова превращает формы прошедшего времени *упал* и *победил* в существительные *Упал* и *Победил*:

Когда *Упал*, ударившись оземь,
восстал опять, как древний *Победил*,
за ним возникло маленькое Тише,
шепча свое опасное *сказать*.

Когда *Упал* в сиянии косматом
повел Никто в загробное Ура,
за ним росло клубящееся Тише,
твердя свое отравленное но.

Когда *Упал* взлетел и, озаренный,
ушел один к небесному темну,
за ним стояло выросшее Тише
и лысых звезд касалось головой.

Субстантивированная форма прошедшего времени *Упал* является вторичной номинацией, использованной в целях мистификации: говорится о каком-то предмете, который упал (или пришел) с неба. Контекст подсказывает, что речь идет о метафоре Христа. В первой строфе существительным становится и инфинитив *сказать*.

6.2. В других случаях А. Левин превращает в существительные не только формы прошедшего времени, но и деепричастия. Так, по мотивам стихотворения Ф.И. Тютчева "Весенняя гроза":

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний, первый гром,
Как бы *резвяся* и *играя*,
Грохочет в небе голубом

он написал стихотворение, в котором в функции теонимов (собственных имен божеств) выступают деепричастия *Резвяся*, *Играя*, *Смеясь*, обозначающие трех юных богинь:

Когда *Резвяся* и *Играя*
танцуют в небе голубом,
одна из них подобна снегу,
другая – рыжему огню.

Одна плывет, как в хороводе,
уклюжей грации полна,
другая бегаёт по небу,
локтями детскими торча,

а третья льется, как простая
громошипучая вода,
Смеясь из кубка золотого
сама себя на землю льет.

И лишь Громам все вторит, вторит,
уже не весело ему,
и он стоит волван волваном
с тяжелым яблоком в руках,

с огромно-синим яблоком в руках.

("Суд Париса")

6.3. А. Левин преломляет и причастия в существительные, но не так, как это делается в литературном языке (в форме субстантивации, ведущей к образованию существительных типа *заключенный, верующая, ископаемое*): он убирает глагольный корень и оставляет только грамматические элементы (суффиксы и окончания), не имеющие лексического значения. Такие глаголы можно назвать дефектными нарицательными глаголами (*defectoverba appellativa*):

Все *аемые* и *яемые*
всем *ающим* и *яющим*:
"Что вы щиплетесь, что вы колотесь!
как вам не ай и яй!"
Все *ающие* и *яющие*
всем *аемым* и *яемым*:
"А вы двигайтесь, двигайтесь!
Ишь, лентяи-яи!"

Все *уищеся* и *юищеся*
всем *уищимся* и *юищимся*:
"Что вы акаете? Что вы якаете,
как москвичи?"
Все *аищеся* и *яищеся*
всем *уищимся* и *юищимся*:
"А вы не мычите, не брюзжите
и останьте-яньте!"

Все *ательные-ятельные*
всем *ованным-еванным*:
"Почто ругаетесь матерно
в общественных местах?"
А каждый *ованный-еванный*
каждого *ательного-ятельного*
к маме свонной
лично и невкусмысленно!

Блаженны *инные* и *янные*, ибо их есть
царствие небесное.
Блаженны *авливаемые-овываемые*, ибо их есть
не пора еще.
Блаженны *уюищеся-аюищеся*, ибо их есть
нихт вас нах послать унд вас нах пойтить.
Дважды блаженны *айише* и *ейише* и *ейише*, ибо их есть
у нас, а нас есть у них!

("Все аемые и яемые...")

Это стихотворение пронизано самыми различными мотивами – из текстов Жванецкого (*А вы двигайтесь, двигайтесь* – ассоциации, связанные с "дамами"), повседневной жизни (говор москвичей: *Что вы акаете, как москвичи*), Библии (стихи, начинающиеся словом *Блаженны*) и т.п. В функции существительных выступают все типы причастий (действительных и страдательных, настоящего и прошедшего времени) и основные причастные маркеры: 1) *аищимся, яищимся, аищеся, яищеся, аюищие, яюищие, уищеся, юищеся, уюищеся, аюищеся*; 2) *айише, ейише*; 3) *аемые, яемые, авливаемые, овываемые*; 4) *ованный, еванный*, (рядом с ними используются и форманты прилагательных *ательного, ятельного, ательные ятельные*). Эти причастные метаплазмы являются номинацией людей, при помощи которых осуществляется предельное обобщение, исчезает конкретика, а на первый план выступает универ-

сальная характеристика. Их использованием автор доказывает, что можно убрать корень слова без нейтрализации смысла: слово и дальше живет и функционирует.

6.4. То, что "перевертыши" не могут уничтожить смысл, показывает стихотворение, в котором происходит обратная дисперсия: существительное превращается в глагол, точнее в императив. Так как такие формы являются нестандартными, им полностью соответствует левинское название "наклонительное повеление", ставшее заглавием стихов:

Рыбина, голоси!
Дерево, улетай!
Ижина, небеси!
Миклуха, маклай!

Сладкое – поцелуй,
белое – отпусти,
тихое – нарисуй,
гладкое – перешерсти.

Спящерица, проснись!
Тьматьматьма, таракань!
Яблоко, падай ввысь!
Усадьба летом, рязань!

Ясного не мути.
Дохлого не оживляй.
Если ты нем – свисти,
если лама – далай!

Хлебников, каравай
слово свое несъедобное!
Автобус, трамвай
все самое красное, сдобное!

Здесь происходит дисперсия предметов в действия (дирестаты), т.е. существительные трансформируются в глаголы: *голос* → *голоси*, *небеса* → *небеси*. Даже формы *маклай* (трансформация имени путешественника *Миклухо Маклая*), *далай* (ассоциация с *Далай Ламой*) являются императивами. Но самое радикальное преломление произошло в третьей строфе, в которой существительное *трамвай* стало глаголом (*императивом*), т.е. возник глагол *трамвайть*. Радикализм проявился и в том, что слово *каравай* не является существительным, а глаголом в императивном значении 'сделай съедобным' (хлебниковский мотив). Такая обратная дисперсия (преломление глагола в имени) встречается и в других стихах А. Левина. Например, заглавие стихотворения "*Ластница и мурлычет*" формально представляет собой сочетание существительного *ластница* и глагола *мурлычет*. Но союз *и* ясно показывает, что данное название фактически состоит из двух существительных:

У ластницы белая сница
и розоватая мница.
Она вьется, как лента и лестница,
верещит, как синица.
Мурлычет – гордый, как кочет,
с перьями, как у кречета.
Что хочет, то и ворочает,
никто ему не перечит.

Ластница – словно лисица,
стелется, но не боится,
плещется, но не водица,
глядит – не наглядится

на мурлычета на могучего,
телом сухого, а сердцем горячего,
чистого, ясного, но необычного,
накаченного и навороченного.

Он ее приголубит,
такую какую-то мнимую.
Она его не продинамит,
такого какого-то конкретного.
Он ее: "Моя герлица!",
она его: "Мой кудахчик!".
И никогда не ссорятся.
Так, иногда ругаются...

Кроме *ластница* и другие глаголы преломляются в имена: *сница* (← *снится*), *мница* (← *мнится*).

6.5. Субстантивовербальная дисперсия в оба направления (глагол → существительное, существительное → глагол) встречается в стихах А. Левина довольно часто. В них нелегко определить, что является глаголом, а что существительным, даже наречием:

Когда душа *стрела* и *пела*,
а в ней *уныло* и *стонало*,
и *ухало*, и *бормотало*,
и барахло. и одеяло...
О чем мы думали тогда?
О чем качали головами?
Что лучше – *ахать* или *похоть*?
Что лучше – *лопать* или *выпить*?
Что лучше – *тень* или *отстань*?
Что лучше – *осень* или *песень*?
Ну, перестань...

Такси меня куда-нибудь,
туда где весело и жуть,
туда, где *светится* и *птица*,
где жить легко и далеко,
где, *простыня* и *продолжаясь*,
лежит поляна, а на ней
Полина или же Елена,
а может Лиза и зараза,
а может *Оля* и *лелея*,
а я такой всего боец...

7.0. Таким образом, дисперсия глагола в имени проявляется в самых разнообразных формах. Она иногда порождает языковые формы, которые занимают межчастеречную позицию, нарушая и, в некоторых случаях, снимая межкатегориальные границы. В настоящем тексте был затронут вопрос выделения собственных и нарицательных глаголов. Положительный или отрицательный ответ на него можно получить лишь после более широкого исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Суперанская А.В., Суслова А.В.* Современные русские фамилии. М., 1981.
2. *Толстой Л.Н.* Война и мир. В 2-х т. М., 2000. Т. 1.
3. *Чехов А.П.* Чайка. Пьесы 1880–1904. М.; Харьков, 1999.
4. Словарь новых слов русского языка (середина 50-х – середина 80-х годов) / Под ред. Котеловой Н.З. СПб., 1995.
5. *Прох Л.З.* Словарь ветров. Л., 1983.
6. *Алатырев В.И.* Парные сложные глаголы // Уч. зап. Карело-финского ун-та. Петрозаводск, 1946.
7. *Левин А.* Биомеханика. Стихотворения 1983–1995 годов. М., 1995.

© 2002 г. В.И. КОСИК

ИДЕЯ СЛАВЯНСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ И ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ. ШИФР "АМУР". 1919 год

Идея славянского объединения давно занимала умы политиков, дипломатов, философов, государственных и общественных деятелей славянских стран и народов. Всем, кто мало-мальски знаком с историей России и славянства вообще, известны теории югославизма, австрославизма, конфедерации славянских народов под эгидой Российской империи и др. Однако все они так и не получили своего воплощения: почва, на которой строились эти планы, была сущим болотом, из которого каждая часть славянства предпочитала выбираться в одиночку.

Были, правда, примеры такого частичного объединения, как создание в 1918 г. Королевства сербов, хорватов и словенцев (Югославии), но и оно не выдержало испытания. Сама идея славизма вытесняется ныне философией общеевропейского дома, глобализацией и универсумом общественной жизни.

Но это будет потом, а тогда, в начале прошлого века, слова "Россия", "славянство", "братство" не сходили с газетных полос. И несмотря на всю их затертость представителями самых различных российских политических и общественных партий, объединений, организаций они не теряли своей совестливости, свежести, исторического очарования, требовали действия. Так начиналась Первая мировая война.

Гибель старых империй и "отречение от старого мира" для одних означали жизнь под "новыми небесами", для других – приговор истории, с которым они не желали смириться. На просторах России шла Гражданская война, и каждая из сторон искала и находила себе "союзников": большевики – в интернационализме, "белое дело" – в прошлом, в идее славизма. Именно славянство, освобождение значительной части которого неразрывно связано с Россией, должно было теперь послужить ее возрождению. Но для братских стран, привыкших быть только спутниками, "сателлитами", "синица в руках" была предпочтительнее, чем "журавль в небе"; иначе говоря, интересы безопасности собственного государства ставились выше идеи восстановления мощи России. Конечно, они были готовы оказать соразмерную помощь, прежде всего через прием на свои территории беженцев, даже дать карт-бланш на какую-либо мелкую акцию, направленную против большевистской России, но для крупной у них не было ни сил, ни возможностей, ни желания.

Только при "моральной и материальной" помощи своих великих союзников, прежде всего Франции, некоторые "славянские племена" были непрочь включиться в за-проектированный Борисом Савинковым "славянский поход" армий А.И. Деникина, А.В. Колчака, воинских частей из русских военнопленных в Центральной Европе, чехословаков, югославов... При том, что участие последних носило бы чисто симво-

личный характер (чехословаки – 60 тыс. человек, югославы и того меньше), их "контрреволюционные" правительства были весьма осторожны в политике реальных шагов, обуславливая их конкретикой русских мер по осуществлению задуманного. Последствия известны: "славянская взаимность" родила "мышь" – русские армии на славянских землях не были сформированы, на фронтах против большевиков вели бои лишь небольшие части – не больше батальона – сербов и чехов (подробнее см.: [1]).

Причины провала проекта похода заключались прежде всего в успехах "красной идеи", в невозможности выступить единым фронтом славянству, не сумевшему преодолеть и забыть взаимные ссоры, территориальные претензии, междоусобные войны и считавшему "свою рубашку ближе к телу", а также в инерционно-мечтательном состоянии русской мысли.

Предлагаемые читателю документы позволяют представить и сопоставить желаемое и реальное, мечты и политику, старое и новое в еще не стершихся чертах ушедшего бытия славянства, так и не обернувшегося в славизм. Они принадлежат Льву Павловичу Урусову, бывшему царскому дипломату, в 1898–1904 гг. являвшемуся посланником в Париже.

P.S. Должен подчеркнуть, что документы, представленные здесь, лишь в известной степени могут претендовать на воссоздание той исторической реальности в сфере организации военной помощи русской армии со стороны славянских стран с их далеко не простыми взаимоотношениями, освещение которых требует отдельного исследования.

24 мая/6 июня 1919 г. Белград. 1) С.Д. Сазонов¹, 2) А.А. Нератов²

... Мои предположения, высказанные в Константинополе относительно почвы в Белграде, подготовленной в известном смысле русскими, спасающимися от большевиков, вполне оправдались. Еще до приезда гр. Бобринского³ сюда прибыл наш военный агент в Афинах генерал Леонтьев, вслед за ним уже непосредственно из Одессы несколько русских политических деятелей, из которых я называю только одного М.В. Челнокова⁴, бывшего московского городского голову, около которого группируются остальные. По словам ген. Леонтьева, он задался приблизительно той же целью, что и наша делегация, а именно он намеревается получить сербские офицерские кадры для пригодной части наших военнопленных, находящихся в Германии и достигающих 200 000 человек. Работает он с ведома и согласия генерала Щербачева⁵ и по приезде в Белград месяца 1 1/2 тому назад убедился, что несмотря на то, что

¹ Сазонов Сергей Дмитриевич (1861–1927), дипломат, министр иностранных дел в 1910–1916 гг. В январе 1917 г. был назначен послом в Великобританию, но его вступлению в должность помешала Февральская революция. Входил в состав правительств А.В. Колчака и А.И. Деникина и был их представителем на Парижской мирной конференции 1919–1920 гг. Будучи министром иностранных дел Омского и Екатеринбургского правительств, участвовал в Русском политическом совещании.

² Нератов Анатолий Анатольевич, товарищ министра иностранных дел последнего царского правительства, сохранивший за собой ту же должность в период Февральской революции. Во время Гражданской войны входил в Совет государственного объединения России. Член Особого совещания при А.И. Деникине, управляющий ведомством иностранных дел.

³ Бобринский Владимир Алексеевич (1867–1927), граф, политический и государственный деятель. Депутат II–IV Государственных дум. Член Союза русского народа. После Октябрьской революции входил в Совет государственного объединения России.

⁴ Челноков Михаил Васильевич (1863–1935), политический и государственный деятель. Депутат II–IV Государственных дум. Один из лидеров правого крыла Конституционно-демократической партии. В годы Первой мировой войны – главноуполномоченный Всероссийского союза городов. В 1918 г. участвовал в работе московского "Правого центра", затем эмигрировал.

⁵ Щербачев Дмитрий Григорьевич (1857–1932), генерал от инфантерии, начальник Генштаба в 1909–1910 гг., в Первую мировую войну – командующий армиями, с апреля 1917 г. – зам. главнокомандующего армиями на Румынском фронте, с декабря 1917 г. – главнокомандующий армиями на Украинском фронте. В апреле 1918 г. в Париже сформировал представительство Добровольческой армии и руководил всеми

он ехал с одобрения и по уговору с находящимися в Париже сербами, почва настолько неподготовлена, что возбуждать еще нельзя вопроса об оказании активной помощи делу возрождения России.

...Вообще сербам непонятно, как могут русские военные в минуты тяжелой страды, переживаемой их Родиной, болтаться за границей, не принимая ровно никакого участия в великом деле восстановления России. Ознакомившись с этим настроением я незамедлительно послал Вам телеграмму с просьбой задержать посылку предположенной военной делегации, которая явилась бы абсолютно недопустимой с точки зрения и русских и славянских интересов и преждевременной для Сербии и, если верить словам проезжавшего через Прагу генерала Леонтьева⁶, для Чехии. Но возвращаясь к деятельности русских людей в Белграде, можно констатировать, что несогласованная ни с русскими государственными центрами, ни с планомерной работой на местах, деятельность эта в общем проходит бесследно и, следовательно, не наносит сколько-нибудь заметного ущерба русскому делу, однако несомненно, что пребывание в Сербии таких спорадических русских людей явление нежелательное, но вряд ли в настоящее время устранимое. Гораздо более заметный характер носит появление на белградском горизонте людей, работающих против России – украинцев и большевиков. Скажу сразу, что ни те, ни другие успеха никакого не имеют. Сербы слишком привержены идее великой России, чтобы могли как-либо допустить умаления ее территориального могущества...

Архив внешней политики Российской империи. Ф. Российская миссия в Белграде. Оп. 508/3. Д. 17. Л. 2–6.

25 мая/7 июня 1919 г. Белград. 1) С.Д. Сазонову 2) А.А. Нератову.

Вчера регент королевич Александр⁷ принял меня и беседовал со мною в продолжении часа. ... Я развил идею объединения славянских держав, как с точки зрения реальных интересов небольших славянских народов, которым нужно единение и между собой и с великой Россией, так и с точки зрения возрождающейся России, внешняя политика которой должна получить славянское направление. Я указал на те совершенно справедливые сетования, которые мне пришлось неоднократно слышать, что только отсутствие на конференции мира России дало возможность союзным державам пожертвовать в угоду Италии и Румынии сербскими справедливыми территориальными претензиями... Затем я обратил внимание королевича на то обстоятельство, что славянские державы – дети одной славянской семьи – решали до сих пор свои споры силою меча, между Сербией и Болгарией было 22 войны, по подсчету балканских историков, а мы, русские, в течение 18 столетия два раза брали приступом Варшаву. Политика силы и взаимного отмежевания сопредельных славянских народов благожелательных интересов не дала – национальные интересы боевой политикой разрешены не были и впредь еще менее смогут быть... Невольно зарождается мысль, что неразрешимые политикой силы вопросы существования держав славянских должны найти свое практическое разрешение в другой плоскости, а именно в форме объединения в одно могучее целое всех членов славянской семьи... В чистой форме идея славянского объединения, конечно, далекий идеал, но и первые шаги по этому братскому пути обещают дать ценные результаты, и в этом отношении я указал королевичу на ту роль, которую Сербия и Чехия могут сыграть в устранении тех трений, которые, мы боимся думать, возникнут между Россией и Польшей по

военными вопросами за границей, с 1919 г. – главный военный представитель адмирала А.В. Колчака во Франции, председатель военно-морской комиссии при Русском политическом совещании (создано в конце 1918 – начале 1919 г. как руководящий центр "белого дела").

⁶ Леонтьев М.Н., генерал-майор, военный агент русской армии в Чехословакии.

⁷ Александр Карагеоргиевич (1888–1934), глава Королевства сербов, хорватов и словенцев (Югославии) (1921–1934). С 1914 г. – регент Королевства Сербия, с 1918 г. – регент Королевства СХС. В годы Первой мировой войны – главнокомандующий сербской армией.

вопросу установления между ними будущих границ. Ни Сербия, ни Чехия не заинтересованы в том или ином направлении западной границы России и восточной границы Польши, и их долг как славянских держав, а также несомненно их интерес, заключается в том, чтобы своим непосредственным дружеским братским участием и работой как в Польше, так и в России принять на себя задачу, чтобы вопросы русско-польских отношений были бы разрешены усилиями самих славян... Как должна быть благодарна роль Сербии и Чехии в налажении русско-польских отношений, так и в вопросе об установлении отношений между Сербией и Болгарией такая же посредническая роль должна выпасть на долю России. Говоря об объединении славянских держав, нельзя не сказать, что и Болгария является славянской державой... Королевич на это мне ответил, что он лично сторонник налажения добрососедских отношений с Болгарией, но что он не может не считаться с настроением сербского народа, питающего в настоящее время острое чувство ненависти к болгарам за все преступления физические и моральные, содеянные болгарами за время оккупации Сербии. Кроме того, настроение болгарских правящих кругов в настоящее время не таково, чтобы можно было бы строить большие надежды на то, что такое соглашение могло бы состояться в подходящих для Сербии формах. Я заверил королевича, что никто в России не помышляет, рассуждая о Болгарии, как-либо нарушить интересы Сербии, что сами мы, русские, освободившие Болгарию в 1877 году от турецкого ига, настроены к Болгарии крайне отрицательно – но чувство – чувством, а политика – политикой, – прилагая старания осуществить высокую идею всеславянского объединения, мы не можем пренебречь Болгарией, ибо это было бы ошибкой не только со славянской точки зрения, но и с политической; желательно использовать создавшееся и крайне невыгодное для Болгарии положение в наших видах и интересах и не способствовать своим непримиримым отношением возможному уклонению в ряды держав, враждебных России и Сербии и, следовательно, самой идее славянской солидарности. Из слов королевича, относящегося, повторяю, вполне трезво к сербско-болгарским возможным отношениям и вполне разделяющего изложенную точку зрения, можно было вынести, однако, что он несколько опасается, что политика России относительно Болгарии будет: 1) политической преждевременного примирения, ибо Болгария, конечно, должна прийти к России, а не Россия к Болгарии, – и вообще, по мнению сербов, настоящее положение Болгарии таково, что ей иного выхода нет, как всемерно держаться России и чрез нее слиться со славянским миром; 2) самостоятельная политика России в Болгарии может выразиться, между прочим, и в том, что может быть нанесен ущерб реальным интересам Сербии. Но с этими двумя оговорками можно сказать, что королевич вполне разумно относится к болгарской проблеме и что если с русской стороны будут проявлены откровенность и лояльность отношений к сербским интересам и чувствам, мы в королевиче Александре найдем единомышленника и пособника, как в деле налажения сербско-болгарских отношений, так и по дальнейшей работе по включению Болгарии в семью объединившихся славянских держав. Я объяснил королевичу, что до возникновения мировой войны международная политика России не могла быть славянской как основное ее направление, потому что в то время славянские державы не представляли реальной силы, – было их только две: Сербия и Болгария с общим населением меньше 8 миллионов. Но как результат войны и распада Габсбургской монархии явилось создание великой Сербии с 12 000 000 населения, – возродилась к самостоятельной жизни Чехия, больше 10 000 000 населения, появилась, наконец, объединенная Польша, и, таким образом, имеются налицо все данные, чтобы отныне основной внешней политики России могло бы стать объединенное славянство, и конечной в этом отношении целью были бы установление от Адриатического до Японского моря единства политических взглядов, выработка общего плана экономической политики, дабы, преследуя одну общую цель для взаимной пользы и преуспевания и для взаимного ограждения своих многогранных интересов, возможно полнее слить славянские державы в единый славянский организм. Таковая теория объединения семьи

славянских держав, теория, из которой видно, что не только Россия нужна не крупным славянским братьям для обеспечения их успешной борьбы за независимое международное существование, но и обратно, славянство нужно России, как будущая единственно правильная основа... международной политики, – и посему работать всемерно над идеей славянского объединения надлежит не теряя времени, чему живым доказательством служит приезд нашей делегации из России, которая еще не стяхнула с себя большевистского кошмара, которая существует пока в наших сердцах, но которая, мы глубоко верим, скоро вновь возродится как великая, свободная, мощная славянская держава. Я счел своим долгом, однако, подчеркнуть, что по нашей идее панслави[зм] не должен как-либо походить на пангерманизм, начало воинствующее, в то время как мы преследуем цели мирные, отнюдь не завоевательные, а скорее, оградительные, цели культурного и экономического сближения, и что Европе нужно непрестанно разъяснять, что нет славянской опасности, что ее нет и в наших намерениях, что славяне могут быть хорошими солдатами, но что дело войны не по сердцу славянам, которые призваны в грядущем сказать миру новое слово славянской души. Но, конечно, славяне так много терпели и до сих пор терпят от чужеродных держав, считающих их объектом политики и не стесняющихся нарушать в угоду своим целям реальные славянские интересы, что обеспечить свои права и национальные вождения никто лучше не может, нежели сами объединенные славяне.

Относительно осуществления идеи объединения славянских держав мною была высказана мысль о желательности без промедления приступить к реальным работам в этом направлении, и так как в отношениях, существующих между Россией, Сербией и Чехией, нет ничего разъединяющего, и политические их интересы и намерения, по-видимому, вполне совпадают, то и намечаемое единение должно было бы начаться между тремя этими державами, и дело должно быть обставлено так, чтобы обеспечить широкую возможность и Польше, и Болгарии примкнуть к этим трем согласившимся державам. Королевич согласился с моим мнением, и в отношении идеи славянского объединения мы можем как и в болгарском вопросе всецело надеяться на него, как на убежденного сторонника возможно тесного единения с Россией и со всем славянством... Засим мне был поставлен вопрос, как и в чем может быть Сербия полезной России, о чем он, королевич, думает уже несколько месяцев.

Таким образом, наш разговор перешел к ближайшей цели нашей делегации – посылке славян-добровольцев на помощь Добровольческой армии. Мысль эта, конечно, не нова, – она носится уже некоторое время в сознании всех сербов, сердечно привязанных России, не говоря уже о самом королевиче, который, как он мне сказал, поднимал этот вопрос во время своего пребывания в Париже. Но почва для проведения этого благородного плана в жизнь подготовлена только теперь, и только теперь можно начать действовать и ждать реальных результатов. Обо всем этом в точности осведомлен королевич, которому я сказал, что посылка даже 10 000 отряда была бы существенным подспорьем Добровольческой армии в борьбе против большевиков. Ввиду того, что вслед за напей делегацией должна была выехать из Екатеринодара военная делегация, о чем я сообщил королевичу, и ввиду тех сложных технических соображений по оборудованию дела, посылка на Кавказ славян-добровольцев, его высочество просил меня ускорить приезд военной миссии, о чем я телеграфировал чрез Е.Н. Демидова⁸. Со своей же стороны, королевич назначил в Екатеринодар для связи специального сербского офицера.

Я сообщил королевичу, что вопрос о переброске с Балкан на Кавказ могущих образоваться добровольческих отрядов был уже поднят в Екатеринодаре перед английским командованием, в ведении коего находится весь тоннаж, и отношение к этому вопросу местных английских властей было вполне благожелательное.

⁸ Демидов Елим Павлович (1868 – ?), дипломат, посланник в Афинах с 1912 по 1917 г. После Октябрьской революции отказался от своего поста, был почетным атташе Королевства СХС в Афинах. С октября 1920 г. назначен врангелевским правительством посланником в Греции.

Остается еще невыясненным вопрос финансовый, также всецело зависящий от союзных держав. Кроме того, ...я не мог скрыть от королевича, что при осуществлении проекта посылки сербских добровольцев в Россию нужно иметь в виду, что у нас имеются сведения, что Болгария хотела бы оказать России действительную помощь людьми в борьбе против большевиков. Несомненно, это желание диктуется необходимостью найти тот или иной выход из тяжелого положения, в котором Болгария находится, – несомненно также, что болгары выставят какие-либо условия, когда сделают свое предложение помощи, но что это дело не сердца, не убеждения, а политическая спекуляция, – но что все эти соображения не могут устранить того факта, что потребная, быть может, помощь России и в количественно нужных размерах может быть, по существующим в Сербии и Чехии условиям, найдена только в Болгарии и что в таком случае представляется необходимым решить, можем ли мы отказаться от этой помощи в силу тех или иных соображений и не состоит ли наш патристический долг обеспечить в приемлемых для национального разума и чувства получение помощи и из все-таки родственной нам Болгарии.

А если так, то как отнесутся сербы к тому факту, что помогать России будут не только они, но и болгары. Затем второе обстоятельство, которое надлежит принять в серьезное внимание при разработке вопроса о добровольческой помощи России со стороны Сербии, – это убеждение, высказанное мне многими здешними деятелями, что никогда серб-солдат не станет стрелять в русскую серую шинель, а большевик ведь тот же русский солдат.

Ни на первый, ни на второй вопросы королевич не дал какого-либо ответа, и в настоящем загадочном положении дела трудно и найти соответствующий правде ответ. Но вопрос о болгарской помощи людьми я поднял нарочито, буде представится необходимым с целью получить свободу действий и не считать 10 000 помощь Сербии как исключаящую помощь Болгарии в гораздо большем размере. Но не нужно делать себе иллюзий, в мыслях сербов вряд ли допустимо сотрудничество с болгарями даже на русских полях брани. Однако исчерпывающий ответ на этот вопрос возможно будет получить только после посещения Софии.

Что же касается боеспособности сербских солдат против русской шинели, то только что приехавший из Архангельска Спалайкович уверяет, что дерущийся на Мурманском фронте сербский батальон – гроза большевиков. Беседа с королевичем, изложенная мною с возможной полнотой, убедила меня, что в его лице мы имеем преданного человека как идею славянского объединения, так и воссозданию нашей Родины. Все, что в его силах, он, несомненно, сделает.

Только что Спалайкович сообщил В.П. Пелехину⁹ и мне, что королевич решил, как только в Париже получит разрешение вопрос о сербских границах, объявить набор добровольцев для следования в армию генерала Деникина, затем послать в Сибирь нескольких офицеров для дела организации находящихся там сербов, бывших военнопленных, и, наконец, предполагает послать на помощь Добровольческой армии регулярную сербскую дивизию, которая оставалась бы до полного умиротворения в России.

Таким образом, начинает осуществляться объединение славян на деле возрождения Великой России...

Архив внешней политики Российской империи. Ф. Российская миссия в Белграде. Оп. 50813. Д. 17. Л. 9–19.

29 мая/11 июня 1919 г. Белград 1) С.Д. Сазонову 2) А.А. Нератову.

...За время недельного своего пребывания в Белграде беседы на эти темы мне пришлось иметь с некоторыми руководителями сербской политики. Я обменялся взглядами с министром-председателем Стояном Протичем, с товарищем министра

⁹ Пелехин В.П., дипломат, сотрудник русской миссии в Белграде.

иностранных дел г. Гавриловичем, с г. Балуджичем, сербским посланником в Афинах и ближайшим политическим советником королевича, и с председателем Скупщины г. Павловичем. Как темы мною выдвигаемые, так и отношения сербских государственных деятелей к ним оставались неизменны – я слышал только вариации о преданности России, о глубокой вере в ее скорое возрождение и о сознании сербами необходимости существования нашей Великой Родины, единственной радетьельницы за всех славян... О Болгарии в настоящее время в широкой сербской публике говорить не приходится, настолько жгуче ненавидят сербы болгар... "Нынешнее поколение, – сказал мне один из моих собеседников, – никогда не сможет простить болгарам все зло, ими содеянное над сербским населением на сербской земле, и нужно, чтобы прошло много лет, раньше чем можно будет говорить о каких-либо нормальных отношениях между Сербией и Болгарией"... Относительно России сербские политические деятели признают, что наше отношение должно быть иное, они признают, что мы можем наладить вскорости сносные с Болгарией отношения, и в сущности, как это было выяснено мною в беседе с королевичем, ничего в принципе не имеют против такого постоянного сглаживания положения, но они, повторяю, опасаются самостоятельной нашей политики в отношении Сербии и Болгарии, которая заставила бы Сербию, при неосмотрительности с нашей стороны, стать на дыбы.

Между прочим в вопросе о Македонии здесь существует одно мнение, а именно, что Македония, трижды завоеванная сербами, должна остаться сербскою навеки. "Если вы тронете Македонию, – сказал мне один серб, – весь ваш народ поднимется как один – его легче теперь поднять за Македонию, нежели против немцев"... Вопрос о Македонии стоит в своей прежней остроте – болгары указывают на сербский шовинизм в македонском вопросе, – сербы непримиримы, как победители, а Македония по-прежнему остается этнографическим яблоком раздора. В этом вопросе, разрешенном пока только силою, придется много поработать, чтобы достигнуть славянского единения, которое так хорошо в теории понимается в Белграде.

Приезд нашей делегации... уже начинает давать результаты. В речах некоторых сербских деятелей, произнесенных в связи с нашим пребыванием здесь, были уже слова, обращенные к братьям-полякам, к усовещаниям не брать не им принадлежащих земель, населенных русскими; а М.В. Челноков, собирающемуся примкнуть к делегации, некоторые общественные деятели предлагали повременить с поездкой в Варшаву, куда они, сербы, намереваются в скором времени послать своих представителей, чтобы действовать в духе сближения между русскими и поляками.

Идею Великой Польши и Великой Румынии, соприкасающихся даже своими границами, как противовес возможной германской опасности, всемерно осуществляет и поддерживает Франция. Не веря в скорое возрождение России и не имея здесь сколько-нибудь приметного успеха, она, конечно, не смогла б сбить с толка умудренную политическими превратностями и испытаниями русофильскую Сербию. Относительно новорожденной Юго-Славии французы в тех же предохранительных целях также выдвигали мертворожденный план дунайского империализма, – но, конечно, измышления эти остались только в теории (автор оказался плохим пророком: Малая Антанта была сформирована в действовала в 1920–1938 гг. В нее вошли Королевство сербов, хорватов и словенцев, Чехословакия, Румыния. – В.К.).

О военной помощи России я говорил пространно только с королевичем Александром, от которого, конечно, очень многое зависит в этом деле. Говорил я с Протичем и Балуджином (так в тексте. – В.К.)... Оба они отнеслись благожелательно к этому начинанию, но оба, конечно, видят много препятствий на пути к осуществлению указанной цели. Протич, между прочим, указал, что возвращение в Сербию Пашича, Трумбича и других сербских деятелей, находящихся еще в Париже, даст возможность так или иначе двинуть этот вопрос.

... В заключение я решаюсь послать вам краткий отчет о беседе, которую имел граф Бобринский с королевичем Александром...

Королевич Александр в беседе с гр. В.А. Бобринским, когда речь зашла о францу-

зах, с большим оживлением сказал, что он и его соотечественники поражены бессмысленной враждебностью французов к русским и сербам и вообще к славянам. Для него ясно, что французы смотрят на славян как на низкую расу, которую желательно использовать, как боевой материал, а затем совершенно игнорировать их интересы. "Я, – прибавил королевич, – в Париже открыто говорил французам, что они толкают и русских и сербов в объятия Германии и доведут нас до того, что мы вместе с немцами пойдем против них". Королевичу представляется, что надо путем славянской взаимности противодействовать германофильству, на который нас толкают французы. По поводу славянской взаимности королевич выразил свое глубокое огорчение стремлением некоторых польских кругов поработить истинно русские земли. – "Россия не только исполнила свой долг по отношению к Сербии, но и сделала гораздо больше. Все, что возможно, и все, что зависит от меня, будет нами сделано для России".

Гр. Бобринский заявил, что в Софии и Видине в течение нескольких дней он вел разговоры с болгарскими политическими деятелями и министрами и что мы будем продолжать работу в Болгарии, дабы вернуть ее в лоно славянской семьи: между Россией и Болгарией создалась глубокая пропасть, но нельзя повторять ошибку императора Александра III и держать Болгарию под бойкотом; нужно эту пропасть заполнить, конечно, без всякого ущерба сербским интересам. Королевич вполне согласился с этими словами и не выказал столь обычного для сербов озлобления против болгар. Он сказал, что в 1915 г. Сербия была готова уступить крупную часть Македонии Болгарии, дабы избежать войны с ней.

В заключение гр. Бобринский высказал свою глубокую радость, что при таком отношении королевича к этому больному вопросу отныне открывается возможность русским вместе с чехами работать в Болгарии, чтобы с ведома королевича вместе с лучшими людьми Болгарии выхолотить болгарскую почву от плевел, которые там посеяны немцами и которые там пустили глубокие корни. К этому он прибавил, что он надеется, что королевич придет в Болгарию своих людей для работы вместе с нами.

Архив внешней политики Российской империи. Ф. Российская миссия в Белграде. Оп. 508/3. Д. 17. Л. 23–30.

6 июня 1919 г. Секретная телеграмма поверенного в делах
в Белграде в управление иностранных дел
в Екатеринодаре (шифр "Амур").

... Королевич одобрил мою мысль о составлении союза сперва между Россией, Сербией и Чехией с предоставлением широкой возможности Польше и Болгарии примкнуть к нему. По вопросу об оказании немедленной помощи Д[обровольческой] Армии королевич сказал мне, что... подошло то время, когда можно приступить к реальной работе к призыву сербских добровольцев. В виду сего необходима спешная посылка в Белград 2–3 компетентных военных для разработки связанных с этим делом вопросов. Со своей стороны королевич посылает в Екатеринодар офицера для держания связи.

Урусов

подп. Пелехин

Архив внешней политики Российской империи. Ф. Российская миссия в Белграде. Оп. 508/3. Д. 17. Л. 36.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Краль В.* О контрреволюционной и антисоветской политике Масарика и Бенеша. М., 1955; Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Документы и материалы. М., 2001. Т. 2: Несбывшиеся надежды... 1923 г.

О ВОСПОМИНАНИЯХ М.К. ДЗЕВАНОВСКОГО

У профессора Марьяна Камила Дзеванского есть большая книга воспоминаний, в которой представлен весь его долгий и неординарный жизненный путь [1]. Хотя главное содержание данной публикации почерпнуто именно из нее, вниманию читателей предлагается не фрагмент книги, а отличный в ряде моментов от своей первоосновы законченный текст, подготовленный М.К. Дзевановским по нашей просьбе специально для журнала "Славяноведение". Собственно, мы имеем дело не с сугубо мемуарным сочинением, поскольку сохраненное памятью заметно дополнено проведенными мемуаристом изысканиями: так историк рассказывает об историке.

Истоки американской славистики, давшей едва ли не самую сильную зарубежную школу исследователей прошлого России, Центральной и Юго-Восточной Европы, представляют несомненный историко-научный интерес. Особое внимание заслуживает поистине огромная роль в становлении за океаном этой отрасли знания русских ученых-эмигрантов [2] и, в частности, такого видного их представителя, как Михаил Михайлович Карпович. Начатая в межвоенный период, научная и преподавательская деятельность Карповича продолжалась в годы Второй мировой войны и первое послевоенное десятилетие, подготовив почву для бурного развития славистики США, вызванного "эффектом спутника" (запуск СССР 4 октября 1957 г. первого в истории человечества искусственного спутника Земли) [3]. Успех русского ученого в одном из ведущих американских университетов, тот высокий авторитет, который он завоевал своим продолжительным академическим служением в эмиграции – весьма существенный штрих ко все еще ждущему своего часа большому историко-научному полотну. Именно этому аспекту в публикуемых воспоминаниях отведено центральное место.

Благодарный ученик М.М. Карповича М.К. Дзевановский (род. 1913 г.) принадлежит к поколению американских славистов, которые вступили на научное поприще сразу после окончания войны, имея за своими плечами и полученное в Восточной Европе образование, и уникальный жизненный опыт: журналистская работа в нацистском Берлине, участие в польско-немецкой войне сентября 1939 г. После Гарварда, в котором Дзевановский в 1951 г. защитил диссертацию и проработал около 20 лет, его академическая биография была связана с Бостоном и Милуоки. В городе Милуоки, штат Висконсин, М.К. Дзевановский проживает по сей день.

В обширной библиографии профессора несколько книг, в большинстве своем по новейшей истории. Из-под пера М.К. Дзевановского вышли обобщающие труды по истории Польши XX в. и Советской России, Второй мировой войны, Польской Коммунистической партии. Он также автор монографии о федералистских концепциях Ю. Пилсудского и беллетризованной биографии российского императора Александра I. Часть книги Дзевановского выдержали по несколько изданий и переводились на разные языки. Несмотря на преклонный возраст, профессор продолжает свою научно-литературную деятельность.

1. *Dziewanowski M.K.* Jedno życie to za mało. Kartki z pamiętnika niepoprawnego optymisty. Toruń, 1994.
2. *Manning C.A.* A History of Slavic Studies in the United States. Milwaukee, 1957; *Раев М.* Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции 1919–1939. М., 1994.
3. *Милякова Л.Б.* "Русские" центры при университетах США // Славяноведение и балканистика в зарубежных странах. М., 1983.

© 2002 г. *М.К. ДЗЕВАНОВСКИЙ*

ПРОФЕССОР МИХАИЛ КАРПОВИЧ (1888–1959)

Когда я вспоминаю моих преподавателей времен аспирантуры в Гарварде, первое место в их ряду занимает фигура Михаила Карповича. Профессор Карпович был внуком участника польского восстания 1863–1864 гг., сосланного царскими властями на Кавказ. Там дед ученого, врач по профессии, женился на католичке, княжне Мелании Тумановой. После окончания срока ссылки он обосновался в Тифлисе. Его сын получил образование уже в русской гимназии и университете и вступил в брак с проживавшей в Тифлисе русской. Поэтому, когда 3 августа 1888 г. у них родился сын Михаил, он был крещен в православной церкви.

В биографии будущего профессора Гарварда есть ряд неожиданных, драматичных поворотов. Еще в 1904 г., будучи учеником второй классической гимназии в Тифлисе, он был арестован и заключен в крепость за эсеровскую агитацию. Освободившись из-под стражи, Карпович уехал учиться в Женеву и Париж, откуда вернулся после конституционного манифеста 17 октября 1905 г. и объявления амнистии. Вскоре он принимает решение учиться на историка в Московском университете где, в частности, записывается на лекции профессора В.О. Ключевского. Потрясенный необыкновенным красноречием Ключевского, Карпович не попадает под его влияние ученого и педагога: молодого человека отталкивает отсутствие цельной методики преподавания, а также слишком импрессионистский подход к изложению лекционных тем. Когда его попросили дать характеристику великому историку, Карпович свидетельствовал, что посещал лекции выдающегося оратора, как ходят на концерты Шаляпина или в театр. Больше по душе студенту были профессора М.М. Богословский и Д.М. Петрушевский. За исследование об Александре I и Священном союзе Карпович в 1914 г. получает диплом кандидата истории.

Начало Первой мировой войны застаёт его готовящимся к магистерскому экзамену. Как единственный в семье сын он не направляется в офицерскую школу, а прикомандировывается к Военному министерству. Перед революцией Карпович сближается с партией кадетов и с энтузиазмом встречает образование Временного правительства, с которым связывает надежду на коренное реформирование России в духе демократии западного типа. Когда оно направляет в Соединенные Штаты нового посла, профессора Б.А. Бахметьева, тот берет молодого историка с собой в качестве секретаря. Карпович соглашается на поездку, поскольку друг семьи обещает, что оба они вернуться в Петроград к Рождеству.

Дзевановский Марьян Камил – профессор, г. Милуоки (США).

В Вашингтоне Карпович оказался бесценным сотрудником благодаря как своей эрудиции и владению английским языком, так и исключительной коммуникабельности, которая будет отличать его на протяжении всей жизни. Уже тогда его приглашали выступать с докладами ведущие американские учебные заведения. В 1919 г. Карпович возвращается в Европу по приглашению Русского политического совета, пытавшегося представлять в Париже интересы антикоммунистических сил, которые противостояли большевикам в Гражданской войне. Когда же в 1927 г. автор монографии о втором разделе Речи Посполитой профессор Р. Лорд, приняв сан католического священника, покидает Гарвард, университет предлагает кафедру истории Восточной Европы М.М. Карповичу. Так началась его тридцатилетняя научная карьера в Соединенных Штатах.

Поступив в аспирантуру Гарварда осенью 1947 г., я избрал своим научным руководителем Карповича. Этот выбор оказался во всех отношениях верным, поскольку он был великолепным педагогом, а также потрясающим лектором, возможно, лучшим из всех, кого я слышал за всю свою жизнь. Моя оценка не слишком отличалась от мнения моих товарищей: аудитория, в которой читал профессор, была всегда полна, послушать его приходили даже люди, не связанные с университетом.

Помимо цикла лекций по духовной истории России в 1700–1917 гг., который являлся предметом особой заботы Карповича, я посещал его семинар, а также двухсеместровый курс общей истории Восточной Европы с древнейших времен, т.е. от крещения Руси до большевистской революции. Наш профессор подчеркивал, что хотя архаичная политическая система самодержавия непосредственно перед Первой мировой войной тормозила экономическое развитие многонациональной империи, тем не менее по сравнению с концом XIX в. прогресс был значительный, и в 1913 г. реальный доход на душу населения приближался к среднестатистическому итальянскому показателю. К этому времени среди армейских новобранцев в Италии был такой же процент неграмотных, что и в России. Просветительская работа земств отличалась самоотверженностью и плодотворностью. Карпович с гордостью отмечал, что перед большевистской революцией России постепенно становилась частью западной цивилизации и важным центром культуры. Такой литературно-художественный журнал как "Мир искусства" был одним из ведущих изданий данного типа. В 1900 г., когда старинные православные иконы и другие произведения русской живописи экспонировались на Всемирной выставке в Париже, они произвели фурор среди западных ценителей. Столь же громкий успех имели музыкальные произведения Николая Римского-Корсакова, Александра Скрябина и Игоря Стравинского; "Жар-птица" последнего на протяжении многих сезонов оставалась сенсацией парижского репертуара. Что же касается балета, царская Россия была в этой области величиной мирового значения, вызывая в зарубежных артистических кругах восхищение и зависть.

В 1909–1913 гг. авангардистские манифесты итальянского творца футуризма Маринетти были опубликованы почти одновременно в Милане, Москве и Петербурге. Художники Василий Кандинский и Казимир Малевич явились предтечами кубизма в живописи. Также в науке, подчеркивал Карпович, дореволюционная Россия быстро догоняла западные страны. Например, уже в 1869 г. Дмитрий Менделеев составил периодическую таблицу химических элементов, уточнив при этом вес девяти из них и предсказав существование еще четырех ранее неизвестных. В 1909 г. Иван Павлов получил Нобелевскую премию за учение об условных рефлексах.

Должен признаться, что многие из этих факторов были для меня новостью. Так, несмотря на многолетнее пребывание в Великобритании, я вовсе не знал, что славой Оксфорда долгое время был историк права Павел Виноградов. В общем, в течение двух первых лет моей учебы в Гарварде трижды в неделю, по понедельникам, средам и пятницам, затаив дыхание, я слушал захватывающие лекции моего учителя. Надо сказать, что профессор Карпович, один из наиболее обаятельных и ярких людей своего поколения, оказывал мне особые покровительство и расположение.

Прирожденный оратор, он был также автором ряда написанных с литературным блеском работ по истории России. Из-под его пера вышла книга "Imperial Russia, 1801–1917" ("Имперская Россия, 1801–1917"). Карпович был одним из создателей коллективной работы "Economic History of Europe since 1750" ("Экономическая история Европы после 1750 г."). К этому следует добавить ряд исследований меньшего формата, таких как капитальный очерк "Владимир Соловьев о национализме", опубликованный в "Review of Politics" в 1946 г., или "Церковь и государство в ранней русской истории" ("Russian Review", 1954 г.).

Наряду с чтением лекций, любимым занятием профессора Карповича было редактирование научных трудов, среди которых фундаментальное трехтомное исследование Павла Милюкова "Outline of Russian Culture" ("Очерки по истории русской культуры"). Мой наставник относился к этому виду научной деятельности с энтузиазмом и необыкновенным усердием, какие можно встретить не у многих редакторов. В случае с "Очерками" он делал это еще с любовью, поскольку не только преклонялся перед Милюковым как историком, но и разделял его взгляды либерала и защитника России.

Следует также вспомнить об отношении профессора Карповича к польским делам. Немного было и есть сегодня на свете таких преданных и искренних друзей Польши, каким был Карпович. Он был поборником дружбы между польским и русским народами. Всегда стоял на страже уважительного отношения к фактам и максимальной беспристрастности в их оценке. Гуманист и либерал, враг шовинизма и фанатизма, суровый критик русификаторского курса царизма, Карпович исповедовал сформулированный Александром Герценом принцип, согласно которому не может быть по-настоящему свободным народ, угнетающий другие народы. В соответствии с герценовской традицией, дружбу между Польшей и Россией этот благородный друг-москаль рассматривал как взаимодействие двух свободных и равных, суверенных народов. В 1949–1955 гг., в бытность свою деканом отделения славистики Гарварда, он добился открытия там на постоянной основе кафедры польского языка и литературы, поручив заведывание ею выдающемуся полонисту доктору Виктору Вайнтраубу – ученику профессоров Ягеллонского университета в Кракове Станислава Кота и Игнация Хшановского.

На протяжении без малого тридцати лет Карпович был в своем университете основным преподавателем истории Восточной Европы в целом и России в особенности. За указанный период им выпущено несколько тысяч студентов. В дальнейшем многие из них занимали видные научные посты в ведущих учебных заведениях Америки. Сорок воспитанников профессора Карповича защитили докторские диссертации.

Все то, что можно было бы написать или сказать о профессоре Карповиче, не в состоянии в полной мере передать ни его значения как педагога, ни человеческого, личного обаяния, которое проявлялось буквально во всем. Уважение и любовь (употребляю это слово без малейшего опасения за преувеличение), питаемые к нему его воспитанниками и сотрудниками, – отражение непреходящего вклада профессора Карповича в до недавнего времени пионерское дело преподавания истории Восточной Европы в Америке.

В знак уважения и признательности учителю 26 его бывших аспирантов опубликовали свои доклады в книге "Russian Thought and Politics" (S.-Gravenhage, 1957), изданной в честь М.М. Карповича по случаю ухода профессора на пенсию.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Славяноведение, № 1

В.П. ГУДКОВ. Славистика. Сербистика: Сборник статей. М., 1999. 208 С.

Имя автора рецензируемой книги хорошо известно славистам и особенно сербохорватам. В течение нескольких десятилетий В.П. Гудков работает на кафедре славянской филологии Московского университета, с 1990 г. – в качестве ее заведующего. Труды, отобранные для публикации в книге, сгруппированы в пять разделов, отражающих главные направления исследовательской и научно-методической работы автора: историография славяноведения и славянской филологии, история литературного языка у сербов, современная языковая ситуация на территории республик бывшей СФРЮ, обновление концепций и программ некоторых учебных курсов. В шестом разделе в хронологическом порядке дана библиография печатных работ В.П. Гудкова.

Книга посвящена памяти недавно ушедшего из жизни известного югославского ученого, специалиста по истории и диалектологии сербского языка академика Павла Ивича (1924–1999), с которым В.П. Гудкова связывали многолетние плодотворные научные и человеческие контакты, верность общему предмету исследования – истории сербского языка.

Первый раздел открывает статья, посвященная деятельности профессора Московского университета О.М. Бодянского, которого автор считает основоположником одной из первых славистических школ в России. Необходимость более углубленного изучения творческого пути этого выдающегося ученого и педагога остается неизменно актуальной. Весьма интересным представляется в книге разбор сильных и слабых сторон существующих дефиниций

понятий "научная школа" и "научное направление". По мнению автора, наиболее удачное определение понятия "научная школа" предложил С.Б. Бернштейн: "О школе мы можем говорить в том случае, если группу ученых объединяет единство интересов в науке, некоторые общие взгляды на предмет исследования, пристрастие к некоторым специфическим сторонам предмета изучения, некоторые общие методические принципы, близость терминологии" [1. С. 142]. Принимая эту комбинацию признаков определения "научной школы", автор рецензируемой книги считает необходимым только дополнить его указанием на отношения творческой преемственности, свойственные объединенным под "крышей" одной школы ученым разных поколений (С. 10). Это весьма существенное добавление к дефиниции служит мотивировкой для анализа деятельности не только самого Бодянского, но и его учеников. Выявив некоторые общие особенности их трудов и установив их связь с интересами и научными пристрастиями, а также методикой научных исследований, присущих самому Бодянскому, автор констатирует правомерность фигурирующего в заголовке термина "школа Бодянского" – филологическая (или историко-филологическая).

Две статьи в книге посвящены П.И. Шафарику и П.И. Прейсу. В статье "О значении трудов Павла Шафарика для югославистики" автор отмечает энциклопедизм ученого, строгость его научной методики, снискавшие ему огромный авторитет в России. Отмечая заслуги Шафарика в югославистике, автор напоминает, что в период его становления как ученого-слависта еще не

было преодолено окончательно мнение о том, что церковнославянский был "предком" всех славянских языков. С появлением труда Шафарика "Serbische Leseköfner, oder historisch-kritische Beleuchtung der serbischen Mundart" (1833) (в книге В.П. Гудкова эта работа Шафарика переведена как "Крупинки сербской письменности или историко-критическое освещение сербского наречия") (С. 22) мысль о давнем размежевании южнославянских диалектов и отдельности сербского языка от церковнославянского вошла в категорию неоспоримых данностей. Начатое Шафариком систематическое исследование строя сербского языка имело последователь и в России. Ученик О.М. Бодянского А.А. Майков посвятил этой проблеме фундаментальный монографический труд "История сербского языка по памятникам, писанным кириллицею, в связи с историей народа" (1857). Изучая лингво-географический ландшафт Балкан, Шафарик пришел к заключению об отдельности также и болгарского языка, что в тот период имело не только научное, но и общественное значение исключительной важности.

В острополюемических тонах выдержана статья, посвященная истории освоения сравнительно-исторического метода в русском языкознании. По мнению автора, неправомерно "перебрасывать мост научно-исследовательской преемственности от Востокова к Потембне", ибо история этого метода в России богаче и сложнее. Опираясь на труды А.А. Котляревского, автор излагает свой взгляд на проблему.

В заключительной статье первого цикла затронута вечно актуальная тема семантики слова как объекта синхронного и исторического исследования. Историко-лексикологическое изучение слова предполагает точное знание его семантических границ в разные периоды функционирования языка [2. С. 11–12]. Автор приводит факты неполного учета академическими словарями явлений "диахронической полисемии или исторической гетеросемии" в терминологической лексике (С. 47), что, в свою очередь, осложняет работу историографа той или иной отрасли науки, заставляя его внимательно исследовать преобразование семантики многих ныне привычных, общеупотребительных слов. Это увлекательно показано на материале слов *кафедра*, *партизан*, *фельетон*, *лектор*, *аспирант*.

Статья об исследованиях сербского рукописного наследия XII–XVIII вв. в России открывает второй раздел книги. Зарождение и формирование истории сербского языка как науки неразрывно связаны с изучением

природы старославянского/церковнославянского языка и с выявлением взаимоотношений старославянского и славянских языков нового времени, в том числе и сербского. В статье показан выдающийся вклад представителей русской филологической науки XIX в. в изучение сербского рукописного достояния, хранящегося в отечественных архивах и книгохранилищах. Автор устанавливает периодизацию и основные направления этих исследований до периода первой мировой войны.

Обследуя архивы и книгохранилища, участники Румянцевского кружка занимались целеустремленным поиском и идентификацией древнейших рукописных памятников – источников сведений по истории древнеславянской литературы и славянских языков. Один из наиболее ценных и редких из них выявил сотрудник Н.П. Румянцева историк-археолог К.Ф. Калайдович. Это рукопись "Шестоднева" Иоанна, славянского писателя конца IX – начала X в., переписанная в 1263 г. "Феодором грамматиком" в Хиландарском (сербском) монастыре на Афоне. В статье подчеркивается приоритет русского ученого в установлении признаков сербского извода славянских рукописных памятников.

Далее автор обращается к анализу малоизвестной работы Н.А. Попова "К вопросу о реформе Вука Караджича", которая, будучи формально рецензией на книгу П.А. Кулаковского "Вук Караджич. Его деятельность и значение в сербской культуре" (1882), стала, по мнению В.П. Гудкова, весомым научным трудом. Работа Попова содержит свежий для своего времени объективный взгляд на сербскую языковую ситуацию на протяжении XVIII и первых десятилетий XIX вв., когда вызревали предпосылки реформы Вука Караджича. В.П. Гудков выделяет ту часть рецензии П.А. Попова, в которой показана несостоятельность однозначно негативной оценки русско-славянского периода в истории этнического языка. Автор констатирует, что непредвзятый добросовестный анализ исторических фактов и аргументированные суждения Н.А. Попова о природе русского влияния на сербскую культуру XVIII в., опубликованные более ста лет назад, остаются актуальными и в наши дни.

Особого внимания достойна одна из наиболее "теоретических" статей цикла, посвященная феномену самого литературного языка – узлового понятия социолитервистики и теории литературного языка. Здесь автор обоснованно констатирует, что историю литературного языка XIX–XX вв. – "серб-

хорватского" в традиционной терминологии, корни его нынешнего структурного и функционального своеобразия невозможно выявить и осмыслить, не принимая во внимание сложной и противоречивой действительности литературно-языковой практики донациональной эпохи. Многолетнее изучение писанных и печатанных сербами в XVIII в. текстов позволило автору по-новому взглянуть на историю функционирования церковнославянского языка на сербской почве в предвуковский период и одновременно выявить слабое звено сложившегося в сербистике терминологического ряда – 1) народный язык, 2) сербскославянский язык, 3) русскославянский язык и 4) славяносербский, используемого специалистами при описании языковой ситуации на сербских территориях в период XVIII – начала XIX в. Таким, по его мнению, является термин *русскославянский язык*, "вернее, не сам термин, а его неосмотрительное приложение к *слишком широкому* комплексу языковых явлений" (С. 74). Как известно, в сербистике термином "русскославянский язык" принято называть церковнославянский язык русской редакции. Автор делает вывод, отличающийся новизной постановки проблемы: принятие "русскославянского" сербами означало своеобразный ренессанс церковнославянского языка. Его русский "извод" обрел на южнославянской почве новую жизнь, в то время как в самой России он переживал упадок. Однако связь по линии церкви, церковной литературы, церковнославянского языка являлась важным, но не единственным компонентом сербско-русских культурных отношений. Автор подчеркивает, что роль светского фактора была также весьма существенной. Сербские писатели XVIII в. овладевали не только импортированным вариантом церковнославянского языка, но и языком русской светской литературы, высоким и средним "штилями".

Важное уточнение внесено автором в дефиницию литературных идиомов, функционировавших у сербов *до* и *после* формирования единого литературного языка на народно-речевой основе. Исследователь рекомендует разграничивать эти два разных феномена, дифференцировать их терминологически: для докарадживевского периода предлагается использовать термин "литературный язык у сербов", а для современного – применять термин "сербский литературный язык".

Третий раздел книги посвящен реформаторской деятельности В.С. Караджича и оценке его вклада в развитие сербской культуры и науки российскими учеными.

Открывает его статья "Величие Вука Караджича", в которой обозреваются веги и главные итоги многогранной деятельности корифея сербской культуры. Констатируя, что филологи много писали и пишут о Вуке, автор с сожалением отмечает, что нашей широкой общественности его имя и заслуги мало известны и высказывает идею о необходимости подготовки популярных беллетризованных жизнеописаний выдающегося деятеля сербской культуры, рассчитанных на широкую читательскую аудиторию. В частности, он предлагает посвятить Караджичу одно из изданий серии "Жизнь замечательных людей" (С. 93).

Следующая статья цикла продолжает многогранную тему русско-сербских связей и посвящена сотрудничеству Вука Караджича со славистами Московского университета. В ней освещаются малоизвестные эпизоды пребывания Караджича в России. Завершает цикл подборка небольших, но чрезвычайно интересных заметок, объединенных названием "Фрагменты караджичианы", в которых воспроизводятся и анализируются малоизвестные отклики отечественных ученых на труды и инициативы Вука Караджича.

Цикл статей четвертого раздела приобщает читателя к неповторимой атмосфере старого Московского университета (на рубеже XIX–XX вв.), знакомит с блестящей плеядой его преподавателей, выдающихся ученых, для которых занятия наукой были формой существования, и со студентами того времени. С любовью очерчены научные портреты А. Белича (сначала студента, а затем почетного профессора Московского университета), С.М. Кульбакина (впервые освещен эмигрантский период его жизни), Ф.Ф. Фортунатова. На наш взгляд, очень ценно то, что в разделе не только сформулирован круг научных проблем по югославистике, решавшихся интернациональными усилиями ученых разных стран, но также показан "временный срез" их контактов.

В отдельной статье впервые систематизированы сведения о работах первых отечественных диалектологов сербохорватского ареала (М.П. Петровского, А.М. Лукьяненко, П.А. Ровинского), показана роль Московской лингвистической школы конца XIX в. в привитии студентам вкуса к диалектологическим и историческим исследованиям. Под влиянием "фортунатовской" школы формировались исследовательские пристрастия выдающегося сербского лингвиста А. Белича. Это важно учитывать при оценке вклада русской науки в сербокroatистику.

Пятый раздел сборника посвящен обоснованию инноваций в концепции некоторых учебных дисциплин. В статье о лекционном курсе "Введение в славянскую филологию", в котором традиционно господствует проблематика славянских древностей, содержится призыв к уравниванию информации о славянских древностях и сведений о современном славянском мире, его новой истории, современных славянских языках. Это мотивируется не только необходимостью устранить пробелы в представлениях юных студентов о современном славянском мире (курс читается в первом семестре первого года обучения), но и произошедшей в XX в. сменой научной парадигмы: языковедение перестало быть сугубо исторической наукой, сформировались новые дисциплины, в частности, типология литературных языков.

Две статьи посвящены новой языковой ситуации, возникшей в результате процессов этнического размежевания на территории бывшей СФРЮ, рассмотрению в связи с этим концептуальных основ преподавания сербохорватского языка на славянском отделении филологического факультета МГУ.

В заключительной статье излагается концепция и содержание курса истории сербохорватского языка как предмета университетского преподавания и изучения. Автор заключает, что собственно языковой, социально-исторический и историко-культурный аспекты данной дисциплины, должны быть соединены в органичное целое.

Статьи, включенные в рецензируемый сборник, отражают, как это видно и из приложенного перечня научных публикаций В.П. Гудкова, не все направления его исследовательской деятельности. Вероятно, принципы отбора и некоторые сведения об авторе было бы целесообразно сообщить

в "Предисловии" издания. В книге собраны разносюжетные, преимущественно историографические статьи В.П. Гудкова, написанные в жанре научного очерка, восстанавливающие малоизвестные страницы в истории отечественной науки. Несомненным достоинством рецензируемого сборника является привлечение внимания к решению терминологических проблем – разработке дефиниций узловых понятий науковедения и собственно филологической науки. Несмотря на широту обсуждаемых тем, обилие вводимых автором имен и эпизодов, книга читается легко, с интересом, а полемическая заостренность некоторых эпизодов стимулирует дальнейший интерес к самостоятельному исследованию проблемы. Книга В.П. Гудкова безусловно будет полезна филологам-славистам, преподавателям славянских языков, студентам и аспирантам филологических факультетов и факультетов иностранных языков. Она может быть рекомендована и другим читателям – как надежное справочное издание по актуальным вопросам славистики и историографии науки, прежде всего отечественной. Некоторые концептуальные идеи обновления учебных дисциплин, высказанные автором рецензируемого труда, несомненно заинтересуют филологов-славистов российских вузов.

© 2002 г. Г.Г. Тяпко

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бернштейн С.Б. К вопросу о научных школах и направлениях в языковедении // *Общее и романское языковедение*. М., 1972.
2. Виноградов В.В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования // *Вопросы языковедения*. 1995. № 1.

Славяноведение, № 1

Н.М. ПАШАЕВА. Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв. М., 2001. 201 С.

История восточнославянских земель Австро-Венгерской монархии остается до сих пор сравнительно малоизученной и потому привлекательной темой для исследователей многих стран. С возникновением независимого украинского государства интерес к истории этих земель заметно усилился.

В последние годы вышло немало работ на украинском, польском, немецком, русском языках, посвященных возникновению и развитию национального самосознания восточнославянского населения Габсбургской империи (см., например, [1]).

"Очерки" – отнюдь не первое обращение

Н.М. Пашаевой к проблемам истории этого региона. Автор в течение многих лет занималась историей общественного и культурного развития восточнославянского ("русского") населения Австрии, особое внимание при этом уделяя связям Галичины и России в области культуры. Таким образом, "Очерки" в определенной мере подводят итог исследованиям автора, представляя читателю интересную, хотя и не бесспорную концепцию развития национального самосознания галицко-русского населения.

Непосредственным предметом исследования Н.М. Пашаевой является "русское" движение, чьей идеологической базой было признание "единства всего русского народа "от Карпат до Камчатки", сознание своей принадлежности к этому единому русскому народу и признание русского литературного языка родным литературным языком русинов" (С. 6). Автор подчеркивает, что понятие "русский", наряду с понятием "русин", получило широкое распространение у местного населения, а также использовалось в официальных австрийских бумагах. Такой подход является вполне обоснованным, однако понятие "русский", применяемое и ко всему национальному движению в целом, и к его пророссийскому направлению, затрудняет чтение, поскольку у читателя может сложиться впечатление, что все национальное движение русинов было изначально пророссийским, а это не в полной мере соответствует действительности. Н.М. Пашаева, соглашаясь с другими исследователями, также отмечает, что первые десятилетия национального возрождения галицких русин (1830–1860-е годы) одновременно было началом и "русского", и "украинского" движения в крае (С. 13), когда основной задачей являлось возрождение национального самосознания галицко-русского населения, борьба против насильственного ополячения. Собственно "русское", пророссийское, движение оформилось в 1860-е годы.

В своем исследовании Н.М. Пашаева основное внимание уделяет культурно-просветительской работе русских галичан. В значительной степени это объясняется тем, что на протяжении нескольких десятилетий XIX в. эта работа была единственной формой национальной самоорганизации русского населения Галичины и других восточнославянских земель Австро-Венгрии. Касаясь начального периода галицкого национального движения (до революции 1848 г.), автор отмечает, что оно, хотя и шло в общем русле славянских движений

Австрийской империи, существенно осложнялось многими причинами, среди которых: польское засилье, политика венских властей, внутренняя слабость самих галичан. Именно поэтому к революции 1848 г., ставшей поворотным моментом в истории многих славянских народов, галицкие русины во многом были неподготовлены. Тем не менее в культурной жизни Галичины произошли существенные изменения, определились тенденции в развитии общественной и культурной жизни галичан, которые сохраняли свое значение в течение многих лет.

Н.М. Пашаева подробно излагает историю русской прессы, создания Галицко-русской матицы и "Народного Дома", национально-культурного центра русинов, открытия во Львовском университете кафедры "русского" языка, которую занял видный галицко-русский деятель Я. Головацкий. Автор отмечает, что эти годы прошли еще под знаком развития местной культуры, однако именно тогда были заложены основы русского движения в Галичине, которое "складывалось не вопреки языковой и культурной близости с Малороссией – она сохранялась и даже крепла, а расширяя эту близость до границ всего русского племени" (С. 43).

Новый этап в общественной жизни галицких русинов автор относит к 1860-м годам, когда в Галичине произошел раскол на украинофильское и пророссийское (московфильское) движения. Отмечая, что в предыдущий период вражды между сторонниками обоих направлений не наблюдалось, автор основной причиной раскола считает воздействие внешних сил. С одной стороны, это деятельность австрийских властей и польской правящей элиты, стремившихся противопоставить украинское движение русскому влиянию в крае, с другой – та негативная политика, которую вели в отношении украинофильства российские власти, которая вынудила к эмиграции многих украинофильских деятелей, создавших здесь "украинский Пьемонт". К сожалению, автор оставляет в стороне анализ внутренних противоречий галицко-русского общества, которые также способствовали его расколу на два враждующих лагеря.

Н.М. Пашаева, поставив перед собой задачу изучения именно русского движения в крае, подробно освещает деятельность русских культурно-просветительских обществ – Галицко-русской матицы, Общества им. Качковского, Ставрогигийного института, историю создания газеты "Слово", бывшей долгое время основным рупором русских галичан, участия Я. Головацкого в этногра-

фической выставке в С.-Петербурге в 1867 г. Особое внимание уделяется в книге деятельности о. И.Г. Наумовича по возвращению в край православной веры.

Видное место в исследовании отведено проблеме взаимоотношений австрийских властей и деятелей русского движения в Галичине. По мнению Н.М. Пашаевой, австрийский "уряд", на протяжении нескольких десятилетий мирившийся с существованием русского движения как с противовесом растущему польскому национализму, постепенно перешел к репрессивным мерам, видя в русинах агентов влияния Российской империи. Начиная с 1882 г., когда состоялся так называемый процесс Ольги Грабарь, на котором многие видные русские деятели обвинялись в государственной измене, и вплоть до начала Первой мировой войны, австрийские власти стремились к максимальному ослаблению русского движения. Начало же войны обернулось для русского движения подлинной трагедией.

В рецензируемой книге, пожалуй, впервые в российской историографии подробно излагается трагическая история концентрационных лагерей Талергоф и Терезин, массовых казней местного населения, подозреваемого в сочувствии к России, ряда политических процессов над деятелями русского движения. Автор справедливо подчеркивает, что эта, одна из самых трагических страниц истории Первой мировой войны, до сих пор остается фактически неизученной и еще ждет своего исследователя. К сожалению, уделив большое внимание этой проблеме, автор лишь в общих чертах излагает историю оккупации Галичины русскими войсками в 1914–1915 гг., несмотря на то, что этот краткий период имеет важное значение для истории Галичины: ведь именно тогда осуществилась мечта галицко-русских деятелей о соединении с державной Русью.

После окончания войны русское движение постепенно пришло в упадок. Причинами этого Н.М. Пашаева считает активную, даже агрессивную колонизацию края, отсутствие у движения каких-либо политических союзников, тяжкие последствия преследований во время войны, когда многие сторонники русского движения были уничтожены. Но если в межвоенный период русские галичане, преодолевая многочисленные трудности, все же вели свою работу (например, действовало Общество им. Качковского), то после 1939 г. фактически всякая их деятельность была прекращена. Стучилось так, что исполнение давней мечты русских галичан – вхождение в состав

единой Руси – привело к окончательному упадку русского движения. И сразу после присоединения Галичины к Советскому Союзу в 1939 г., и после окончания Второй мировой войны отношение советских властей к деятелям русского движения было резко негативным. Н.М. Пашаева, лично знакомая со многими из них, указывает многочисленные проявления подобного отношения. Новые области были признаны частью УССР, и идеи русских галичан оказались невостребованными.

Таким образом, "Очерки истории русского движения в Галичине" Н.М. Пашаевой существенно восполняют имеющийся в отечественной историографии пробел в изучении истории галицко-русских земель. В то же время необходимо отметить и ряд слабых сторон исследования. Прежде всего, к ним можно отнести известную односторонность автора. Не скрывая своей симпатии к русским галичанам, Н.М. Пашаева рассматривает деятельность последних исключительно в положительном ключе, тогда как и оппоненты, прежде всего украинофилы, представлены лишь в роли агентов официальной Венны, чьей главной задачей, по мнению автора, был подрыв российского влияния в этом регионе. Столь же субъективно излагаются взаимоотношения русских галичан с представителями австрийской администрации и польских общественных и политических движений.

Вне поля зрения автора осталась значительная часть общественно-политической деятельности русских галичан. В книге лишь вскользь упоминается об участии их представителей в работе венского парламента, при этом отсутствуют сведения о деятельности политической Русской народной партии, о ее внутренних противоречиях, приведших в 1909 г. к расколу, который стал одной из причин ослабления политического влияния русских галичан накануне Первой мировой войны [2]. Возможно, это связано с тем, что Н.М. Пашаева, в основном берет, как она пишет, "факты из вторых рук. Из литературы", по ее же словам, достаточно бедной и тенденциозной (С. 3), не обращаясь к архивным материалам.

Несмотря на высказанные недостатки, книга Н.М. Пашаевой, несомненно представляет интерес для читателя. Написанная живо и увлекательно, она содержит большое количество фактического материала, почерпнутого не только из литературы, но из личных контактов с последними деятелями галицко-русского движения. Многие сведения уникальны. В значительной степени восполняя пробел, существующий в отечест-

венной историографии, "Очерки" подготавливают почву для дальнейшего, более глубокого изучения истории восточнославянских земель Австро-Венгрии и истории галицко-русского народа.

© 2002 г. М.Э. Клопова

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Partacz Cz.* Od Badeniego do Potockiego. Stosunki polsko-ukraińskie w Galicji w

latach 1888–1908. Toruń, 1996 (Рец.: Клопова М.Э. Славяноведение, 1999. № 5); Юрчикова А.Ю. Из истории присоединения Галичины осенью 1914 г. (к вопросу о национальной политике российского самодержавия в годы I мировой войны) // Проблемы взаимоотношений общенациональных и местных органов власти в отечественной истории. М. 1994.

2. АВІР. Ф. 135, Д. 151. Л. 2.

Славяноведение, № 1

Т.С. ГУЗЕНКОВА. Политические партии и лидеры в Верховной Раде Украины (1998–2000) / Под общей редакцией Е.М. Кожокина. М., 2001. 231 С.

В современной славистике все более прочное место занимают политологические исследования. Это неудивительно, поскольку происходящие в странах Центральной и Восточной Европы политические процессы оказывают мощное и всестороннее влияние на все стороны жизни народов большинства этих государств. Изучать социальные, культурные и даже лингвистические (например, такую кажущуюся весьма незначительной деталь: как правильно говорить и писать – на Украине или в Украине?) процессы в этих странах в отвлечении от резкой смены политических ориентаций, сдвига в социальных институтах, преобразования самих оснований государственности, динамичной жизни политической партии фактически невозможно.

Особенно интересны в этом плане процессы, происходящие в/на Украине – стране, которой российские обществоведы уделяют удивительно мало внимания. Исследования в области украинистики пока так и не обрели должного масштаба, а отдельные труды если и привлекают внимание, но не закрывают громадную брешь "ученого незнания", которую тшчатся заполнить громогласные политики и радикальные публицисты, чаще демонстрирующие свои предубеждения, чем приводящие результаты анализа. А ведь процессы и в/на Украине, и в ее отношениях с ближними и давними соседями происходят крайне сложные.

Участившиеся летом 2001 г. встречи президентов России и Украины – в Витебске, Сочи, Севастополе – знаменуют новый этап в отношениях между двумя государствами. А это ставит задачу более углубленного изучения Украины – самой большой по территории (естественно, кроме России) и одной из крупнейшей по населению европейской страны. Институт славяноведения РАН организовал Научный центр украинистики, где подобной проблематике уделяется немалое внимание; его сотрудники активно участвуют в сборниках работ и коллективных монографиях (см., например, коллективный труд "Украина и Россия: общества и государства". М. 1997), защищаются диссертации (например: *Наоми Асано*. Украина: обретение независимости. 1985–1991 гг.).

Аналогичные разработки начинают предприниматься и в других исследовательских центрах. В этом плане рецензируемая книга представляет особый интерес. Отвечая высшим стандартам политологического исследования текущих процессов, она в то же время характеризуется глубокой вовлеченностью в анализ сущностных характеристик динамичных политических процессов. В частности за пестротой партийной мозаики и с калейдоскопической скоростью меняющихся первых лиц в Верховной Раде автор видит общие закономерности по оси отношений, определяющих векторы внешней и внутренней политики Украины (президент –

парламент). Книга многое может предсказать в расстановке сил на грядущих в марте 2002 г. выборах в Верховную Раду, но это далеко не политический репортаж и даже не мониторинг текущей политической ситуации в/на Украине вплоть до весны 2001 г. В ней выявляются и инварианты, т.е. повторяющиеся образцы, соотношения исполнительной и законодательной властей в стране, фиксируется уже устоявшийся спектр основных политических сил, представленных в Верховной Раде, определяются сущностные черты украинской государственности.

Книга состоит из 17 глав, в них содержатся информативно значимые и аналитически обоснованные графики и таблицы, обширная источниковая база и богатая (хотя и не без пропусков) библиография. Книга поэтому – незаменимое пособие не только для историков и политологов, но и для всех специалистов по Украине. Она позволяет достаточно зримо определить меру устойчивости/изменчивости украинского социума в целом.

В первых главах дается характеристика Верховной Рады и особенностей ее структуры 14 созыва – после выборов 29 марта 1998 г. четырехпроцентный барьер в 450-местном парламенте (довыборы длились до 25 июня 2000 г.) преодолели 20 партий и организаций, но лидирующие позиции Компартии Украины (КПУ) со 127-ю местами не вызвали сомнений. Занявший второе место Рух (Народный рух Украины – НРУ) получил всего 48 мест. Однако число коммунистов во фракции КПУ было на 5 человек меньше, чем избранных от партии – 122. Противоположная ей фракция Народно-демократической партии (НДП) насчитывала 84 человека. Обе фракции поначалу выступили с критикой президентского курса, их лидеры вступили в борьбу за высший государственный пост в стране. Но постоянные и яростные нападки на Л.Д. Кучму не увенчались успехом ни в "горячую осень" 1999 г. и ее кульминацию – первый (31 октября) и второй (14 ноября) туры президентских выборов, ни в январе 2000 г., когда заседания Верховной Рады проходили в двух местах, а все закончилось отставкой ее спикера А.Н. Ткаченко, одного из лидеров Селянской партии (СП), имеющей 14 мест в парламенте и блокирующей с коммунистами, ни в ходе обвинений по делу Г. Гонгадзе. Следует особо подчеркнуть: в более длительной ретроспективе уже после выхода книги выявился и один из внутренних генераторов данного противостояния – нежелание определенных политических кругов Украины идти на сближение с Россией,

которое в политическом курсе президента приобретало черты почти безальтернативности. В итоге, констатирует автор, конфигурация политических блоков в парламенте изменилась примерно в середине его полномочного срока: помимо традиционной левой в нем выделились правая и правоцентристская антипрезидентская коалиция, а также увеличилась политическая дистанция между президентом и поддерживающими его фракциями. На президента стали нападать все – и именно поэтому такие нападки не приносили успеха: противники яростно мешали друг другу. При переходе же на уровень конкретных решений в такой хаотической борьбе эвентуально устанавливался некоторый порядок – и чаще всего проходили те из них, которые устраивали президента. Вряд ли это была сознательная линия нового спикера И.С. Плюща, представителя фракции НДП, обреченной в каком-то смысле стать пропрезидентской – ведь без активной поддержки "с самого верха" она не заняла бы лидирующих позиций. Плющ заявлял о своем центризме – и даже помимо своей воли должен был стать центристом, и стал им.

Самое ожесточенное наступление на президента, однако, произошло при Плюще и было связано с "кассетным скандалом": прослушанными 12 декабря 2000 г. записями беседы некоторых парламентариев с майором Н. Мельниченко, "самостийно" записывавшим беседы президента с некоторыми высшими чиновниками и мотивировавшим это тем, что он-де присягал не Кучме, а народу... Рассмотрение этого дела в стенах Верховной Рады тем же хаотическим большинством отождествлялось с обвинениями и приговором, но в этом столкновении парламент потерял не меньше, чем президент. И все же 2001 год начался, отмечает автор, в рабочем режиме: парламент интенсивнее, чем когда-либо, принимал законы, президент еще интенсивнее устанавливал отношения с Россией, не забывая подчеркивать свою лояльность и "европейскому выбору" (Кучме удалось в этом плане добиться некоторой комплементарности, т.е. продуктивной дополнительности данных двух выборов, и в этом его немалая заслуга как политика – правда, это оценка рецензента, а не автора). Тем самым парламент больше занимался внутривнутриполитическими вопросами, а президент – внешнеполитическими; подобного рода "разделение труда" в ходе политических маневров на парламентском просторанстве будет продолжаться до конца 14 созыва, спрогнозировала Т.С. Гузенкова, и есть основания предполагать, что в этом она не ошиблась.

Вернемся, однако, от прогноза к анализу, проведенному в дальнейших главах. После общих характеристик Верховной Рады автор дает свое видение спектра политических партий. Не удовлетворяясь классификациями украинских и зарубежных политологов, она с опорой на собственные методики кластерного анализа разделяет политические партии по отношению к президенту. При этом в пропрезидентскую группировку входят фракции НРУ, ПЗУ (Партия зеленых Украины), НДП (пост спикера обошелся ей крайне дорого, почти в 60 мест, но не все они оказались потерянными для президента), СДПУ(о) (Социал-демократическая партия Украины, объединенная), сюда же входят динамично меняющие свою численность группы "независимых" и внефракционных депутатов. Общая тенденция – понижение численности всех фракций, но не до критического предела. Общий результат – большая лояльность парламента в целом, причем по отношению не только к президенту, но и к электорату – это значит, что популизм Верховной Рады "выходит из моды".

Контрпрезидентские фракции (про и контр- автор почему-то пишет по латыни – для убедительности?) – КПУ, не потерявшая первенства по числу мест; Социалистическая партия Украины (СПУ), лидер которой А.А. Мороз взял на себя миссию "погубления" президента кассетами – 25 и 19, данных на март 2000 г. в книге нет, но порядок чисел, по всем признакам, сохраняется, Селянская партия Украины (СПУ), "Громада", лидер которой П.И. Лазаренко предпочел американскую тюрьму украинской, Прогрессивная социалистическая партия Украины (ПСПУ), градус скандальности политического лидера которой – Наталии Витренко – сопоставим с таковым у Жириновского. Судьба группы этих партий более извилистая, внутри этого полуспектра шли острые дебаты по поводу консолидации вокруг фигуры премьер-министра В. Ющенко. Появлялись и новые фракции – "Возрождение регионов" (36 мест в марте 2000 г.), "Батьківщина" ("Родина") – претендующая в 2001 г. на роль наиболее антипрезидентской и возглавляемая Юлией Тимошенко (35), "Трудовая Украина" (35) (количественные данные см. на с. 11, 25, 124, 135).

Анализируя социальную структуру депутатского корпуса, автор приходит к следующему выводу: почти половина депутатов ранее занималась государственной службой, т.е. были чиновниками, пятая часть – бизнесом, 7,5% – руководители партийных и общественных организаций. Рабочих – менее 1%, а крестьян, несмотря на наличие Селян-

ской партии, ни одного... Без малого половина депутатов – 219 – по месту жительства киевляне. (С. 28–29). "Раскачивают" лодку, таким образом, люди искушенные: по партийной принадлежности – коммунисты да социалисты, по социальному статусу – чиновники, а по месту жительства – киевляне, "недораскачивать" ее вторые и третьи обречены.

Неудивительно поэтому и то, что парламент стал, по характеристике автора, местом сосредоточения нецивилизованного, пользующегося приемами теневой или популистской политики, стихийного и неподконтрольного государству лоббизма – с существенной долей криминального компонента в части лоббистских организаций.

Конкретное политологическое описание фракций дано в наиболее обширной главе, оно строится по определенному алгоритму: справка о происхождении, программе, председателе (многие из которых не избежали тюрьмы, но так и не узнали, что такое сума), о позиции в ходе президентских выборов, о перспективах. Автор правомерно именует парламент "КОЛЫБЕЛЬЮ" для претендентов (12 из 15 зарегистрированных ЦИК) на пост президента, точнее было бы назвать его "аэродромом" для тренировочных полетов. «Верховную Раду этого периода, – пишет Т.С. Гузенкова, – следует рассматривать не только как идеологический форпост оппозиционных сил, но и, пожалуй, как единственную официальную государственную структуру, открыто поддерживавшую политических оппонентов президента. Роль в этом личности А. Ткаченко едва ли можно переоценить. Политические противники обвиняли Л. Кучму в злоупотреблении, так сказать, "служебным положением", в том, что он использовал всю мощь президентской и исполнительной власти в своих предвыборных интересах. Есть основания полагать, что это действительно так. Но следует признать и то, что парламент стал избирательной трибуной, а также существенным ресурсом поддержки и для А. Ткаченко» (С. 111).

Естественно в этих условиях было появление "боя после победы" – и он был дан повторно избранному президенту – во втором туре 14 ноября 1999 г. за него проголосовали 56%, а за лидера коммунистов П. Симоненко – 37% (С. 122). Кучма уже в январе 2000 г. создал ситуацию, когда оппозиционные силы потеряли своего спикера, но в конце года последовал контрудар: "кассетный скандал". Президент свергнут не был, но раны были ему нанесены глубокие.

Автор замечает: "Как бы ни сложились внутренние отношения в Верховной Раде,

кто бы ни взял верх в сложной коллизии между президентом и парламентом, какие бы ни создались формы взаимодействия между правобережной и левобережной частями страны, приоритетной задачей политической жизни должна оставаться внутренняя консолидация украинского общества, а также рост взаимопонимания и толерантности между Украиной и Россией, между народами наших двух стран" (С. 203). Весьма обоснованный прогноз, а в целом Т.С. Гузенкова как бы призывает: меньше интересуйтесь скандалами, больше – механизмами соотношения властей. Последние, как ни странно, оказывались обладающими достаточной устойчивостью – по сравнению с таковыми в России и Белоруссии. Именно так – вопреки громогласным сражениям.

Автор, правда, не выдвигает тезис о большей зрелости украинского парламентаризма, поэтому рискнем дополнить ее выводы.

1. В ходе парламентской истории партии, даже сверхоппозиционные, оказываются обреченными поддерживать президента – даже когда он "подставляется" своими подчиненными: от премьера (Ющенко) до майора (Мельниченко). Это фиксирует факт некоего полуинстинктивного избегания сверхрадикализма со стороны партий и наличие, может быть, трудно осознаваемой, но постоянно проводимой линии на интеграционные устремления со стороны президента.

2. Структура партий неплохо отражает структуру электоральных предпочтений.

Это стало бы яснее, если бы Т.С. Гузенкова учла региональный аспект последних. Она, к сожалению, проигнорировала результаты интересной работы в данном направлении "Украина и Россия: общества и государства", отв. редактор Д.Е. Фурман, результаты, о которых рецензенты говорили как об основополагающих.

3. Ответы на сакраментальные вопросы: удастся ли президенту разогнать парламент, а тому – "свернуть шею" президенту, получатся скорее отрицательные. За соответствующими столкновениями тянется шлейф слишком густого дыма, за которым трудно рассмотреть огонь, может, потому, что его почти нет. Кто-то специально подбрасывает "дымовые шашки"? Очень даже может быть.

После углубленного прочтения книги на этот вопрос легче искать ответ. Потому что в исследовании намечены контуры политической жизни Украины, которые позволяют утверждать, что на отрезке изменчивость/постоянство она тяготеет ко второму полюсу.

Тематика и содержание книги шире затронутых здесь вопросов. Но их разработка – дело и будущего, которое надо было бы начинать еще вчера. Есть основание считать, что плодотворный диалог между учеными – специалистами по Украине в разных исследовательских центрах – будет способствовать его осуществлению сегодня.

© 2002 г. Э.Г. Задорожнюк

Международная научная конференция "Россия, Польша, Германия в европейской и мировой политике XVI–XX вв."

На рубеже нового века и нового тысячелетия взаимоотношения Германии, Польши и России привлекают пристальное внимание европейской общественности. И такой интерес отнюдь не случаен. Заключительное десятилетие XX в. ознаменовалось в названных странах кардинальными общественно-политическими переменами. Объединение Германии, падение в Польше коммунистического режима, распад СССР и становление новой России – все это повлекло за собой изменение облика Европы. Новое содержание и характер приобрели международные отношения. Сформировалось новое экономическое, политическое и культурное пространство. Расширяются рамки Североатлантического союза. Широко обсуждается вопрос о приеме новых членов в Европейский союз.

На развитие указанных процессов принципиальное влияние оказывают взаимоотношения Германии, Польши и России. Как и в течение предшествовавших четырех веков, политика названных стран во многом определяет ситуацию в Европе и в мире. Следует подчеркнуть, что прошлое, исторический опыт наших народов оказывают глубокое воздействие на характер политических процессов сегодняшнего дня.

Неразрывная связь истории и современности была в центре внимания участников Международной научной конференции "Германия, Россия, Польша в европейской и мировой политике XVI–XX вв.", состоявшейся 25–27 июня 2001 г. в Смоленске. Ее организаторами выступили Смоленский государственный педагогический университет и Институт славяноведения Российской академии наук. Организационную и финансовую поддержку в проведении конференции оказал Фонд им. Фридриха Эберта (Германия). На конференции выступили с докладами и приняли участие в дискуссии ученые из Белоруссии, Германии, Польши, России, с Украины, представитель Фонда Эберта в России, а также представители администрации Смоленской области, общественные деятели, предприниматели, студенты и преподаватели

смоленских вузов, корреспонденты смоленского радио и телевидения, смоленских газет, освещавшие работу конференции.

Символично и то, что названная конференция проводилась в Смоленске – старинном русском городе, основанном в верховьях Днепра на пути "из Варяг в Греки". Его тысячелетняя история запечатлела как примеры трагических конфликтов между нашими странами, так и опыт плодотворного хозяйствования и культурного сотрудничества. И сегодня Смоленская область – регион с развитыми промышленностью, сельским хозяйством, центр науки и просвещения – обладает богатым потенциалом для развития многостороннего сотрудничества со своими западными соседями. Об этом, в частности, говорили приветствовавшие участников конференции вице-губернатор Смоленской области Р.И. Захаренкова, председатель Комитета по науке и технике областной администрации профессор А.А. Стерлягов, руководитель экспедиции Института археологии НАН Украины С.А. Воронов и другие.

Программу первого дня конференции открыл цикл докладов, объединенных общей темой: "Россия, Польша, Германия в Европе Нового времени XVI–XVIII вв.". В докладах Л.И. Ивониной (Смоленск) и Х. Духарта (Майнц) была поставлена проблема соотношения объективного содержания и субъективного восприятия политики великих держав на Западе и на Востоке Европы. Докладчики сосредоточили внимание на вопросе о влиянии менталитета политической элиты на формирование системы международных отношений, на выработку политической стратегии и тактики. В дискуссии было отмечено, что сложившиеся еще в эпоху раннего Нового времени политические стереотипы сохранились до наших дней, что идеи о "духе" русской, польской или германской нации нередко становятся факторами и современной политики, при этом старые доктрины строительства политических барьеров существенно затрудняют

установление взаимопонимания между народами.

В докладах А. Буес (Варшава) и Б.В. Носова (Москва) рассматривались проблемы истории Курляндии и Речи Посполитой XVII–XVIII вв. в широком контексте общественно-политической полемики и дискуссии в историографии о причинах политического упадка институтов сословно-представительной монархии и шляхетской демократии на востоке Европы, о борьбе за наследие Ливонского ордена, о предпосылках, обусловивших разделы Польши. Обсуждение поставленных вопросов показало особое значение диалектического единства внутренних и внешних факторов европейского политического процесса. Участники дискуссии подчеркивали, что политика реформ, проводимая в отдельных странах, как это было в XVIII в. в Пруссии, в Польше и в России, определялась не только внутренними условиями этих государств, но во многом и международной ситуацией, причем в отдельных случаях международное положение приобретало решающее значение и как фактор внутренней политики. Было отмечено, что с углублением всесторонних международных связей указанное значение все более возрастало. Также было высказано мнение, что на современном этапе позиции национальных историографических школ и политических наук сближаются в этом вопросе, а проведение назревших реформ в отдельных странах все более рассматривается как составная часть общеевропейского политического процесса.

Следующий круг проблем, рассмотренных на конференции, связан с эпохой от Великой французской революции до конца Первой мировой войны. Этот период был определен в программе как время заката великих империй и торжества принципа национальности. Однако в заслушанных докладах и в дискуссии участники конференции избрали новаторское направление в исследовании поставленных проблем. В частности, было отмечено, что в XIX в. резко возрастает потенциал коммуникаций между народами европейских стран. Красной нитью через все доклады проходила мысль о значении непосредственных и опосредованных человеческих контактов как импульсов политического и культурного развития. На это указывали А.А. Гугнин и З.М. Гугнина (Новополоцк), говоря о восприятии русской культуры в Германии, Т.Н. Гелла (Орел) – рассматривая вопрос о формировании общественного мнения как особого фактора международных отношений. С.М. Фалькович (Москва) показала, как непосредственное участие поляков в общест-

венной жизни Австрии, Германии, России, Франции повлияло на характер идеологии польского освободительного движения.

Второй и третий день работы конференции были посвящены анализу места России, Польши и Германии в мировой политике XX в., итогам и перспективам взаимоотношений этих стран. Рубежам в эволюции отношений между ними стали две мировые войны. Как подчеркивали докладчики и выступавшие в дискуссии, вопрос о причинах Второй мировой войны имеет исключительное и отнюдь не только научное значение. Исторический опыт последней мировой войны является одним из оснований современной политики международной безопасности и поддержания мира, оказывает решающее влияние на формирование антивоенного общественного сознания. Наконец, осмысление этого опыта сыграло немалую роль в примирении России, Польши и Германии. Однако в современных международных отношениях нередко проявляются тенденции, которые уже сыграли свою негативную роль в 1919–1939 гг. Эти тревожные явления и стали в первую очередь предметом анализа на конференции.

Заслушанные доклады по данной проблематике можно условно разделить на две группы. Во-первых, место Польши в международных отношениях "между Гитлером и Сталиным". Этой теме были посвящены доклады П. Вечоркевича (Варшава), С.В. Кретицина (Воронеж), В.Н. Сиянова (Орел), а также С.З. Случа (Москва) и Е.Л. Валеовой (Москва). Во-вторых, эволюция идеологических концепций и практики восточной политики Германии. Анализ названных проблем содержался в докладах С.И. Артамошина (Брянск) и О.Ю. Пленкова (Санкт-Петербург).

В дискуссии по вопросам, поставленным в указанных докладах, отмечалось, что тенденция "негативной польской политики" (понятие введено в историографию К. Цернаком) имеет длительную историческую традицию. Суть этой политики состояла в стремлении великих держав, в первую очередь России и Пруссии, а затем и Германии, к урегулированию взаимных противоречий за счет Польши. Такой курс нашел выражение в разделах Польского государства. Несмотря на разногласия между учеными о соответствии определения "разделы Польши" событиям XIX и XX вв., следует признать, что названная тенденция представляла собой постоянно действующий вектор российской и германской политики. Вместе с тем столкновение мнений и оценок на конференции вызвал вопрос о том, насколько

ко "негативная польская политика" проявилась после Второй мировой войны в результате Ялтинских соглашений и послевоенного урегулирования в Европе. Было отмечено, что разделение Европы на два противостоящих блока, раскол Германии и включение Польши в сферу влияния СССР, с точки зрения геополитики и многостороннего анализа международных отношений, типологически представляют собой аналогию территориальному разделу Европы в предшествующие периоды. Возражая против приведенной концепции, некоторые участники дискуссии подчеркивали, что территориальный раздел Европы в 1919 г. уже содержал в себе элементы политической системы, в полной мере сформировавшейся после 1945 г. Новые границы в Европе и раздел континента на сферы влияния противостоящих друг другу военных блоков явились только внешним проявлением противоречия между демократической системой, основанной на экономическом и политическом плюрализме, и тоталитарной структурой общества в пределах советского блока. Особенностью названного противоречия было острое идеологическое противостояние двух мировых систем, которые только подчеркивало качественное отличие международных отношений 1919–1990 гг. от предшествовавшего и последующего периодов.

В контексте развернувшейся дискуссии особое место принадлежало докладу Э. Дурачиньского (Варшава) "Политика польского правительства в отношении Германии и СССР, 1939–1945 гг.". В нем, в частности, были проанализированы взгляды руководителей польского некоммунистического сопротивления по вопросам послевоенного урегулирования в Центральной Европе и создания на основе федеративного государства на основе союза Польши и Чехословакии. Автор показал, как стратегия лидеров антигитлеровской коалиции вступила в противоречие с планами руководителей малых европейских государств, предвосхитив тем самым разделение Европы на противостоящие военные блоки.

Дискуссия по поставленным проблемам в их современном актуальном звучании была продолжена на круглом столе на тему: "Перспективы взаимоотношений Германии, Польши и России – тенденции и формы развития сотрудничества". В ней приняли участие представители общественности Смоленска, студенты и преподаватели смоленских вузов, корреспонденты Смоленского радио и газеты "Смоленские новости". Во вступительном слове ведущего, профессора Ю.Е. Ивонина (Смоленск), отмечалось,

что в истории наших стран имели место как периоды конфронтации, так и сотрудничества. По его словам, осмысление позитивного опыта необходимо, чтобы избежать ошибок и найти оптимальный путь к взаимопониманию. Б.В. Носов добавил к этому, что уроки истории для наших стран свидетельствуют, что наибольшие успехи в политике были достигнуты Германией, Польшей и Россией, когда они действовали согласованно в интересах мира. С другой стороны, самые тяжелые поражения приходились на их долю в периоды военного противостояния. Положительными примерами в этой области может служить политика "разрядки" начала 1970-х годов и взаимопонимание на рубеже 1980–1990-х годов.

Представитель Фонда Эберта в России д-р П. Шульце поставил вопрос об интернационализации современной политики на примере основных этапов европейской интеграции. Вместе с тем он подчеркнул, что в настоящий момент европейские страны стоят перед выбором пути в будущем. По его словам, существующая модель Европейского союза более не соответствует задачам дальнейшего расширения единой Европы и процессам глобализации мировой экономики, что приводит к противоречиям между "старыми" и "новыми" членами ЕС, а также странами, намеренными вступить в единую Европу. Одним из путей решения возникших проблем могло бы быть развитие экономической интеграции в рамках свободного рынка, при оптимальном ограничении сфер взаимных политических обязательств и социальной ответственности.

Заключительное заседание конференции проводилось в Мемориальном комплексе "Катынь". Были заслушаны доклады В.К. Волкова (Москва) «Становление "нового мирового порядка" и новые тенденции во взаимоотношениях России, Польши и Германии на современном этапе»; Ю.Е. Ивонина "Россия, Польша, Германия: истоки конфликтов и поиски путей примирения"; Н.И. Рабиновича (Смоленск) "Смоленск – Катынь – Красный Бор: малоизвестные события и подробности".

В Катыни, где трагические события Второй мировой войны оставили тяжелый след в памяти народов наших стран, с особой силой прозвучало единодушное мнение участников конференции, что прошлое не может быть предано забвению, однако оно не должно стать питательной почвой для семян вражды. Общая скорбь должна объединить людей для строительства безопасного и более справедливого мира.

© 2002 г. Б.В. Носов

Седьмая Международная конференция по социалингвистике (22–24 IX 2000 г. София, Болгария)

Социалингвистика – одно из ведущих и актуальных направлений современного языкознания. В течение ряда лет Международное социалингвистическое общество в Софии (Insoliso), объединившее ряд ученых европейских и других стран (в том числе российских), проводит тематические конференции по важнейшим областям социалингвистических знаний. Седьмая Международная конференция по социалингвистике была посвящена проблеме билингвизма и диглоссии. В программе конференции было заявлено 103 доклада, из них 59 прочитано на заседаниях; 43 доклада принадлежали болгарским участникам конференции, 16 – иностранным участникам, в том числе представителям Венгрии, Германии, Израиля, Мальты, Норвегии, России, Югославии. Болгарию представляли ученые Софийских, Велико-Тырновского, Шуменского, Смолянского и других научных центров. Конференция привлекла большую аудиторию, велась активная дискуссия по обсуждаемой проблематике.

Пленарное заседание было посвящено обсуждению актуальных теоретических вопросов, связанных с диахроническим и социалингвистическим подходом к изучению процесса языковых контактов и интерференции на Балканах (доклады Хетила Ро Хауге "Займствование прагматических частиц" и Евгении Деминой "Языковые контакты на Балканах как социалингвистический феномен"). В докладе Наталии Уфимцевой развивалась мысль о том, что этнокультурная специфика языкового сознания сохраняется и в условиях билингвизма. Михаил Виденов рассмотрел в своем докладе перспективы развития языковой ситуации в Болгарии в эпоху мировой глобализации, учитывая нарастающие изменения в национально-демографической ситуации в Болгарии: рост турецкого и романского населения, его возрастающая общественно-культурная роль по сравнению с основным населением страны. Некоторые положения доклада вызвали возражения в аудитории.

Далее работа конференции проводилась на утренних и вечерних заседаниях по пяти секциям. Работа первой секции была посвящена проблеме макросоциалингвистики: социалингвистике двуязычных и многоязычных речевых общностей. Вторая секция занималась проблемами микролингвистики: билингвизм как социальное и психологическое явление. Третья секция объединяла доклады, посвященные особенностям диглоссии в различных языковых ситуациях. Диахронные аспекты билингвизма и языковых контактов рассматривались на заседаниях четвертой секции, на одном из которых председательствовала Е.И. Демина. Наконец, заседание пятой секции было посвящено актуальной проблеме "Билингвизм и диглоссия в бывших социалистических странах". Работа конференции завершилась Круглым столом и подведением итогов (доклад М. Виденова, выступление Е.И. Деминой). Председатель Оргкомитета конференции проф. М. Виденов был на три ближайших года избран Председателем Международного социалингвистического общества в Софии. Была определена тема следующей конференции, которая состоится в сентябре 2003 г. в Софии, – "Язык поколения".

Конференция показала, что социалингвистика в наши дни занимает все более важное место в современном языкознании, особенно учитывая возрастающую сложность языковой и этнической ситуации во многих современных странах. Большую роль социалингвистический подход играет и при изучении диахронических процессов, определявших современную языковую картину. Проведение Седьмой Международной конференции по социалингвистике "Билингвизм и диглоссия – современные проблемы" явилось вкладом в развитие современного языкознания.

Доклады данной конференции (как и предыдущих) будут опубликованы в серийном издании Insoliso "Проблемы социалингвистики", вып. VII. Тезисы конференции не публиковались.

© 2002 г. Е.И. Демина

Научная конференция "Найден Геров в истории болгарской науки и культуры"¹

Международная научная конференция, состоявшаяся в Софии 13–15 ноября 2000 г., была приурочена к 100-летию со дня смерти Найдена Герова – выдающегося деятеля эпохи национально-культурного Возрождения Болгарии. В историю болгарской науки и культуры Н. Геров вошел прежде всего как автор знаменитого "Словаря болгарского языка" (1895–1908) – первого толкового словаря этого языка, составленного болгаринцем и отразившего лексику народной речи болгар XIX в., и как видный деятель начальной истории национального просвещения в Болгарии.

Жизнь и творческая деятельность Н. Герова, как известно, были тесно связаны с Россией. Он получил образование в Ришельевском лицее в Одессе, в Одессе и Петербурге опубликовал ряд своих трудов. Многие годы Н. Геров являлся российским вице-консулом в Пловдиве.

Конференция была подготовлена Институтом болгарского языка Болгарской академии наук, Пловдивским университетом им. Паисия Хилендарского, Болгарским лексикографическим обществом, Пловдивской гуманитарной гимназией им. Кирилла и Методия и общинским советом г. Копривштица под патронажем президента Болгарской академии наук академика И. Юхновского. В ее программу были включены 54 доклада ученых Болгарии, Германии, Испании, Польши, России, Чехии. Большая часть докладов принадлежала болгарским участникам форума – ученым Болгарской академии наук (Ин-т болгарского языка, Ин-т истории, Кирилло-методиевский научный центр), Софийского, Пловдивского, Великотырновского, Шуменского, Юго-западного университетов, научным сотрудникам музеев и др.

Конференция открылась пленарным заседанием, состоявшимся в Болгарской академии наук. На нем было заслушано три доклада. В первом из них В. Кювлиева-Мишайкова охарактеризовала путь Н. Геро-

ва в болгарской лексикографии и его значение в развитии этой области языкознания в Болгарии. Г.К. Венедиктов осветил интерес российских славистов XIX в. к народному языку болгар и их занятия по сбору его словарных материалов. Особое внимание было уделено деятельности академика И.И. Срезневского, сыгравшего большую роль в работе Н. Герова по составлению начального варианта "Словаря болгарского языка" и публикации его первых выпусков в 1856 г. в Петербурге. В докладе Е. Хаджиниколовой было охарактеризовано место Н. Герова в острых спорах деятелей эпохи Возрождения Болгарии по проблемам создания нового литературного языка. Особенности позиции Н. Герова по этим жгучим в то время вопросам заключались в том, что он, будучи решительным приверженцем создания литературного языка на основе живой народной речи, настойчиво отстаивал необходимость сохранения традиционного (этимологического) правописания и следовал ему в продолжение всей своей творческой жизни.

Последующие заседания конференции (всего их было шесть) происходили по двум секциям в Институте болгарского языка БАН. Доклады, посвященных общим научным проблемам, так или иначе связанным с деятельностью Н. Герова, было немного. Среди них – доклад Р. Цойнской о месте Н. Герова в истории современного болгарского литературного языка; П. Быркаловой о рукописных грамматиках болгарского языка и предыстории так называемой Пловдивской литературно-языковой школы, представлявшей одно из двух главных направлений в нормализации литературного языка в эпоху Возрождения; Х. Гладковой о принятой Н. Геровым системе правописания в общей истории орфографического вопроса в Болгарии, а также ряд докладов о месте Н. Герова в истории болгарской лексикографии.

Превалировала же на секционных заседаниях тематика, прямо связанная с содержанием и особенностями "Словаря болгарского языка". Следует особо отметить доклады Б. Велчевой о народном и книжном пластах в "Словаре" Н. Герова, М. Божиловой

¹ Участие автора данного материала в конференции состоялось при поддержке Российского научного гуманитарного фонда (грант № 00-04-15135з).

о "Словаре" как зеркале болгарской языковой картины мира. Интересные сведения об истории фототипического издания этого словаря в 1970-е годы представил П. Пашов. В большой группе докладов была дана характеристика того, что отражено в "Словаре" Н. Герова, например, разные тематические группы лексики, этнографические сведения и т.д. В другой части докладов сопоставлялись данные "Словаря" Н. Герова с данными некоторых современных идиомов и др. В программу конференции были включены и некоторые доклады, по своему содержанию никак не связанные с ее проблематикой (например, о проблеме представления информации в словаре "Иврит – бол-

гарский язык", о роли быстрого письма в повышении эффективности умственного труда и др.).

В последний день конференции состоялась поездка в Копривштицу – родной город Н. Герова, где в местной гимназии были проведены показательные уроки болгарского языка и представлена культурная программа.

Конференция вызвала большой интерес и прошла успешно, продемонстрировав понимание современными учеными научной и просветительской деятельности Н. Герова. Материалы конференции готовятся к публикации.

© 2002 г. Г.К. Венедиктов

Славяноведение, № 1

Круглый стол "Восточнославянская диалектология, лингвогеография и славянский контекст"

Круглый стол был организован и проведен Отделом славянского языкознания Института славяноведения РАН 5 июня 2001 г. В нем приняли участие известные специалисты по славянской диалектологии и молодые исследователи-диалектологи из Москвы и С.-Петербурга. Актуальность проблематики Круглого стола определяется рядом обстоятельств и прежде всего тем, что особенностью современного состояния славянской диалектологии и лингвогеографии является завершение (или близкое завершение) составления и публикация атласов большинства славянских языков, ведется работа над атласами иных типов. В этой ситуации в качестве одной из важнейших выступает проблема применения (использования) принципиально новой информации, содержащейся в лингвистических атласах и, следовательно, ареалогически маркированной. На это в свое время специально обращали внимание, например, Р.И. Аванесов, С.Б. Бернштейн и другие, когда писали, что при наличии большого объема новых данных по славянской лингвогеографии (и в том числе содержащихся в Общеславянском лингвистическом атласе (= ОЛА), еще не разработаны адекватные принципы и методы их сопоставления и интерпретации. Выбор восточнославянских диалектов как объекта рассмотрения на Круглом столе связан с тем,

что они основательно изучены в лингвогеографическом аспекте: опубликованы атласы русского, белорусского, украинского языков, их диалекты в сопоставительном плане изучаются в рамках специального серийного издания "Восточнославянские изоглоссы" (= ВСИ); наконец, данные о них достаточно полно представлены в картотеке ОЛА. Вместе с тем составление любого атласа – длительный процесс, а в это время изучение конкретных диалектов не прекращается, фиксируются неизвестные ранее явления, которые не могут быть отражены в атласе, поскольку находятся за пределами диалектных различий, предусмотренных его вопросником.

Следует подчеркнуть, что в Институте славяноведения РАН изучению восточнославянской проблематики всегда уделялось большое внимание. Ученые Института ныне активно участвуют в создании ОЛА, выступают в качестве инициаторов и исполнителей работы над такими крупными научными ареалогическими проектами как Карпатский диалектологический атлас (КДА), Общекарпатский диалектологический атлас (= ОКДА), ряда фундаментальных трудов по славянской описательной диалектологии и под. (см.: [1]). Организаторы Круглого стола видели свою задачу в том, чтобы обсудить те явления и тенденции, которые характерны

для современной восточнославянской диалектологии, – это и опыты интерпретации имеющихся диалектных карт, и результаты включения карт национальных атласов в более широкое диалектное пространство, что дает возможность для более полной (а иногда и нетрадиционной) характеристики диалектного континуума, и информация о новых диалектных фактах, открытых в ходе полевых исследований последних лет, и т.д.

В ряде докладов в системе доказательств была использована лингвогеографическая информация, полученная на материале разных славянских языков. Так, *Л.Э. Калнынь* в докладе "Восточнославянская лингвогеография и ее отношение к славянскому континууму" в качестве объекта ареальной интерпретации объединила диалекты всех восточнославянских языков, используя данные национальных атласов и ОЛА. На их основе выявляются фонетические диалектные различия, дающие повод для коррекции представлений о генезисе разных восточнославянских диалектов и об их месте в диалектной классификации. Ряд черт украинских и белорусских диалектов указывают на то, что между ними с одной стороны и русскими диалектами – с другой существуют достаточно ранние различия. Это проявляется, в частности, в специфике рефлексации **rbt*, **rbt* (> *ъц*, *ьц*) в украинском и белорусском. В этом автор видит отражение тенденции более категорического вокального завершения слога, что не было свойственно древнерусским говорам. Украинско-белорусский регион выделяется во всей Славии и употреблением заднебного фарингального протетического согласного перед инициальным **o*; если считать, что такой согласный ассоциируется с придыханием, изначально лежащим в основе протезы, то окажется, что указанные говоры репрезентируют по этому признаку наиболее архаичную зону Славии. В докладе были приведены и иные факты, ставящие под сомнение идею древнерусского единства периода до падения редуцированных, и отмечено, что украинские диалекты демонстрируют в своем развитии аналогию с диалектами западно- и южнославянской зоны. В докладе обсуждалась и проблема разного уровня дифференциации славянского диалектного континуума. Максимум диалектной пестроты отмечен на юго-западе и западе Славии, тогда как восточнославянская ее часть представляет достаточно монотонную картину (особенно ярко это подтверждают карты фонетических выпусков ОЛА – реф-

лексация **ѣ*, **ѣ*, **е*, **о*, **о* в открытом слоге и др.).

Т.В. Попова ("К проблеме дифференциации восточнославянского диалектного континуума") охарактеризовала особенности диалектного ландшафта, выявленного в результате рекартографирования материалов трех восточнославянских национальных атласов в рамках обобщающего труда "Восточнославянские изоглоссы" (издано три выпуска). На фонетических, морфонологических, морфологических, синтаксических, лексических картах этого труда выделяется ряд ареалов – северо-восточный, северо-западный, западный, юго-западный, украинско-белорусский, украинский и др. Эти карты отражают некоторые особенности процесса исторического развития восточнославянских диалектов (гсп. языков); так, украинские говоры обнаруживают особенности, позволяющие предполагать, что в период так называемого древнерусского единства они имели иное развитие, чем другие восточнославянские.

В докладе *Г.П. Клениковой* "Карпатоукраинские говоры как объект лингвогеографического изучения" обращается внимание на то, что периферийное положение указанных говоров в Северной Славии способствовало, с одной стороны, консервации в них многих архаических черт, а с другой – длительным и интенсивным контактам с соседними языками – славянскими и неславянскими (прежде всего на лексико-семантическом уровне). Лингвогеографическое изучение карпатоукраинских говоров в более широком контексте, в плане "внешнего" (по отношению к украинскому диалектному языку) сравнения ставит задачу, во-первых, выявления и ареалогической характеристики сепаратных параллелей между карпатоукраинской зоной и иными зонами Славии (при изучении проблемы дифференциации славянского диалектного ландшафта), и, во-вторых, выяснения роли карпатоукраинских говоров в формировании "общекарпатского" слоя лексико-семантических единиц (при изучении проблемы формирования карпатской [= карпато-балканской] языковой общности конвергентного типа).

И.А. Букринская и *О.Е. Кармакова* свой доклад "Лингвогеографическое изучение восточнославянской лексики" посвятили характеристике особенностей (прежде всего лексических) русских говоров Волго-Клязьминского междуречья, относящихся к так называемой "центральной диалектной зоне" (по определению К.Ф. Захаровой и В.Г. Орловой). Обращается внимание на существо-

вание параллелей между данным объединением говоров и северо-западными говорами, во-первых (ср., например, использование сложных названий для 'радуги' и под.), а, во-вторых, – с некоторыми южнославянскими говорами (в частности, с болгарскими); последнее может объясняться периферийным положением сопоставляемых говоров в масштабе *всей* Славии.

Н.Е. Ананьева, одна из наиболее компетентных современных исследователей польских говоров, относящихся к группе, которую называют *polnsczyzna kresowa*, в докладе "К созданию Атласа польских периферийных говоров (Литва, Белоруссия, Украина)" представила некоторые итоги одного из направлений их изучения – лингвогеографического. Она проиллюстрировала свой доклад лингвистической картой, содержащей обозначения 'летучей мыши'. Наибольший интерес представляют специфические для этих говоров названия, образованные по модели <<летящая / летучая>> & <<мышь / крыса>>. Эта карта показывает пути реального восточнославянского (собственно, белорусского) влияния на польские говоры в сфере лексики, наиболее ярко проявляющегося в западной части Белоруссии и в зоне белорусско-литовского пограничья. Тему восточнославянского влияния на польские говоры продолжил доклад *О.А. Остапчук* "Некоторые аспекты изучения восточнославянско-западославянских отношений: польские говоры в украинском языковом окружении". Автор проанализировал современное состояние польских говоров на территории Западной Украины (Тернопольская обл. и др.) и выявила сильное влияние украинского языка (местных украинских диалектов) на всех уровнях системы польских говоров, большинство носителей которых в настоящее время являются билингвами, а польский язык активно используют преимущественно представители старшего поколения.

Материал систематического обследования большого числа диалектных систем одного языка интерпретируется в ряде выступлений. *Н.Н. Пшеничнова* посвятила свой доклад "Дискретность и континуальность русского диалектного пространства" структурно-типологической классификации русских говоров, отраженных в "Диалектологическом атласе русского языка" (= ДАРЯ). Классификация строится с учетом диалектных различий, компоненты которых реализованы более чем в 4 тыс. говоров отдельных населенных пунктов. Объем материала предполагает применение специаль-

ного метода анализа признаков, включающего математические понятия и компьютерное программирование. Все диалектные особенности получают значение классификационных признаков и классифицируются по степени значимости. Полученные данные характеризуют русский диалектный ландшафт в аспекте дискретности – континуальности; мерой последней является постепенность перехода от одной группы говоров к другой. Постепенность обнаруживается в том, что на всех уровнях разбиения выделяются переходные и/или разнородные совокупности говоров, а между однородными группами существует отношение дискретности (= резкий переход). Доклад был проиллюстрирован картой, показывающей дифференциацию русских говоров, которая близка к установленной в свое время *К.Ф. Захаровой* и *В.Г. Орловой* и которая вместе с тем, несомненно, имеет более фундаментальное и объективное обоснование. Критические соображения относительно сформулированных в докладе принципов новой, структурно-типологической, классификации русских диалектов изложил *Л.Л. Касаткин*.

С проблемой лингвогеографического изучения русских говоров связан и доклад *С.К. Пожарицкой* "Северные говоры за чертой ДАРЯ. К вопросу о диалектном членении русского языка". Известно, что территория обследования в этом атласе на севере ограничена линией Петрозаводск – Сольвычегодск. Говоры севернее этой линии, согласно "Опыту диалектологической карты русского языка в Европе" (Пг., 1915), относятся к поморскому типу севернорусского наречия. В докладе ставится вопрос о том, как оценивать эти говоры на фоне современной лингвогеографической обследованности русских диалектов и сделанной на основе этого классификации (*К.Ф. Захарова*, *В.Г. Орлова*): являются ли указанные выше говоры самостоятельным диалектным образованием или же они продолжение вологодской группы. По-видимому, содержательный ответ возможен лишь в результате специального изучения этих говоров; должны учитываться и данные о некоторых из них, включенных в сетку обследования ОЛА.

О проекте атласа, посвященного лингвогеографической интерпретации явлений *одного* уровня, лексико-словообразовательного, было сообщено в докладе *Т.И. Вендиной* "Лексический атлас русских народных говоров в общем контексте славянской лингвогеографии". Необходимость составления

такого атласа обусловлена прежде всего тем, что программа ДАРЯ предусматривает весьма ограниченный корпус знаний о диалектных различиях в лексике. В итоге этот атлас дает достаточно фрагментарную информацию о лексических диалектных различиях, что особенно заметно в контексте славянской диалектологии в целом, – в некоторых славянских странах (Белоруссия, Словакия, Польша) ведется интенсивная работа по составлению именно лексических атласов. В настоящее время русский лексический атлас находится на стадии картографирования материалов и подготовки пробного выпуска (были продемонстрированы образцы будущих карт, выполненных компьютерным способом).

Ряд докладов был посвящен описанию отдельных диалектных явлений, среди которых есть и вновь открытые в ходе полевых исследований последних лет. Так, *Р.Ф. Касаткина* ("Заметки о южнорусской интонации") показала специфику акустического и интонационного оформления вопроса в одном говоре западной части Калужской области. Диалектная окрашенность рассматриваемых речевых сегментов подтверждена осциллограммой и тонограммой, сопоставленными с соответствующими фрагментами литературного произведения. *Л.Л. Касаткин* в докладе "Дьереза гласных в говорах Донской группы южнорусского наречия" описывает явление утраты безударного гласного (в том числе и перед паузой), что компенсируется передачей слогаобразующей функции предшествующему согласному. При этом меняются физические характеристики согласного – увеличивается его длительность, интенсивность. Примечательно, что утрата гласного происходит через стадию его оглушения. Прогрессивное воздействие глухого консонанта на гласный отражает приоритетное значение в звуковой цепи согласных максимально консонантного уровня, что может иметь значение типологического показателя. В докладе *С.Л. Николеева* "Некоторые результаты экспериментального исследования восточнославянских говоров" приведены наблюдения над фонетикой карпатоукраинских диалектов. Предложены нетривиальные выводы о характере слоговой интонации, об отношении рефлексации *ъ, *ъ, *о к другим гласным, известные также по другим работам автора. В выступлении *Р.Ф. Касаткиной* была высказана критическая оценка ряда положений концепции доклада.

Ф.Р. Минлос свой доклад ("Фонетическая структура рифмованных [слово]сочетаний

в русских диалектах") посвятил фонетическому явлению, известному как в русском литературном языке и просторечии, так и в говорах, а именно – разным видам рифмованных сочетаний и принципам их фонетического оформления. Это прежде всего редупликация, при которой значимое слово получает семантически незначимый повтор. В зависимости от фонетики значимого слова повтор может быть справа или слева от него; рифмованным может быть сочетание без мотивирующей основы и, наоборот, может рифмоваться сочетание двух семантически самостоятельных сегментов.

В нескольких докладах были проанализированы грамматические особенности русских диалектов. *А.И. Рыко* в докладе "Русские диалектные системы с глагольной флексией 3 л. = *m/φ*: семантический аспект" предложила объяснять вариативное употребление указанной флексии наст. вр. с учетом семантики всего контекста, выделяя при этом такие его типы как «(настоящее "спектакля")», «(длительное действие как фон для других действий)», «(дистрибутивная повторяемость ситуации)» и т.д. Заметим, что при обсуждении этого интересного доклада указывалось на необходимость учета некоторых иных факторов, которые могут влиять на "непоследовательное" использование данных флексий, в частности, характера глагольной основы (*С.К. Пожарицкая, Т.В. Попова*). *О.А. Абраменко* в докладе "К вопросу о зависимости между типом склонения и исходом основы существительных в русских говорах", используя материал некоторых говоров тверской зоны, описала разные типы обобщения флексий в род., дат.-местн. пад. ж.р. Обращено внимание на такие параметры как ударность / безударность гласного флексии, твердость / мягкость согласного основы. Автор, используя дополнительные материалы, констатировала наличие близких явлений в западнорусских говорах р-на Новоржев-Опочка-Невель. *А.В. Тер-Аваневова* в докладе "Системы флексий род., дат., местн. пад. существительных ед.ч. ж.р. в восточнославянских диалектах", развивая тему предыдущего доклада и учитывая данные национальных атласов, показала специфику украинских и некоторых полесских говоров (по сравнению с говорами иных восточнославянских зон). Это позволило автору предположить сохранение в них в наибольшей степени черт, характерных для (поздне)праславянского состояния именных флексий.

М.Н. Толстая ("Опыт составления толкового словаря говора") изложила прин-

ципы, которые реализованы в подготовке диалектного словаря украинского говора с. Торунь (Закарпатье). Базой словаря послужили обширные материалы, собранные в ходе нескольких диалектологических экспедиций; установление значений производилось в результате анализа записанных текстов и пояснений, даваемых носителями диалекта. Эти принципы получили дальнейшее развитие при работе над новым словарем – словарем диалекта с. Синевир.

Заседание Круглого стола завершилось докладом *А.Ф. Журавлева* "Еще раз к этимологии русск. *детинец*", в котором автор, основываясь на тщательном анализе соот-

ветствующей диалектной лексики, сформулировал свою версию происхождения данного слова, актуализирующую идею '(место) находящееся внутри (чего-либо)' (ср. также сев.-русск. *детинец* 'внутренняя воронка верши' [СРНГ] и др.).

© 2002 г. *Л.Э. Калнынь, Г.П. Клепикова*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Калнынь Л.Э., Клепикова Г.П.* О некоторых итогах и перспективах исследований по славянской диалектологии // Славяноведение. 1995. № 6.

Новые издания Института славяноведения РАН

В 1999–2001 гг. в Институте славяноведения РАН вышли следующие издания:

- *Автопортрет славянина. М., 1999.
- Авторитарные режимы в Центральной и Восточной Европе (1917–1990-е годы). Центральноевропейские исследования. М., 1999. Вып. 1.
- Васильев М.А.* Язычество восточных славян накануне крещения Руси: Религиозно-мифологическое взаимодействие с иранским миром. Языческая реформа князя Владимира. М., 1999.
- Власть и интеллигенция. Культурная политика в странах Центральной и Восточной Европы. 1920–1950-е годы. М., 1999. Вып. 3.
- Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. М., 1999.
- *Геннадийос. К 70-летию академика Г.Г. Литаврина. М., 1999.
- Горизонтов Л.Е.* Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше. М., 1999.
- *Греческая культура в России. XVII–XX вв. М., 1999.
- Дмитриев М.В., Заборовский Л.В., Турилов А.А., Флоря Б.Н.* Брестская уния 1596 г. и обществено-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI – первой половине XVII в. Ч. II: Брестская уния 1596 г. Исторические последствия событий. М., 1999.
- **Коровицына Н.В.* Среднее поколение в социокультурной динамике Восточной Европы второй половины XX в. М., 1999.
- **Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л.* Белорусско-украинско-русская православная книжность межвоенной Польши: Исследования и публикации. М., 1999.
- Македония: проблемы истории и культуры. М., 1999.
- Мир звучащий и молчащий. Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. М., 1999.
- *Польша и Европа в XVIII в. М., 1999.
- Славянские этюды. Сборник к юбилею С.М. Толстой. М., 1999.
- *Славянский альманах. 1998. М., 1999.
- Фрейдзон В.И.* Нация до национального государства. Историко-социологический очерк Центральной Европы XVIII в. – начала XX в. Дубна, 1999.
- **Аксенова Е.П.* Очерки из истории отечественного славяноведения. 1930-е годы. М., 2000.
- *А.С. Пушкин и мир славянской культуры. М., 2000.
- *Балто-славянские исследования. 1998–1999. М., 2000.
- Белова О.В.* Славянский бестиарий. Словарь названий и символики. М., 2000.
- Бернштейн С.Б.* Из проблематики диалектологии и лингвогеографии. М., 2000.
- Век Екатерины II. Дела балканские. М., 2000.
- **Головачева А.В.* Стереотипные ментальные структуры и лингвистика текста. М., 2000.
- **Задорожнюк Э.Г.* Социал-демократия в Центральной Европе. М., 2000.
- **Калиганов И.И.* Георгий Новый у восточных славян. М., 2000.
- **Кирилина Л.А.* Словенцы и революция 1848–1849 гг. М., 2000.
- *Книга в пространстве культуры. М., 2000.
- Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л.* Православная литература белорусов современной Польши. М., 2000.
- **Маркович Д.Ж.* Разговор с друзьями. М., 2000.
- *Международные организации и кризис на Балканах. Документы. М., 2000. Тома I, II.
- **Плотникова А.А.* Словари и народная культура. Очерки славянской лексикографии. М., 2000.

- *Политика и поэтика. Сб. статей. М., 2000.
- Поляки и русские в глазах друг друга. М., 2000.
- Поляки и русские. Взаимопонимание и взаимонепонимание. М., 2000.
- *Русская и украинская дипломатия в Евразии: 50-е годы XVII века. М., 2000.
- Славяно-германские исследования. М., 2000. Т. 1–2.
- *Славянские народы: общность истории и культуры. М., 2000.
- * *Хаванова О.В.* Нация, отечество, патриотизм в венгерской политической культуре: движение 1790 года. М., 2000.
- *Центральная Европа в поисках новой региональной идентичности. М., 2000.
- *Из Варшавы: Москва, товарищу Берия. Документы НКВД СССР о польском подполье. 1944–1945 гг. М.-Новосибирск, 2001.
- *Институт славяноведения. 1999–2000. М., 2001.
- * *Костюшко И.И.* Польское национальное меньшинство в СССР (1920-е годы). М., 2001.
- * *Молошная Т.Н.* Грамматические категории глагола в современных славянских литературных языках. М., 2001.
- * *Николаев С.Л., Толстая М.Н.* Словарь карпатоукраинского торуньского говора. М., 2001 г.
- * *Смирнов Л.Н.* Словацкий литературный язык эпохи национального возрождения. М., 2001 г.
- * *Фрейдзон В.И.* История Хорватии. М., 2001.

Книги, отмеченные звездочкой, Вы можете приобрести по адресу: 117334, Москва. Ленинский пр-т, 32А, корп. В, Институт славяноведения РАН, комн. 921. Тел. (095) 938-54-66, Гурьева Маргарита Васильевна. Только за наличный расчет.

Готовится к выходу в свет: *Утопия в славянском мире. Коллективная монография по материалам конференции 1999 г.*

В работе рассмотрены литературные и социальные утопии в славянской культуре. Выявлены общие жанровые показатели утопии, ее позиции в культурном пространстве, колебания между художественным и публицистическим типом сюжета и художественное пространство, на котором основывается классификация утопии.

Вышла в свет: *Из Варшавы: Москва, товарищу Берия. Документы НКВД СССР о польском подполье.* – М. – Новосибирск, 2001. 427 С.

Второе переработанное и дополненное новыми документами российских архивов издание сборника на основе "Особых папок" секретариата НКВД СССР, формировавшихся для И.В. Сталина из наиболее секретных материалов.

CONTENTS

ARTICLES

Toward the Anniversary of G. Keipert	3
<i>Sazonova L.I.</i> (Moscow). Name in East Slavic Rhetoric and Poetry in XVII Century	4
<i>Tolstaya S.M.</i> (Moscow). Semantic Model of Kinship in Slavic Folk Calendar	23
<i>Zapolskaya N.N.</i> (Moscow). Grammar and Theology: the Question of the Biblical Anthroponymical Space.....	27
<i>Turilov A.A.</i> (Moscow). Who is of the Same Name with Rannokysum? Glosses as an Element of the Initial Concept and Mounting of the Text of the Despot Stephan Constantin Kostenecky's Life...	31
<i>Vendina T.I.</i> (Moscow). A Number and a Counting in the Old Slavic Language	36
<i>Krysko V.B.</i> (Moscow). ОТЪНИКА and МАТЕРИЦИ	42
<i>Zsoltan A.</i> (Budapest). Slavic-Hungarian Etymologies	48

* * *

<i>Blumlova D.</i> (České Budějovice). T.G. Masaryk's Personality and Image in Viktor Dyk's Works.....	53
<i>Goryainov A.N.</i> (Moscow). A Tragic Page in V.I. Picheta's Biography as Reflected in an 1928' Stenogram.....	62
<i>Smirnov L.N.</i> (Moscow). Toward the Anniversary of the Department of Slavic Linguistics, the Institute for Slavic Studies, RAS	72

COMMUNICATIONS

<i>Goryainov A.N., Dostal M.Yu.</i> (Moscow). From the Scholarly Point of View (On the Posthumous Collection of Articles by S.B. Bernstein).....	79
<i>Toschovitch B.</i> (Graz). Dispersion of a Verb in a Noun	82

PUBLICATIONS

<i>Kosyk V.I.</i> (Moscow). The Idea of Slavic Unification and the Rebirth of Russia. The Press-Mark "Amour". 1919.....	93
<i>Dziewanowski M.K.</i> (Milwaukee). Professor Michail Karłowicz (1888–1959). Introduction by L.E. Gorizontov	101

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>Турко G.G.</i> В.П. Гудков. Славистика. Сербистика: Сборник статей.....	105
<i>Клопова М.Е.</i> Н.М. Пашаева. Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв.	108
<i>Zadorozhnyuk E.G.</i> Т.С. Гузенкова. Политические партии и лидеры в Верховной Раде Украины (1998–2000)	111

SHOLARLY LIFE

<i>Nosov B.V.</i> The International Scholarly Conference "Russia, Poland, Germany in European and World Politics in XVI–XX Centuries"	115
	127

<i>Demina E.I.</i> The Seventh International Conference on Sociolinguistics (22–24.IX.2000, Sofia, Bulgaria)	118
<i>Venediktov G.K.</i> The Scholarly Conference "Naiden Gerov in the History of Bulgarian Science and Culture"	119
<i>Kalnyn L.E., Klepikova G.P.</i> Round Table: "Eastern Slavic Dialectology, Linguistic Geography and the Slavic Context"	120
New Publications of the Institute for Slavic Studies, RAS	125

Технический редактор *В.М. Пахомова*

Сдано в набор 10.10.2002	Подписано к печати 03.12.2001	Формат 70 × 100 ¹ / ₁₆
Офсетная печать.	Усл.-печ.л. 10,4	Усл.кр.-отт. 6,3 тыс.
	Тираж 601 экз.	Уч.-изд.л. 12,2
	Зак. 4878	Бум.л. 4,0

Свидетельство о регистрации № 0110184 от 4 февраля 1993 года
в Министерстве печати и информации Российской Федерации
Учредители: Российская академия наук, Институт славяноведения и балканистики РАН

Адрес издателя: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 117334, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 938-01-20
Отпечатано в ППП "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6
E-mail: vasilyev@FL09.tower.ras.ru

Индекс 70891

Славяноведение, 2002, № 1

ISSN 0132-1366